

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

№ 9 (106) СЕНТЯБРЬ 2019

В НОМЕРЕ:

Пржиленский В. И.

*Модернизация концептуальных оснований
российского права: аксиология, логика, прагматика*

Кутейников Д. Л.

*Особенности применения технологий
распределенных реестров и цепочек блоков
(блокчейн) в народных голосованиях*

Кожеуров Я. С., Теймуров Э. С.

*Понятие, признаки и правовая природа
глобальной исследовательской инфраструктуры*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex Russica («Русский закон») — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ № 9 (106) СЕНТЯБРЬ 2019

Ежемесячный научный журнал. Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

Председатель редакционного совета журнала

**ГРАЧЕВА
Елена
Юрьевна** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, первый проректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Заместитель председателя редакционного совета журнала

**ЕРШОВА
Инна
Владимировна** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник юстиции России, заслуженный юрист РФ.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Главный редактор журнала

**СИТНИК
Александр
Александрович** кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Ответственный секретарь

**СЕВРЮГИНА
Ольга
Александровна** эксперт отдела научно-издательской политики НИИ
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Члены редакционного совета журнала

**БЕКАШЕВ
Дамир
Камильевич** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации.
Почтовый адрес: 119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.

**БЕЛОВА
(ГАНЕВА)
Габриела** кандидат юридических наук, доцент, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: 2700, Болгария, г. Благоевград, ул. Ивана Михайлова, д. 66.

**БОЛТИНОВА
Ольга
Викторовна** доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финансового права, ученый секретарь Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

**БРИНЧУК
Михаил
Михайлович** доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, заслуженный деятель науки РФ.
Почтовый адрес: 119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

**ВИННИЦКИЙ
Данил
Владимирович** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

**ВОСКОБИТОВА
Лидия
Алексеевна** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.
Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

**ГАЗЬЕ
Анн** доктор права, доцент Университета Paris Quest Nanterre La Défense (Франция).
Почтовый адрес: 92001, Франция, г. Нантер, авеню Републик, д. 200.

**ГОЛОВНЕНКОВ
Павел
Валерьевич** доктор права, ассессор права, главный научный сотрудник кафедры уголовного и, в частности, экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия).
Почтовый адрес: 14482, Германия, г. Потсдам, ул. Августа Бебеля, д. 89.

- ДУБРОВИНА Елена Павловна** кандидат юридических наук, член Центризбиркома России, заслуженный юрист РФ. Почтовый адрес: 109012, Россия, г. Москва, Б. Черкасский пер., д. 9.
- ЗАНКОВСКИЙ Сергей Сергеевич** доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего сектором предпринимательского и корпоративного права, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук. Почтовый адрес: 119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.
- ЗАХАРОВ Владимир Викторович** доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Курской области. Почтовый адрес: 305000, Россия, г. Курск, ул. Радищева, д. 33.
- КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- КОКОТОВ Александр Николаевич** доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Почтовый адрес: 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Сенатская пл., д. 1.
- КОРНЕВ Аркадий Владимирович** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- КУРБАНОВ Рашад Афатович** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. Почтовый адрес: 117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., д. 36.
- ЛИПСКИ Станислав Анджеевич** доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству. Почтовый адрес: 105064, Россия, г. Москва, ул. Казакова, д. 15.
- МАРИНО Иван** кандидат юридических наук, доцент Государственного университета «Ориентале» (Неаполь), руководитель Центра мониторинга политико-правовой системы России, Итальянского представительства Фонда конституционных реформ. Почтовый адрес: 80121, Италия, г. Неаполь, виа Карло Поэрио, д. 15.
- МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заместитель председателя Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ. Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос** доктор права, магистр философии, профессор Афинского университета, вице-ректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (IASL), специальный эксперт в области спортивного права в Европейском Союзе, награжден премией «Право: Человек года» (2009) Американским биографическим институтом (ИНК). Почтовый адрес: 10677, Греция, г. Афины, ул. Веранжероу, д. 4.
- ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна** доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Почтовый адрес: 119991, Россия, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13.
- РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна** доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа, заслуженный юрист РФ, почетный работник судебной системы. Почтовый адрес: 620075, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 32/27.
- РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), президент Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза», академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

- СОКОЛОВ Александр Юрьевич** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии. Почтовый адрес: 410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1.
- ФОКИНА Марина Анатольевна** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия. Почтовый адрес: 117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.
- ХВАН Леонид Борисович** кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Ташкентского государственного юридического института. Почтовый адрес: 100000, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Главпочтамт, а/я № 4553.
- ЧАННОВ Сергей Евгеньевич** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина. Почтовый адрес: 410031, Россия, г. Саратов, ул. Соборная, д. 23/25.
- ЧЕРНЫШОВА Ольга Сергеевна** кандидат юридических наук, начальник отдела Секретариата Европейского Суда по правам человека. Почтовый адрес: 67075, Франция, г. Страсбург, Cedex, ЕСПЧ.
- ШАЛУМОВ Михаил Славович** доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке). Почтовый адрес: 121260, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 15.
- ШИТКИНА Ирина Сергеевна** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Почтовый адрес: 119991, Россия, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13.
- ЯСКЕРНЯ Ежи** доктор юридических наук, профессор, директор Института права, экономики и управления Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша). Почтовый адрес: 25369, Польша, г. Кельц, ул. Зеромского, д. 5.
- Редакционная коллегия журнала*
- КАШАНИНА Татьяна Васильевна** профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор. Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич** профессор кафедры уголовного права, доктор юридических наук, профессор. Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович** и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент. Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович** профессор кафедры конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, профессор. Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна** доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук. Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- СОКОЛОВА Наталья Александровна** заведующий кафедрой международного права, доктор юридических наук, доцент. Почтовый адрес: 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Chairperson of the Board of Editors

**GRACHEVA
Elena
Yurievna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law, First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Worker of Science and Technology of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Vice-Chairperson of the Board of Editors

**ERSHOVA
Inna
Vladimirovna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Business and Corporate Law of the Kutafin Moscow State Law University, Honored Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Worker of Justice of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Chief editor of the magazine

**SITNIK
Aleksandr
Aleksandrovich** PhD in Law, Associate Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Executive Editor

**SEVRYUGINA
Olga
Aleksandrovna** Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Members of the Board of Editors

**BEKYASHEV
Damir
Kamilievich** Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: 119454, Russia, Moscow, prospekt Vernadskogo, d. 76.

**BELOVA-GANEVA
Gabriela** PhD in Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law and History of the South Western University named after the Neophyte Rilsky (Bulgaria)
Mailing address: 2700, Bulgaria, Blagoevgrad, ul. Ivana Mikhailova, d. 66.

**BOLTINOVA
Olga
Viktorovna** Doctor of Law, Professor, Vice-Chairperson of the Department of Financial Law, Academic Secretary of the Kutafin Moscow State Law University, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

**BRINCHUK
Mikhail
Mikhailovich** Doctor of Law, Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Scholar of the Russian Federation.
Mailing address: 119019, Russia, Moscow, ul. Znamenka, d. 10.

**CHANNOV
Sergey
Evgenievich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Service and Labor Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.
Mailing address: 410031, Russia, Saratov, Sobornaya ul., d. 23/25.

**CHERNISHOVA
Olga
Sergeevna** PhD in Law, Head of Division at the Registry of the European Court of Human Rights.
Mailing address: European Court of Human Rights, 67075 Strasbourg Cedex, France.

**DUBROVINA
Elena
Pavlovna** PhD in Law, Member of the Election Committee of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation.
Mailing address: 109012, Russia, Moscow, B. Cherkasskiy per., d. 9.

- FOKINA Marina Anatolievna** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: 117418, Russia, Moscow, ul. Novocheremushkinskaya, d. 69.
- GAZIER Anne** Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Quest Nanterre La Défense (France).
Mailing address: Université Paris Ouest Nanterre La Défense, 200 avenue de la République, 92001, Quest Nanterre, La Défense, France.
- GOLOVNIENKOV Pavel Valerievich** Doctor of Law, Law Assessor, Chief Legal Researcher of the Department of Criminal and Economic Criminal Law of the Law Faculty of the University of Potsdam (Germany).
Mailing address: Universität Potsdam, Juristische Fakultät, August-Bebel-Str. 89, 14482 Potsdam, Deutschland.
- JASKIERNIA Jerzy** Prof. dr hab. Jan Kochnowski University, Kielce, Poland, Department of Management and Administration Director, Institute of Economy and Administration, Chair, Administration and Legal Sciences Division.
Mailing address: Str. Żeromskiego 5, Kielce, Poland, 25369.
- KALINICHENKO Paul Alekseevich** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- KHVAN Leonid Borisovich** PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Tashkent State Legal Institute.
Mailing address: 100000, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Glavpochtamt, a/ya 4553.
- KOKOTOV Aleksandr Nikolaevich** Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 190000, Russia, St. Petersburg, Senatskaya pl., d. 1.
- KORNEV Arkadiy Vladimirovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- KURBANOV Rashad Afatovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: 117997, Russia, Moscow, per. Stremyanny, d. 36.
- LIPSKI Stanislav Andjeevich** Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: 105064, Russia, Moscow, ul. Kazakova, d. 15.
- MARINO Ivan** PhD in Law, Associate Professor of the University «L'Orientale», Head of the Monitoring Center for the Political and Legal System of Russia, and of the Italian Representative Office of the Constitutional Reforms Foundation.
Mailing address: via Carlo Poerio, 15, 80121, Napoli, Italia.
- MATSKEVICH Igor Mikhailovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scholar of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice-chairman of Advisory Council of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- PANAGIOTOPOULOS Dimitrios** Professor of University of Athens, Attorney-at-Law Vice-Rector, University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL), awarded «Person of the Year in Law» (2009) from the American Biographical Institute (INC).
Mailing address: 4 Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.
- PETROVA Tatiana Vladislavovna** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: 119991, Russia, GSP-1, Moscow, Leninskie Gory, d. 1, build. 13.
- RESHETNIKOVA Irina Valentinovna** Doctor of Law, Professor, Chairperson of the Arbitration Court of the Urals District, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of the Judicial System.
Mailing address: 620075, Russia, Ekaterinburg, prosp. Lenina, d. 32/27.

- ROSSINSKAYA
Elena
Rafailovna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Forensic Examination of the Kutafin Moscow State Law University, President of the Association of Educational Institutions «Forensic Examination», Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scholar of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- SHALUMOV
Mikhail
Slavovich** Doctor of Law, Professor, Deputy Head of Directorate — Chief of Branch of the Systematization of Legislation and Analysis of the Judicial Practice at Criminal procedure of the Directorate of the Systematization of Legislation and Analysis of the Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: 121260, Russia, Moscow, ul. Povarskaya, d. 15.
- SHITKINA
Irina
Sergeevna** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: 119991, Russia, GSP-1, Moscow, Leninskie Gory, d. 1, build. 13.
- SOKOLOV
Aleksandr
Yurievich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Municipal Law of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: 410056, Russia, Saratov, ul. Volskaya, d. 1.
- VINNITSKIY
Danil
Vladimirovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: 620137, Russia, Ekaterinburg, ul. Komsomolskaya, d. 21.
- VOSKOBITOVA
Lidia
Alekseevna** Doctor of Law, Professor, the Head of the Department of Criminal Procedure Law of the Kutafin Moscow State Law University, Honored Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- ZAKHAROV
Vladimir
Viktorovich** Doctor of Law, Professor, Chairman of Arbitration Court of Kursk Region.
Mailing address: 305000, Russia, Kursk, ul. Radischeva, d. 33.
- ZANKOVSKIY
Sergey
Sergeevich** Doctor of Law, Professor, Acting Head of the Business and Corporate Law Sector, Chief Scientific Officer of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: 119019, Russia, Moscow, ul. Znamenka, d. 10
- Editorial Board**
- KASHANINA
Tatyana
Vasilyevna** Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Professor.
- KLEPITSKIY
Ivan
Anatolyevich** Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Professor.
- MIKHAILOV
Sergey
Mikhailovich** Acting Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Kutafin Moscow State Law University, PhD in Law, Associate Professor.
- OSAVELYUK
Aleksey
Mikhailovich** Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University.
- PODUZOVA
Ekaterina
Borisovna** PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University.
- SOKOLOVA
Natalya
Aleksandrovna** Doctor of Law, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University, Associate Professor.
-

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И ЭТИКА ПРАВА

- Пржиленский В. И.** Модернизация концептуальных оснований российского права: аксиология, логика, прагматика 11

ТЕОРИЯ ПРАВА

- Егоров А. А.** Категория «правонарушение» в психологической теории права 19

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Хатуев В. Б.** Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: становление, состояние и проблемы уголовно-правовой регламентации в российском уголовном законодательстве 27

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Кутейников Д. Л.** Особенности применения технологий распределенных реестров и цепочек блоков (блокчейн) в народных голосованиях 41

- Мамедова В. Э.** Теоретические подходы к понятию ответственности членов политических партий и ее соотношение с юридической ответственностью 53

- Колесникова О. В.** Институт уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в субъектах Российской Федерации: основные направления совершенствования 63

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Белов В. А.** Правовая сущность подарочного сертификата: ООО «Бершка СНГ» против Управления Роспотребнадзора по г. Москве (дела № А40-А40-202419/17 и А40-226793/17) 71

- Соловьева О. А.** Партиципативное управление как особый административно-правовой режим предпринимательской деятельности 80

- Ручкина М. О.** Понятие и субъекты оценочной деятельности: вопросы правовой регламентации 90

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Бурмагин С. В.** Итоговые и промежуточные судебные решения в контексте единства и дифференциации судебных производств в уголовном процессе 97

- Таболина К. А., Джейранова З. Р.** Совершенствование процедуры применения принудительных мер воспитательного воздействия 106

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- Подволоцкий И. Н.** Предварительное исследование видеоизображений человека в портретной экспертизе 115

- Белякова Е. Г.** Актуальные проблемы судебной финансово-экономической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц 123

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Кожеуров Я. С., Теймуров Э. С.** *Понятие, признаки и правовая природа глобальной исследовательской инфраструктуры* 130

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО

- Слепак В. Ю., Ариянец А. А.** *Формирование европейского исследовательского пространства в контексте эволюции правового регулирования проведения европейских исследований* 142

- Раманкулов К. С.** *Тенденция неустойчивой занятости: особенности ее проявления в трудовом законодательстве и проблемы влияния норм иной отраслевой принадлежности на сферу труда с учетом международных трудовых стандартов (по материалам государств Евразийского экономического союза)* 153

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

- Пономарева Д. В.** *Патентование человеческих генов: судебная практика Соединенных Штатов Америки, Канады и Австралии* 166

- Брисов Ю. В.** *Ответственность исполнительного органа юридического лица за недобросовестные действия* 174

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

- Гордиенко И. И.** *Правовое регулирование утилизации объектов недвижимости, находящихся в государственной собственности* 185

- Попова О. В.** *Реализация права на землю сельскими жителями* 193

КОНФЕРЕНЦИИ

- Крылов К. Д.** *Влияние новой промышленной революции на развитие трудового права и права социального обеспечения* 201

CONTENTS

PHILOSOPHY AND ETHICS OF LAW

- Przhilenskiy V. I.** *Modernization of Conceptual Foundations of Russian Law: Axiology, Logic, Pragmatics* 11

THEORY OF LAW

- Egorov A. A.** *Category “Wrongdoings” in Psychological Theory of Law* 19

PAGES OF HISTORY

- Khatuev V. B.** *Inducing Suicide or Attempted Suicide: The Formation, State and Challenges of Criminal Law Regulation in Criminal Laws of Russia* 27

STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

- Kuteynikov D. L.** *Peculiarities of Application of Technologies of Distributed Registers and Blockchain (Blockchain) for the Popular Vote* 41

- Mamedova V. E.** *Theoretical Approaches to the Concept of Responsibility of Members of Political Parties and its Correlation with Legal Responsibility* 53

- Kolesnikova O. V.** *The Institute of the Ombudsman for the Rights of Indigenous Peoples in the Constituent Entities of the Russian Federation: Main Directions for Improvement* 63

BUSINESS AND CORPORATE LAW

- Belov V. A.** *The Legal Essence of a Gift Certificate: ООО “Bershka SNG” versus the Office of Rospotrebnadzor for the city of Moscow (cases No. A40-A40-202419/17 and A40-226793/17)* 71

- Solovyova O. A.** *Participatory Management as a Special Administrative and Legal Regime of Business Activity* 80

- Ruchkina M. O.** *The Concept and Subjects of Estimating Activity: Issues of Legal Regulation* 90

CRIMINAL PROCEDURE

- Burmagin S. V.** *Final and Intermediate Court Decisions in the Context of Unification and Differentiation of Court Proceedings in Criminal Procedure* 97

- Tabolina K. A., Dzheyranova Z. R.** *Improvement of the Procedure of Application of Compulsory Measures of Educational Impact* 106

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY. FORENSIC EXAMINATION

- Podvolotskiy I. N.** *Preliminary Study of Video Images of Humans in Portrait Examination* 115

- Belyakova E. G.** *Current Issues of Judicial Financial and Economic Expertise in Cases of Intentional Bankruptcy of Legal Entities* 123

INTERNATIONAL LAW

- Kozheurov Ya. S., Teymurov E. S.** *Concept, Features and Legal Nature of Global Research Infrastructure* 130

INTEGRATION LAW

Slepak V. Yu., Ariyants A. A. *Formation of a European Research Area in Evolution of Legal Regulation of European Research* 142

Ramankulov K. S. *Precarious Employment Trend: Features of its Development in Labor Legislation and the Problems of Other Norms of Industry Affiliation Influence on the World of Work, Taking into Account International Labor Standards* 153

COMPARATIVE LEGAL STUDIES

Ponomareva D. V. *Patenting of Human Genes: The United States, Canada and Australia Case Law* 166

Brisov Yu. V. *Responsibility of the Executive Body of a Legal Entity for Fraud* 174

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

Gordienko I. I. *Legal Regulation of the State-Owned Real Estate Disposal* 185

Popova O. V. *Exercise of Land Rights by Rural Residents* 193

CONFERENCES

Krylov K. D. *The Impact of a New Industrial Revolution on the Development of Labor Law and Social Security Law* 201

ФИЛОСОФИЯ И ЭТИКА ПРАВА

В. И. Пржиленский*

Модернизация концептуальных оснований российского права: аксиология, логика, прагматика¹

***Аннотация.** В статье рассматривается современное состояние концептуальных оснований российского права с точки зрения возможности преодоления ценностно-мировоззренческой дихотомии в определении аксиологии, логики и прагматики данных оснований. Отдельно рассматривается теория справедливости Дж. Роулза, взятая в качестве наиболее влиятельной политико-правовой философии Запада, а также ее альтернатива в лице евразийской философской мысли. Анализируется способность евразийского понимания государства и права составить конкуренцию либерализму и неоконтрактивизму Дж. Роулза. Показывается ограниченность как первой, так и второй альтернативы и обосновывается необходимость учета каждого из векторов развития концептуальных основ современного российского права.*

***Ключевые слова:** концептуальные основания, российское право, евразийство, вестернизация, модернизация.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.011-018

Среди концептуальных оснований российского права выделяются два больших блока, имеющих разную природу. К первому блоку оснований можно отнести исторические, цивилизационные, социокультурные, этноконфессиональные, административно-политические детерминанты сложившейся в России системы права, характеризующие ее уникальность. Второй блок оснований представляет собой набор философских и научно-теоретических представлений о природе права, сформировавшийся в процессе взаимодействия с внешним

миром, и прежде всего с европейскими странами, чье политико-правовое и хозяйственно-экономическое развитие признано передовым. Этот блок возникает путем усвоения философских концепций и научных теорий, соответствующих идеалов и ценностей. Он сосуществует с первым, но это сосуществование рождает противоречия, заставляя власть периодически изменять приоритеты и делать выбор в пользу то одного, то другого. Не будучи в силах отказаться как от первого, так и от второго блока оснований, вся история российского права оказывается

¹ Статья написана при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках базовой части государственного задания на выполнение НИР по проекту 29.4813.2017/8.9.

© Пржиленский В. И., 2019

* Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) vladprnow@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

последовательностью сменяющих друг друга периодов движения то в одну, то в другую сторону. Вот уже более двух столетий это противоречие является одной из центральных тем в развитии отечественной философии.

Разнообразные экономические, политические и административные соображения господствующей элиты заставляют российское право колебаться между вестернизацией и обособлением. В этой статье тема теории справедливости как феномена научной жизни тесно переплетается с темой теории справедливости как интеллектуального вызова, оценка которого связана с целым рядом социально-политических и культурно-цивилизационных контекстов. Следует отметить, что о теории справедливости написано немало, и содержание книги Д. Роулза отечественными авторами разобрано довольно основательно².

В одной из частных бесед автор слышал, как американские философы сравнивали эту книгу с немецкими учебниками по философии права, что неудивительно: термин «справедливость» употребляется юристами как вполне понятный им профессиональный юридический термин. Но философии права сегодня нет ни в американской, ни во французской системе правового знания, а в российской науке философия права институционально существует лишь «внутри» теории права и государства. А сами российские философы, за редким исключением, не очень-то стремятся к обсуждению проблем юридического знания и в еще меньшей степени привлекают для этого собственно философские средства и методы.

Публикация «Теории справедливости» Д. Роулза на русском языке также стала событием, хотя специалистам по западной политической философии она, конечно же, была известна и прежде. Само название выглядело довольно неожиданно для тех, кто был воспитан в традиции советского обществознания. Путаясь в сложнейших конструкциях, связывающих общенаучные теории с частнонаучными, эпистемологи и методологи тщательно избегали самой

возможности говорить о философских теориях, предпочитая измерять «атомы» и «молекулы» историко-философского знания при помощи таких величин, как понятие, концепция, учение, школа или направление. В крайнем случае использовались такие термины, как «система», но уже в 90-е гг. это выглядело как анахронизм — немецкая классическая философия перестала задавать стандарты и нормы словоупотребления. И вот опять теория. Дисциплинированный ум сразу же требует продолжения, способного исправить возникшую неловкость. Например, следует ли ждать теории свободы, теории ответственности, теории блага, то есть речь идет о реформатировании этики, когда отменяются целостные теории, а их место занимает каскад теорий: каждой категории по теории. Но, может быть, речь идет не о моральной, а о политической теории, теории государства и права? Или теория справедливости манифестирует сворачивание этики, политической философии, теории государства и права, других наук? Совсем как в случае с К. Марксом, который определял исторический материализм как проект, прекращающий существование истории, экономики, философии, права как отдельных, несамостоятельных дисциплин. Может быть, именно в контексте дисциплинарно-научоведческой полемики с историческим материализмом и следует искать понимание этого словосочетания?

Наряду с названными соображениями, возникает вопрос об адекватности перевода самого названия на русский язык. Действительно, «A Theory of Justice» можно было бы перевести на русский язык и как «теория правосудия». Примечательно, что ни пресловутая Википедия, ни современные толковые или профессиональные словари не определяют русское слово «юстиция» как «справедливость». Обращение же к латинской этимологии в данном случае не совсем уместно, раз эта этимология не закрепились ни в филологических, ни в философских, ни в юридических словарных толкованиях. Так, если обратиться к профессиональным словарям юристов, то под юстицией предлагается пони-

² См., например: *Алексеева Т. А.* Справедливость. Морально-политическая философия Джона Роулза. М., 1992; *Кузьмина А. В.* Идея справедливости в либеральной традиции. М., 1998.

мать либо правосудие, либо судопроизводство, либо систему государственных учреждений, осуществляющих правосудие. Но любой перевод данного словосочетания на русский язык одинаково порождает чувство недоумения у всех тех, кто не знаком с англоязычной литературой, а перед российскими обществоведами ставит нерешаемую задачу дисциплинарной рубрикации. «Теория справедливости» Д. Роулза обычно включается в учебные курсы политологии, политической теории, теории государства и права, философии права, этики и др. И это при том, что сам автор не использует такие термины, как «политическая теория» или «философия права».

Но недоумение вызывает не только название. Определение справедливости как честности требует немалых герменевтических усилий, так как лишь внешне имитирует определение. Автору этих строк не раз приходилось сталкивался с изумлением тех, кто впервые узнавал, что Д. Роулз определяет справедливость как честность (*figeness*). Ведь в учебниках и словарях справедливость — это этическая категория. Как, впрочем, и честность. Что же тогда перед нами такое? Может быть, девиз? Или афоризм, метафора, что-то еще в этом же роде? Понятие справедливости вполне себе определяется в рамках этики как одна из фундаментальных этических категорий. Правда, в различных дефинициях справедливость выступает то как моральная санкция, то как понятие о должном, то как мера соответствия между деянием и воздаянием, то как принцип распределения ограниченных ресурсов. Поиски родового понятия не мешают в этих случаях давать и полагающиеся в соответствии с логическими требованиями видовые отличия. А вот Д. Роулз просто отождествил два этических понятия и из этого «короткого замыкания» родилась новая наука, которая не есть ни политическая теория, ни философия права, ни этика. Отсюда и легкое замешательство отечественных исследователей: к какой секции, к какому сектору или к какой специальности можно причислить исследование данной теории?

Еще книга Д. Роулза специалистами нередко квалифицируется как ответ марксизму, ответ долгожданный и, что вполне ожидаемо, наде-

лавший много шума. Идеологии, технологии и политические доктрины, опиравшиеся на марксизм, выглядели куда как более предпочтительно, потому что их создатели, в отличие от речей и действий своих оппонентов, декларировали и в некоторой степени опирались на полуфилософскую, полунучную теорию, иногда именуемую научным коммунизмом. Противники марксизма, напротив, апеллировали к ценностям, обоснование которых находилось в традиции, в религии либо в циничной этике утилитаризма. Здесь же предлагался вариант, казавшийся не менее научным, чем учение марксистов. Более того, заявленные Д. Роулзом в качестве методологических оснований теории игр и принятия решений должны были отчетливо показать, что предлагаемая «теория» опирается на достижения науки XX в., что выгодно отличало ее от весьма устаревшего фундамента марксизма.

У трудностей перевода книги Д. Роулза может быть весьма тривиальное объяснение: культурные и академические отличия американских толковых и терминологических словарей от российских обусловлены различиями между континентальной и англоязычной философскими традициями, помноженными на непреодоленный опыт развития научно-образовательного сообщества в условиях изоляции. Однако есть и другой вариант объяснения, согласно которому «Теория справедливости» не только и не столько теория, находящаяся в ряду политических, правовых или иных теорий, объясняющих мир. Скорее это социальная технология, имеющая своей задачей если не изменить мир, то по крайней мере способствовать росту его управляемости, контролируемости, предсказуемости. Другими словами — теория справедливости как социальная технология может и должна изучаться не на предмет ее способности объяснять одни события и предсказывать другие, а в связи с ее способностью концептуализировать некие ценности, цели или интересы. Точно так же, как и возможный ответ на вызов, порожденный книгой американского теоретика, должен начинаться с поиска ценностей, целей или интересов, которые уже есть, уже существуют и всего лишь ждут собственной концептуализации.

Сегодня многие пишут о том, что первобытные люди освоили ту или иную технологию, например технологию изготовления каменных топоров, технологию плавки железа и т.п. По именам археологических культур нередко называют и технологии, например технология кловис³. Такая технология способна передавать знания, неотделимые от умений, компетенция транслируется путем длительного копирования под руководством уже владеющего ею учителя. Конечно же, ее можно подсмотреть тайно, но вряд ли этого будет достаточно для того, чтобы ею овладеть. О ней невозможно просто рассказать, ее обязательно необходимо показывать, развивать необходимые навыки, приобретать опыт, да и сам язык вряд ли делает возможным непосредственную передачу технологии.

В узком смысле технология — это специальное знание, позволяющее воспроизводить условия, при которых профессиональные и социальные практики давали бы некоторые заранее заданные результаты. Это знание, выделенное из разных предметных сфер теоретического и прикладного знания и еще дополненное *ad hoc* знанием. Это знание, построенное на основе теории, но «покинувшее» пространство теоретического, отчужденное от него и намертво присоединенное к практике. Но если способность производить и воспроизводить орудия или институты в доисторическом и дотеоретическом мире базировалась на знании, неотделимом от умений, навыков, компетенций, то технологии в узком смысле слова включают в себя элементы, рожденные в разных сферах знания и подчинявшиеся различным принципам и законам. Гетерогенность технологического знания преодолевается в процессе создания технологии, когда элементы буквально притираются друг к другу или же одни подгоняются под другие.

Нередко технологии создаются на базе уже существующих практик, вырастают из стихийно сложившихся производств. Индустриальное общество связано с заводами и фабриками, деятельность которых немислима без техно-

логий, а в постиндустриальном обществе в оборот вводится понятие хайтека. Но собирание знаний из трех разных источников: из научной теории, ремесленной или аграрной практики и дополняющих эти два вида *ad hoc* знаний — становится возможно лишь после того, как они длительное время существовали отдельно друг от друга. Таким образом, технология — это посттеоретическое знание, где неожиданно встречаются и причудливо сочетаются фрагменты разных теорий и практик, соединение и взаимная адаптация которых становятся возможны лишь посредством их изменения, в том числе и весьма существенного. Все это в равной степени относится и к производственным, и к социальным технологиям.

Возможна ли в этих условиях теория справедливости именно как теория? Конечно же да. Просто сам способ изложения выглядит чересчур необычным, хотя и весьма привлекательным для тех, кто опять лишился теории, по которой можно было бы объяснять происходящее в настоящем и прогнозировать то, что может произойти в будущем. Еще в XIX в. отличие русской культуры, ценностей и смыслов стало едва ли не единственной темой, волновавшей русских философов. Но вот сформулировать на их основе концепцию вроде роулзовской всерьез никто не пробовал, если не считать исследования коммунизма А. А. Зиновьевым. Здесь уместно будет вспомнить П. Я. Чаадаева, чей эмоциональный тон как нельзя кстати при рассмотрении сложной и довольно абстрактной теории Д. Роулза. «Пускай поверхностная философия сколько угодно шумит по поводу религиозных войн, костров, зажженных нетерпимостью, — что касается нас, мы можем только завидовать судьбе народов, которые в этом столкновении убеждений, в этих кровавых схватках в защиту истины создали себе мир понятий, какого мы не можем себе даже представить, а не то что перенестись туда телом и душой...»⁴

Как известно, энтузиазм П. Я. Чаадаева разделяли не все. Но даже его активные оппоненты

³ Collins M. B. Clovis blade technology. A Comparative Study of the Keven Davis Cache. Austin. University of Texas Press, 1999.

⁴ Чаадаев П. Я. Философические письма // Соч. М., 1989. С. 30—31.

не отрицали необходимости социально-политической теории, которая объясняла бы прошлое и настоящее, а также позволяла бы не только прогнозировать будущее, но и ориентировать собственные действия в контексте этого вероятного будущего. Причем важной составляющей подобной ориентации является осознанное и просчитанное влияние на будущее. И если Россия оказалась страной победившего марксизма, то современные США можно считать страной победившего либерализма. Вот почему теория справедливости Д. Роулза независимо от воли ее автора выполняет роль теории, лежащей в основе глобального общественного развития всего западного мира. С этим нельзя не считаться как тем, кто безоговорочно признает американское лидерство, так и тем, кто призывает противостоять претензиям Запада на моральное, ценностное и социальное превосходство.

Между тем весьма интересным может оказаться опыт других стран, также оказавшихся перед вызовом и попытавшихся понять, какую «теорию справедливости» они могли бы предложить в качестве собственной альтернативы. Так, тема сравнительного анализа теории справедливости Д. Роулза с собственными традициями понимания и обоснования справедливости была сформулирована в китайской компаративистике.

Среди тех, кто занимался критическим осмыслением марксизма, был и советский философ А. А. Зиновьев, который для объяснения феномена реального коммунизма ввел понятия коммунальности и коммунальных законов. Он определял коммунальные законы как правила поведения индивидов в процессе межиндивидуального взаимодействия. В отличие от Д. Хоманса или Д. Мида, которые строили модели и проецировали их на пространство теоретического знания, А. А. Зиновьев сформулировал свои правила на языке тех, кто ими реально пользуется: «меньше дать, больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя... Прогресс человечества в значительной мере происходил как процесс изобретения средств, ограничивающих и регу-

лирующих действие этих законов, — морали, права, религии, прессы гласности, общественного мнения, идей гуманизма и т.д.»⁵.

Концепция А. А. Зиновьева содержит возможность рассматривать теорию справедливости Д. Роулза как инструмент, объясняющий (или же защищающий и легитимирующий) современное американское общество, и сформулировать альтернативную теорию справедливости, которая могла бы быть поставлена в соответствие современному российскому обществу. А. А. Зиновьев писал, что советское общество как социальный тип выросло из коммунальных отношений в условиях, когда члены общества не смогли в должной степени развить институты, ограничивающие действие этих законов. И если капитализм он называет обществом, в котором господствует экономическая рациональность, то реальный коммунизм демонстрирует торжество социальной или коммунальной рациональности. Разные задачи стоят перед американским и перед российским обществом — разные теории справедливости могут быть предложены их членам. Перед американцами стоит вопрос, как лучше устроить институты и как поточнее сформулировать цели, тогда как россияне заботятся совсем другое.

Исходя из гипотезы А. А. Зиновьева, главный российский вопрос, на который призвана была бы ответить теория справедливости, это вопрос о том, как обеспечить справедливость в условиях слабости и неразвитости институтов. А из него вытекает логически другой вопрос — о том, как надо понимать справедливость в теории справедливости коммунального общества, какой смысл она должна иметь и каким словом/понятием может выражаться. И будет ли это теория? Или же речь идет о дотеоретическом жизненном мире, где только и может возникнуть вопрос о сравнении двух справедливостей: русской и американской.

В русском языке слова «строгий» и «справедливый» связаны поговоркой «строгий, но справедливый». Сегодня автора этой поговорки найти уже невозможно — ее автором является весь русский народ. Быть может, именно она

⁵ Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М. : Центрполиграф, 1994. С. 64.

проясняет смысл и значение этого слова лучше, чем любые словарные определения. Из этого, конечно же, не следует, что понимание справедливости как строгости допускает нечестность со стороны одной из сторон оцениваемого отношения. Сам вопрос о честности лишается смысла там, где категория справедливости актуализируется вне оценки взаимоотношений двух субъектов. Именно так происходит в нашем случае, когда при помощи слова «справедливость» оценивается не взаимоотношение между взаимодействующими субъектами, а отношение субъекта к объекту, то есть отношение командира к своим солдатам, власти — к своим подданным, отца — к своим детям и т.д.

Даже в ряду других культурных взаимодействий Востока и Запада опыт России выглядит экстраординарным. Слишком органичным представляется взаимное проникновение двух разнородных систем. Своеобразным, «срединным» вариантом нахождения своего пути государственности в клубках времени стало течение евразийства. Данное социальное направление получило максимальные точки интеллектуального всплеска в России дважды — в начале и в конце XX столетия. И в первом, и во втором случае речь шла о прохождении Россией точек государственного излома и об остром поиске в связи с этим своей идентичности.

У истоков евразийства стояли Н. Н. Алексеев, П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Г. В. Флоровский. Получила широкое распространение следующая декларация евразийцев: «Русские люди и люди народов “Российского мира” не суть ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родною и окружающей нас стихией культуры — мы не стыдимся признать себя евразийцами»⁶.

Именно у евразийцев мы находим идею обязательственного государства, которая покажется чуждой для человека западного мира. Философия евразийцев базируется на противопоставлении органицистского, холистского подхода к обществу и истории, характерного для Востока, и подхода механицистского, «атомарного», «индивидуалистического», «контрактного», характерного для Запада.

С иронией Н. Н. Алексеев указывает на тот факт, что под «общей теорией права» западные юристы понимают «общую теорию западного права», оставляя вне сферы рассмотрения все альтернативные юридические модели, которые, однако, распространены и до сих пор среди народов, составляющих большую часть человечества, а кроме того, существовавшие и на самом Западе в иные исторические эпохи.

Но что же противостоит концепции права в альтернативных социальных моделях? Концепция обязанности. На этом Алексеев останавливается подробно. Приводя в пример социальную историю Руси, он очень точно употребляет старый термин «тягловое государство» — государство, строящееся на принципах доминанции обязанностей.

В наиболее чистой форме такая «тягловая система» вообще не знает и не признает никаких прав, но повсюду утверждает только обязанности. Это вытекает из философской установки традиционного общества, которая рассматривает индивидуума как часть целого, как несамостоятельную и несамодостаточную проекцию на единичное всеобщего. Отсюда индивидуум представляется лишь частичкой единого целого — церкви, государства, народа, нации, общины. Это — общинный принцип, принцип предшествования общего в формировании целого.

Фактически возникают две возможные теории права. В одной фигурируют индивидуумы как частное и договорное сообщество, как продукт связей частного. Соотношение между ними и индивидуумов между собой и составляет содержание права, как его понимает Запад. Предельным выражением такой конструкции является теория «правового государства» и «прав человека» (это последнее вообще не предполагает государства, которое в данном случае можно заменить какой-то иной формой ассоциации, что приводит к современным теориям «мондиализма», «мирового правительства» и т.д.).

Вторая теория права имеет дело не с индивидуумами («неделимыми»), но с персонами, личностями, так как термин «персона» на греческом означает «маска» и применяется для

⁶ Евразийская хроника. Вып. V11. Париж. С. 43.

характеристики участников трагедии. Русское «личность» — этимологическая калька с греческого, и означает оно более «функцию» и «роль», «маску», а не самостоятельную и суверенную, автономную единицу. Эти личности-маски являются дискретными формами выражения единого — общины, народа, государства. Они выполняют «тягловую функцию», «тянут лямку» общественного бытия, которая так тяжела именно потому, что речь идет об операции со всеобщим, с целостным, единым. Общественное поле каждой личности в «тягловом государстве» заведомо сопряжено с полнотой весомой онтологии. Здесь все служат всему, осуществляя роль, заданную целым, и имея в качестве награды онтологическую постоянную перспективу полноценного соучастия в этом целом, возможность неограниченного черпания из этого целого бытийных сил и душевного покоя.

Не является исключением в «тягловом государстве» и сам суверен, василевс, тот, кто является носителем права по преимуществу в западной концепции задолго до Просвещения и либерализма. Евразийский царь, царь органицистского общества — такая же персона, маска, такая же тягловая фигура, как и все остальные. Он служитель общего бытия, а следовательно, он первый, кто чувствует на себе все бремя он-

тологического служения. Царь более обязан, чем все его подданные. Он лично ответствен за бесперебойное функционирование всех остальных личностей. Он не собиратель тягловой дани, а надсмотрщик, «епископ» общего бытийного предприятия, которое ему поручено чем-то высшим, нежели он сам, в отношении чего сам он — лишь маска и роль, функция и служитель⁷.

Если следовать логике евразийцев, авторы Конституции РФ 1993 г. лгуны, следующие против исторического прошлого своей страны. В статье 1 Конституции РФ им следовало бы закрепить следующую декларацию: «Россия есть демократическое федеративное обязательственное государство с республиканской формой правления».

Но возможно ли это практически и оправдано ли исторически? Скорее нет, чем да. Хотя тягот российский народ пережил столько и такого качества, которые для других народов и наций покажутся невыносимыми. Очевидно, что модернизация концептуальных основ не может опираться ни на философию евразийцев, ни на идею отождествления модернизации с вестернизацией. Но оба эти вектора нельзя игнорировать, потому что они отражают глубинный социальный, политический и культурный интерес всего российского общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. — М., 2000.
2. Алексеева Т. А. Справедливость. Морально-политическая философия Джона Роулза. — М., 1992.
3. Евразийская хроника. Вып. VII. Париж. — URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/> (дата обращения: 26.05.2019).
4. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. — М.: Центрполиграф. 1994.
5. Кузьмина А. В. Идея справедливости в либеральной традиции. — М., 1998.
6. Пржиленская И. Б. Жизненный мир и целевые установки российских студентов // Ценности и смыслы. — 2016. — № 4 (44). — С. 22—29.
7. Пржиленская И. Б. Информационное общество и социальная модернизация // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2006. — № 3 (22). — С. 14—18.
8. Ролз Дж. Теория справедливости. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.
9. Сергодеева Е. А. Рациональность современного философского дискурса // Гуманитарные и юридические исследования. — 2014. — № 2. — С. 135—138.

⁷ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2000. С. 293—295.

10. Сергодеева Е. А. Социально-коммуникативный характер научной деятельности // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — 2014. — № 6 (45). — С. 314—317.
11. Чаадаев П. Я. Философические письма // Соч. — М., 1989.
12. Collins M. B. Clovis blade technology. — A Comparative Study of the Keven Davis Cache. University of Texas Press, 1999.

Материал поступил в редакцию 30 апреля 2019 г.

MODERNIZATION OF CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN LAW: AXIOLOGY, LOGIC, PRAGMATICS⁸

PRZHILENSKIY Vladimir Igorevich, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Sociology of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
 vladprnow@mail.ru
 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article explores the current understanding of the conceptual foundations of Russian Law in the context of possibility of overcoming the values-worldview dichotomy according to the determinations of axiology, logic and pragmatics of the foundations under consideration. Also, the author considers John Rawls' Theory of Justice taken as the most influential political and legal philosophy of the West, as well as its alternative represented by Eurasian philosophical thought. The article analyzes the ability of the Eurasian understanding of the State and Law to compete with liberalism and John Rawls' neoconstructivism. Narrowness of both the first and the second alternative is shown and the necessity of taking into account each of the vectors of development of conceptual foundations of modern Russian Law is substantiated.*

Keywords: *conceptual foundations, Russian Law, Eurasianism, Westernization, modernization.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev N. N. Russkij narod i gosudarstvo. — М., 2000.
2. Alekseeva T. A. Spravedlivost'. Moral'no-politicheskaya filosofiya Dzhona Roulza. — М., 1992.
3. Evrazijskaya hronika. Vyp. VII. Parizh. — URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/> (data obrashcheniya: 26.05.2019).
4. Zinov'ev A. A. Kommunizm kak real'nost'. — М. : Centrpoligraf. 1994.
5. Kuz'mina A. V. Ideya spravedlivosti v liberal'noj tradicii. — М., 1998.
6. Przhilenskaya I. B. Zhiznennyj mir i celevye ustanovki rossijskih studentov // Cennosti i smysly. — 2016. — № 4 (44). — С. 22—29.
7. Przhilenskaya I. B. Informacionnoe obshchestvo i social'naya modernizaciya // Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki. — 2006. — № 3 (22). — С. 14—18.
8. Rolz Dzh. Teoriya spravedlivosti. — Novosibirsk : Izd-vo Novosibirskogo un-ta, 1995.
9. Sergodeeva E. A. Racional'nost' sovremennogo filosofskogo diskursa // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. — 2014. — № 2. — С. 135—138.
10. Sergodeeva E. A. Social'no-kommunikativnyj harakter nauchnoj deyatel'nosti // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. — 2014. — № 6 (45). — С. 314—317.
11. Chaadaev P. Ya. Filosoficheskie pis'ma // Soch. — М., 1989.
12. Collins M. B. Clovis blade technology. — A Comparative Study of the Keven Davis Cache. University of Texas Press, 1999.

⁸ The article has been funded by the Ministry of Education and Science within the framework of the basic part of the state task for the implementation of research project 29.4813.2017/8.9.

Категория «правонарушение» в психологической теории права

Аннотация. Статья посвящена анализу категории правонарушения в рамках психологической теории права на примере трудов выдающихся отечественных мыслителей — Льва (Леона) Иосифовича Петражицкого и Вениамина Михайловича Хвостова. Анализируется взаимосвязь нравственности и права с точки зрения последствий их нарушения, заключающихся в соответствующих этических переживаниях, рецидивах соответствующих этических процессов и их восприятия со стороны окружающих. Исследуются психологические законы, отличающие право от нравственности и формы их проявлений. В контексте воззрений В. М. Хвостова приводится и исследуется его авторская дефиниция понятия правонарушения, а также раскрываются его признаки — деяние, противоправность, вменяемость субъекта. Анализируются представления исследователя о субъективной и об объективной сторонах и об их формах посредством сопоставления с действовавшими в то время законодательными нормами Уголовного уложения 22 марта 1903 г. В заключение на основе анализа указанного круга вопросов формулируются обобщающие выводы.

Ключевые слова: правонарушение, стремление достигнуть осуществления права, одиозно-репрессивные начала правовой психики, деяние, вменяемость, противоправность, гражданская неправда, уголовная неправда, административная неправда, умысел, неосторожность, оконченное преступление, покушение, приготовление.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.019-026

В начале XX в. в отечественной юридической науке в рамках соответствующих правовых школ сложился ряд классических доктринальных подходов к пониманию права. К числу наиболее известных направлений относится психологическая школа права, представители которой выводили право из внутренних переживаний людей, их правовых эмоций, возникающих

в процессе совместной коммуникации. Одним из апологетов данного подхода к пониманию права был известный ученый Лев (Леон) Иосифович Петражицкий (1867—1931)¹, который внес существенный вклад не только в развитие учения о праве в целом, но и в теорию правонарушения.

Отмечая отсутствие единообразного понимания права, Л. И. Петражицкий полагал, что

¹ См., например: Спиридонов Л. И., Честнов Л. И. Л. И. Петражицкий: жизнь и научное наследие // Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. С. 3—18.

© Егоров А. А., 2019

* Егоров Александр Александрович, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Egorov.a90@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

установление всех прочих понятий в правове­дении напрямую зависит от выработки наукой понятия права, в рамках которого он усматривал выделение двух категорий². В первую оче­редь речь идет о различных видах и типологии права. Опираясь на современную юридическую терминологию, можно говорить об отрасле­вой типизации права. Ко второй же категории относятся предметы, существование которых определяется квалификацией с точки зрения права. Л. И. Петражицкий приводит в пример понятие правонарушения.

Феномен правонарушения рассматривает­ся им через призму отличающегося от права поведения, квалификация которого в качестве неправомерного определяется на основании двух критериев. Это поведение противоречит требованиям норм права и запрещается зако­нодательством³. Признавая взаимосвязь права и нравственности, Л. И. Петражицкий отстаи­вал тезис, согласно которому ряд последствий нарушения долга согласно общим, родовым свойствам, характерным для всех этических переживаний — как правовых, так и нравствен­ных, являются общими для этих двух социаль­ных регуляторов⁴. Следовательно, в результате нарушения как правовых, так и нравственных норм возникают общие этические переживания в виде внутренних эмоциональных коллизий, приступов и усиления эмоций, внутреннего беспокойства и отрицательных чувств. В ряде случаев возможно запоминание, обусловлен­ное сильными эмоциями, образами содеянного, страданиями жертвы и т.д.

По мнению Л. И. Петражицкого, подобные рецидивы этических процессов и порождаемые ими страдания преследуют правонарушителя

в течение многих лет, а то и всей оставшейся жизни. Иногда они ведут к быстрому истоще­нию организма, разрушают здоровье и влекут смерть или приводят к отчаянию и доводят до самоубийства⁵. Нарушение долга не влечет за собой непоправимого вреда, так как существует возможность устранить наступившее послед­ствие, т.е. вернуться к прежнему положению дел (например, возратить похищенное). Повторные приступы этических переживаний служат побуждающим мотивом для устранения послед­ствий и порождают повторную борьбу эмоций, которая кончается новым триумфом ранее побе­дивших эмоций⁶. Анализируя это умозаключе­ние, современный исследователь Е. Л. Поцелуев приходит к выводу, что Л. И. Петражицкий имел в виду хорошо известную на сегодняшней день возможность исправления правонарушителя без привлечения его к юридической ответственности⁷. Этот постулат актуален для сферы как международного, так и национального права.

Л. И. Петражицкий важную роль отводил воздействию последствий правонарушающе­го поведения на психику окружающих. Личное восприятие совершенного правонарушения или наличие сведений о нем порождают в психи­ке других людей авторитетно-порицательные эмоции, отрицательные чувства и недоволь­ство по отношению к виновному, что находит свое выражение в устных порицаниях с авто­ритетным оттенком⁸. Осознавая наличие воз­можности устранения последствий содеянно­го, окружающие люди начинают сопереживать в пользу исправления преступника⁹. Существенные различия между правовой и нравственной психикой предопределяют соответствующие различия в контексте реакции на совершенное

² Лифшиц А. С. Краткий курс по энциклопедии права. По произведениям проф. Л. И. Петражицкого. СПб., 1908. С. 1.

³ Лифшиц А. С. Указ. соч. С. 2.

⁴ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 140.

⁵ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 140.

⁶ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 141.

⁷ Поцелуев Е. Л. Эволюция категории «правонарушение» в истории западной и отечественной юридиче­ской мысли (XVII — начало XX в.) : монография. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. С. 91.

⁸ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 141.

⁹ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 141.

нарушение. Подобные рассуждения подводят Л. И. Петражицкого к мысли о существовании двух психологических законов, которые свойственны только праву и не действуют в рамках нравственности. Первый закон отражает стремление достигнуть осуществления права вне зависимости от желания или нежелания обязанного лица.

Правовые эмоции, имеющие атрибутивную природу, определяют наличие корреспонденции прав и обязанностей. Соответственно, исполнение обязательства одной стороны рассматривается другой стороной через категорию должного. Таким образом, обязанное лицо не имеет свободы выбора модели поведения в данном случае. Отказ от исполнения своей обязанности являет собой нетерпимый и недопустимый произвол и порождает потребность заставить обязанное лицо подчиниться или достичь осуществления права помимо его воли. Данное свойство правовой психики проявляется в ряде случаев.

Первое проявление состоит в словесных побуждениях обязанных лиц к исполнению должного, а также в устных или письменных к ним обращениях авторитетно-повелительного характера со стороны уполномоченного субъекта¹⁰. Правообладатель, заявляя притязания, не просит, а требует что-либо исполнить. Л. И. Петражицкий полагает, что сущность прав кредитора состоит не в наличии возможности обратиться к должнику с соответствующими словесными побуждениями, которые последний обязан терпеть, а в том, что он вправе получить должное безо всяких словесных побуждений¹¹. Вместе с тем в ряде случаев авторитетно-повелительные требования могут не исполняться. Это обстоятельство логически подводит ученого к следующему возможному проявлению первого закона.

Так как заявленные требования могут не исполняться, появляется возможность при-

менения более решительных мер, состоящих, в частности, в угрозах, завладении имуществом обязанных лиц в целях принудить данных лиц к соблюдению требуемого от них поведения¹². Такие меры на сегодняшний день представляются архаизмом и, как правило, не получают законодательного закрепления. Л. И. Петражицкий, закрепляя возможность их применения, оговаривается, что иногда и этого недостаточно.

По мнению Л. И. Петражицкого, реализовать право возможно и без согласия обязанного лица или вопреки его согласию или даже физическому сопротивлению, т.е. можно применить физическое насилие (сюда относится право охотиться, а также пасти скот в лесу соседа)¹³. Непосредственное выражение этот тезис получает в следующем проявлении рассматриваемого закона. По мнению Л. И. Петражицкого, уполномоченное лицо при отсутствии личных средств для реализации права, несмотря на противодействие обязанного лица, вправе обратиться к своей социальной группе или к органам высшей власти с жалобой и просьбой о помощи¹⁴. Таким образом, появляется возможность передать свой спор на рассмотрение третьим лицам, представляющим общественный интерес.

Анализируя проявления первого психологического закона, несложно заметить, что Л. И. Петражицкий четко намечает прообраз социального, в том числе государственного, принуждения, а также говорит об элементах и о стадиях реализации субъективного права.

Следующий психологический закон, свойственный исключительно праву, находит свое выражение в одиозно-репрессивных началах правовой психики.

Общие правила эмоциональной психики, по мнению Л. И. Петражицкого, свидетельствуют о том, что совершение действий в отношении субъекта, которые представляются ему добром или благодеянием, имеют тенденцию вызывать в психике последнего благожелательные

¹⁰ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 142.

¹¹ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 142.

¹² Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 142.

¹³ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 142.

¹⁴ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 143.

и благодарственные эмоции¹⁵. Если же такие действия представляются субъекту, на которого они направлены, злом, вредом, агрессивными действиями или посягательствами, то у него возникают злостные и мстительные эмоции¹⁶. Эти эмоции имеют тенденцию распространяться и на окружающих, так как они психически солидарны с субъектом.

Еще одной характерной особенностью правовой психики является то, что исполнение какого-либо обязательства со стороны обязанного лица представляется противоположной стороне не каким-то положительным поступком, а лишь получением того, что ей причитается. Неисполнение же обязанности квалифицируется как неполучение положенного¹⁷. Эта закономерность определяется атрибутивной природой правовой психики. Совершенно иная картина характерна для нравственности, которая, по убеждению Л. И. Петражицкого, имеет императивную природу.

В данном контексте исполнение своей обязанности, хотя и совершенное во имя нравственного долга, является не предоставлением чего-то полагающегося, не получением чего-то своего, а благодеянием. В свою очередь, неисполнение чего-либо не понимается как ущерб или агрессивное действие¹⁸. Следовательно, в области нравственной психики обеспечение материальных выгод других людей или предоставление им иных услуг порождает выражающие благодарность положительные эмоции. Неисполнение нравственного долга не влечет за собой злостно-мстительных реакций. В рамках же правовой психики исполнение какой-либо законодательной обязанности не влечет за собой благодарности. Кроме того, неисполнение обуславливает появление злостно-мстительных реакций.

Е. Л. Поцелуев отмечает, что воззрения Л. И. Петражицкого на правонарушение вполне

укладываются в рамки психологического типа понимания права. Противоправное поведение трактуется Л. И. Петражицким через призму причинения ущерба, неисполнения правовых обязанностей, нарушения запретов, что вызывает осуждение, гнев и иную отрицательную реакцию в области правовой психики¹⁹.

Категория противоправности в рамках психологической теории права получила дальнейшее развитие благодаря трудам отечественного философа, специалиста по римскому праву, социолога Вениамина Михайловича Хвостова (1868—1920).

В. М. Хвостов природу нормы права усматривал в том, что она представляет собой веление, обращенное к воле людей и определяющее поведение, которое от них требует государство²⁰. Эти нормы не должны подвергаться нарушениям как со стороны частных лиц — подданных государства, так и со стороны государства и его органов. Вместе с тем, по его мнению, они могут и нарушаться. Таким образом, исследователь сформулировал классический для современной юридической науки тезис, согласно которому право обязательно для исполнения не только для населения, но и для тех властвующих субъектов, которые его непосредственно создают.

Понятие правонарушения В. М. Хвостов определял следующим образом: «Правонарушение есть поведение лица, которое противоречит велениям права, является несогласным с налагаемым правом обязанностями»²¹. Обеспечение исполнения нормы права определяется наличием в ней санкции государственной власти, которая берет на себя заботу как предотвращать совершение правонарушений, так и восстанавливать нарушенные права. По убеждению В. М. Хвостова, именно в этом состоит назначение судебной власти в качестве функции государственной власти.

¹⁵ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 145.

¹⁶ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 145.

¹⁷ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 145.

¹⁸ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 146.

¹⁹ Поцелуев Е. Л. Указ. соч. С. 94.

²⁰ Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. Изд. 6-е. М., 1914. С. 136.

²¹ Хвостов В. М. Указ. соч. С. 136.

Разделяя взгляд Л. И. Петражицкого, исследователь рассматривает акты самозащиты и самоуправства в качестве основного способа защиты частных прав на низших ступенях культурного развития. Развитое государство в минимальной мере задействует подобный инструментарий.

В. М. Хвостов, подобно Н. С. Таганцеву²², выделял уголовную и гражданскую неправду. По его мнению, общая особенность этих видов неправомерного поведения проявляется в человеческом поведении, которое противоречит правовым требованиям²³. Таким образом, общей чертой преступлений и гражданских правонарушений и, соответственно, признаком правонарушения выступает противоправность. Демаркационную линию между этими видами правонарушений исследователь проводит на основании непосредственного объекта посягательства и наступающих мер юридической ответственности. Попраение частного интереса образует обязанность для виновного восстановить прежнее положение дел, т.е. возместить ущерб. Нарушение же публичного интереса образует уголовную неправду и влечет применение наказания.

Помимо преступлений и деликтов, В. М. Хвостов упоминает административную неправду. В подобных случаях речь идет о ситуациях, когда тот или иной административный орган в процессе исполнения своих обязанностей выходит за пределы деятельности, установленные для него нормами права²⁴. Следовательно, можно говорить о том, что ученый заложил прообраз административных правонарушений, которые рассматривал очень узко и сводил сугубо к превышению компетенции административными органами. Как

известно, на сегодняшний день дефиниция правонарушения в юридической литературе раскрывается посредством перечисления существенных признаков данного социально-правового явления²⁵. Это общепринятый научный прием.

В. М. Хвостов также не обошел вниманием вопрос о признаках противоправного деяния. Отмечая, что любой преступный акт имеет форму внешнего выражения, В. М. Хвостов сводил последнюю к совершаемым вопреки правовым запретам положительным действиям и к противоречащему положительным требованиям права бездействию²⁶. Таким образом, В. М. Хвостов необходимым признаком правонарушения считал деяние, проявляющееся в формах действия или бездействия, т.е. в поведении, направленном на нарушение запретов или на неисполнение обязанностей.

Признак деяния ученый совершенно справедливо связывал с категорией субъекта противоправного поведения. Рассматривая поведение как осознанно-волевою активность субъекта права, исследователь полагал, что действие или бездействие, совершенное лицом, которое вследствие возраста или болезни не способно ясно осознавать фактическое и юридическое значение своего поведения и руководить им, равноценно действию сил природы²⁷. В этом случае, по мнению ученого, речь идет о недееспособных лицах, а с точки зрения ответственности за правонарушение — о невменяемых. Следовательно, В. М. Хвостов намечает два критерия вменяемости — социально-юридический (возраст) и медико-юридический (состояние психики). Это умозаключение на сегодняшний день прочно укоренилось в общей теории права и государства²⁸.

²² Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. М. : Наука, 1994. Т. 1. С. 51—54 и сл.

²³ Хвостов В. М. Указ. соч. С. 136.

²⁴ Хвостов В. М. Указ. соч. С. 141.

²⁵ См., например: Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М. : Юрид. лит., 1985. С. 18 ; Макуев Р. Х. Правонарушения и юридическая ответственность. Орел : Юрид. институт МВД России, 1998. С. 29 ; Кашанина Т. В., Кашанин А. В. Основы российского права. М. : Инфра-М — Норма, 1996. С. 85.

²⁶ Хвостов В. М. Указ. соч. С. 136—137.

²⁷ Хвостов В. М. Указ. соч. С. 137.

²⁸ См., например: Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: Инфра-М, 2015. С. 382.

Исследовал ученый и субъективную сторону правонарушения. В. М. Хвостов не просто сформулировал представления об умышленной и неосторожной формах вины правонарушителя, но и раскрыл их видовой состав. Поведение правонарушителя рассматривается как умышленное в тех случаях, когда виновный осознавал все признаки правонарушающего деяния и сознательно допускал их наступление²⁹. В современной трактовке это признаки косвенного умысла. Вместе с тем деление умысла на прямой и косвенный В. М. Хвостов не предложил.

Ученый не обошел стороной совершение правонарушения по неосторожности. Данная форма вины, по его мнению, наличествует в тех случаях, когда противоречащее праву поведение имело место ввиду того, что виновный не проявил требуемой от него нормы права внимательности и осмотрительности³⁰. В современном понимании речь идет о небрежности. Форму легкомыслия В. М. Хвостов не сформулировал.

Действовавшее в то время уголовное законодательство также содержало положения, посвященные формам вины правонарушителя. Нормы Уголовного уложения 1903 г. под умышленно совершенным преступным деянием понимали не только те ситуации, когда виновный желал его совершения, но также случаи сознательного допущения наступления последствия, обуславливающего преступность этого деяния. В свою очередь, преступное деяние считалось совершенным по неосторожности в тех случаях, когда виновный его не предвидел, хотя мог и должен был предвидеть, а также в случаях, когда он предвидел наступление противоправных последствий, но легкомысленно рассчитывал их предотвратить³¹. Можно сделать вывод, что законодатель сформулировал деление форм вины весьма прогрессивно для рассматриваемого исторического периода. Более того, такая

интерпретация на сегодняшний день существует практически в неизменном виде.

В. М. Хвостов предложил достаточно интересный взгляд на объективную сторону деяния. Ученый отмечал наличие стадий оконченного преступления, покушения и приготовления³². (Данный подход сохранился по сей день как в отраслевом законодательстве, так и в общетеоретических исследованиях.) Оконченное деяние характеризуется осуществлением всех законных признаков правонарушения. Для покушения характерно то, что виновный совершил деяние, направленное непосредственно на осуществление признаков противоправного посяательства, не достигнув при этом полного их осуществления. В свою очередь, стадия приготовления квалифицируется в тех случаях, когда совершены только подготовительные действия, но еще не совершено комплекса действий, образующих состав правонарушения.

Подходы к раскрытию понятия стадий реализации преступного умысла в теории и на практике могут кардинально расходиться. Следовательно, необходимо сопоставить теоретические наработки В. М. Хвостова с соответствующими законодательными нормами. В Уголовном уложении 1903 г. под покушением понималось осуществление действия в целях приведения в исполнение преступного деяния, совершения которого желал виновный. Данное деяние не наступает по не зависящим от его воли обстоятельствам (ст. 49 Уложения). В то же время под приготовлением понималось приобретение или приспособление средства для приведения в исполнение преступного умысла (ст. 50 Уложения). Таким образом, стадия приготовления к совершению правонарушения В. М. Хвостовым была сформулирована в достаточно общем виде, однако ее суть была четко передана. Что же касается покушения, исследователь не упоминает, что именно не зависящие от преступника

²⁹ Хвостов В. М. Указ. соч. С. 137.

³⁰ Хвостов В. М. Указ. соч.

³¹ Уголовное уложение 22 марта 1903 г. (ст. 48). Издание Н. С. Таганцева. СПб., 1904. С. 92.

³² Хвостов В. М. Указ. соч. С. 139.

обстоятельства не позволили ему реализовать свои намерения.

Рассмотрев категорию правонарушения в психологической школе права, необходимо сформулировать ряд обобщающих умозаключений:

- представители психологического подхода к пониманию права мотивированно ассоциировали случаи посприяния правовых и нравственных норм с реакцией в области правовой психики;
- Л. И. Петражицкий сформулировал достаточно целостное представление о формах социального и государственного принуждения, а также о стадиях реализации субъективного права уполномоченными субъектами;
- В. М. Хвостов предложил формальную дефиницию правонарушения, ядром которой является противоправное поведение лица, а также сформулировал признаки деяния

(действия и бездействия), которые должны находиться в неразрывной взаимосвязи с волей и сознанием правонарушителя;

- в рамках субъективной стороны правонарушения формы умысла и неосторожности нашли свое выражение в конструкциях косвенного умысла и небрежности;
- теория объекта правонарушения, согласно постулатам психологической школы права, базировалась на нарушенном праве — частном или общественном интересе, выделение же административных правонарушений определялось особым публично-правовым статусом субъекта, их совершающего;
- представителями психологического подхода к пониманию права было заложено весьма четкое представление о стадиях правонарушения, к которым относились приготовление, покушение и оконченное противоправное деяние.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кашанина Т. В., Кашанин А. В.* Основы российского права. — М. : Инфра-М : Норма, 1996. — 784 с.
2. *Лифшиц А. С.* Краткий курс по энциклопедии права. По произведениям проф. Л. И. Петражицкого. — СПб., 1908. — 146 с.
3. *Макуев Р. Х.* Правонарушения и юридическая ответственность. — Орел : Юрид. институт МВД России, 1998. — 101 с.
4. *Малеин Н. С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность. — М. : Юрид. лит., 1985. — 192 с.
5. *Морозова Л. А.* Теория государства и права : учебник. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма: Инфра-М, 2015. — 464 с.
6. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. — СПб. : Лань, 2000. — 608 с.
7. *Поцелуев Е. Л.* Эволюция категории «правонарушение» в истории западной и отечественной юридической мысли (XVII — начало XX в.) : монография. — Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. — 156 с.
8. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. — М. : Наука, 1994. — Т. 1. — 380 с.
9. *Хвостов В. М.* Общая теория права. Элементарный очерк. — Изд. 6-е. — М., 1914. — 160 с.

Материал поступил в редакцию 10 января 2019 г.

CATEGORY "WRONGDOINGS" IN PSYCHOLOGICAL THEORY OF LAW

EGOROV Aleksandr Aleksandrovich, PhD in Law, Lecturer of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Egorov.a90@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the category of a wrongdoing within the psychological theory of law on the example of the works of outstanding Russian thinkers, namely: Lev (Leon) Iosifovich Petrazhitskiy and Veniamin Mikhailovich Khvostov. The author analyzes the interrelation between morality and law in the context of consequences of their violations that are reflected in ethical experiences, relapses of ethical processes and their perception by others. The author investigates laws of psychology that distinguish law from morality and forms of their manifestations. The paper analyzes and examines the definition of a wrongdoing given by Veniamin M. Khvostov and describes its signs: an act, wrongfulness, competency of the wrongdoer. The author analyzes the views of the researcher concerning subjective and objective elements of the wrongdoing and their forms by comparing with the legislative norms that were in force at that time of the Criminal Code adopted on March 22, 1903. To sum up, the author has made conclusions on the ground of the analysis of issues under consideration.*

Keywords: *Wrongdoing, aspiration to enforce the right, odious and repressive principles of the legal psyche, act, competency, illegality, civil lie, criminal lie, administrative untruth, intent, negligence, completed crime, attempt, preparation.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kashanina T. V., Kashanin A. V. Osnovy rossijskogo prava. — M. : Infra-M : Norma, 1996. — 784 s.
2. Lifshic A. S. Kratkij kurs po enciklopedii prava. Po proizvedeniyam prof. L. I. Petrazhickogo. — SPb., 1908. — 146 s.
3. Makuev R. H. Pravonarusheniya i yuridicheskaya otvetstvennost'. — Orel : Yurid. institut MVD Rossii, 1998. — 101 s.
4. Malein N. S. Pravonarushenie: ponyatie, prichiny, otvetstvennost'. — M. : Yurid. lit., 1985. — 192 s.
5. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnyk. — 5-e izd., pererab. i dop. — M. : Norma: Infra-M, 2015. — 464 s.
6. Petrazhickij L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti. — SPb. : Lan', 2000. — 608 s.
7. Podeluev E. L. Evolyuciya kategorii «pravonarushenie» v istorii zapadnoj i otechestvennoj yuridicheskoy mysli (XVII — nachalo XX v.) : monografiya. — Ivanovo : Ivan. gos. un-t, 2004. — 156 s.
8. Tagancev N. S. Russkoe ugovolnoe pravo. Lekcii. Chast' obshchaya : v 2 t. — M. : Nauka, 1994. — T. 1. — 380 s.
9. Hvostov V. M. Obshchaya teoriya prava. Elementarnyj ocherk. — Izd. 6-e. — M., 1914. — 160 s.

Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: становление, состояние и проблемы уголовно-правовой регламентации в российском уголовном законодательстве

***Аннотация.** Проблема суицида является значимой социально-экономической проблемой для любого современного общества. В нынешний период в Российской Федерации сложилась весьма сложная суицидальная обстановка. Несмотря на наметившуюся в последние годы тенденцию к снижению количества самоубийств, их уровень все же остается высоким. В основе этого явления лежат в первую очередь социально-экономические факторы.*

Вместе с тем не столь уж редким явлением стало и совершение самоубийств в результате таких факторов, как непосредственное психическое, а также физическое воздействие на потерпевших третьих лиц. Эти факторы выделяются уголовным законом Российской Федерации как признаки, характеризующие преступление — доведение до лишения себя жизни. Поэтому в борьбе с этим крайне опасным явлением немаловажную роль играют и меры уголовно-правового характера.

К вопросам криминализации доведения до самоубийства или до покушения на него и конструирования состава этого деяния в российском уголовном законодательстве в разные периоды выражался разный подход. В статье рассматриваются генезис, эволюция и современное состояние уголовно-правового регулирования ответственности за доведение до самоубийства или покушения на него в уголовном законодательстве России, формулируются предложения по ее оптимизации.

***Ключевые слова:** самоубийство, доведение до самоубийства, российское уголовное законодательство, криминализация, регламентация, оптимизация.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.027-040

Самоубийство — умышленное лишение жизни самого себя. В современной России самоубийство превратилось в актуальную социальную и экономическую проблему. В 2017 г. в стране лишили себя жизни 20 278 чел.; уровень самоубийств составляет

© Хатуев В. Б., 2019

* Хатуев Ваха Бухадывович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Чеченского государственного университета
dogma1982dogma@mail.ru
364031, Россия, г. Грозный, ул. Киевская, д. 33

13,8 чел. на 100 тыс. населения¹. В 2016 г. этот показатель составлял соответственно 23 119² и 15,8 чел.³

Причины такого весьма неблагоприятного положения носят прежде всего социально-экономический характер. В то же время есть все основания полагать, что причиной многих самоубийств является пагубное воздействие на потерпевших других лиц, и значительная их доля обусловлена теми, которые совершаются в результате виновных действий третьих лиц, содержащих криминальную составляющую.

Преступная причастность к самоубийству может быть выражена в различных формах. Широко распространенные из них — это склонение (подстрекательство) к самоубийству, содействие (помощь, пособничество) в самоубийстве и доведение до самоубийства, наиболее опасная форма криминального поведения.

В действующем УК РФ, принятом 1996 г. и вступившем в силу с 1 января 1997 г., учтены все три указанных варианта преступной сопричастности к суициду — доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство (ст. 110), склонение к самоубийству и содействие совершению самоубийства (ст. 110.1), а также организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2)⁴.

Следовательно, согласно нынешнему российскому уголовному закону при самоубийстве вопросы об уголовной ответственности и ее вменения возникают только тогда, когда решение потерпевшего о самолишении жизни детерминируется действиями третьего лица: «Но если самоубийство спровоцировано целенаправленными действиями другого лица, тогда репрессивной машине уголовного права такая ситуация становится безразличной»⁵. В сходных ситуациях виновные в этом лица могут привлекаться к уголовной ответственности, поскольку подобное их поведение образует посягательство на жизнь другого человека.

Уголовное законодательство России в своем историческом развитии проявляло неоднозначное отношение к доведению до самоубийства или до покушения на него — в разные периоды оно различно решало вопросы введения уголовной ответственности за него в зависимости от происходящих в стране политических и социально-экономических изменений.

Для определения места доведения до самоубийства как правового института следует обратиться к его прошлому, провести историко-правовое исследование. Необходимость этого объясняется возможностью понять логику развития юридической мысли об ответственности

¹ См.: Смертность населения по основным классам и отдельным причинам смерти // Sheet 12: ТАБ_8. Федеральная служба Государственной статистики РФ. Естественное движение населения РФ за 2017 г. (Статистический бюллетень). М., 2018. С. 20.

² См.: Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти за год // Росстат. Центральная база статистических данных. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBlnet.cgi?pl=2415004>.

³ См.: Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти в расчете на 100 000 населения за год // Росстат. Центральная база статистических данных. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBlnet.cgi?pl=2415011>.

⁴ Последние три формы причастности к самоубийству криминализированы путем введения в УК РФ ст. 110.1 и 110.2 только в 2017 г. (Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // СЗ РФ. 2017. № 24. Ст. 3489). По вопросу об истории возникновения нормы об ответственности за склонение к самоубийству или содействие ему см.: Хатуев В. Б. История становления и развития российского уголовного законодательства об ответственности за склонение к самоубийству и содействие ему // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2018. № 4. С. 59—73.

⁵ См.: Уголовное право : учебник. Часть Особенная / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М., 1998. С. 82 ; Уголовное право России. Часть Особенная / под ред. И. Э. Звечаровского. М., 2004. С. 68 ; Иванов Н. Г. Уголовное право. Часть Особенная : учебник для бакалавриата. М., 2015. С. 84.

за доведение до самоубийства на протяжении длительного периода российского уголовного права, глубоко постичь современное его состояние. Историко-сравнительный анализ особенно важен в случаях, когда нормативное решение проблемы неоднократно видоизменялось. Принцип историзма, базирующийся на законах диалектики, способствует выявлению оснований и причин возникновения того или иного уголовно-правового института, тенденций развития уголовного законодательства и уголовно-правовой доктрины, выработке прогнозов дальнейшего совершенствования уголовных законов⁶.

Так, Н. С. Таганцев, отмечая ценность обращения к прошлому опыту законодательного творчества, писал: «Именно всякое правовое положение, действующее в данном государстве, хотя бы оно непосредственно не вытекало из самого народа, а из государственной власти, непременно коренится в прошлой истории этого народа. Известно то важное значение, которое имеет историческое толкование в сфере действующего законодательства. Если мы, например, желаем изучить какой-нибудь юридический институт, существующий в данное время, то для правильного его уяснения себе мы должны проследить историческую судьбу его, то есть те поводы, в силу которых появилось данное учреждение, и те видоизменения, которым подверглось оно в своем историческом развитии... Задачей положительной должно быть не только догматическое выяснение и изложение начал действующего права, но и критическая их оценка на основании опыта других народов и отечественной истории права»⁷.

А. Ф. Кистяковский указывал, что «только история может дать объяснение причин как современного состояния уголовного права, так и состояния его в предшествовавшие периоды. Без совета истории как науки, трактующей о постепенном развитии рода человеческого, уголовное право прежних формаций являлось бы во многих пунктах произведением умопомешанного»⁸.

С точки зрения неологии⁹ история юридической науки представляет собой историю новых понятий права, формирующихся на их основе новых юридических теорий, новых концепций общей теории права и государства. В формировании юридического знания момент новизны тесно связан с моментом преемственности: новое понятие права возникает только на основе старого (всей совокупности прежних юридических знаний) как познавательно более глубокая, более содержательная и более адекватная форма изучения и понимания права и государства¹⁰.

Собственно состав доведения до самоубийства или покушения на него сложился в российском уголовном законодательстве не сразу, его формирование шло от ответственности за самоубийство. В более ранних нормативных правовых актах имелись только нормы об ответственности за самоубийство, а со временем от них развились и нормы, прямо устанавливающие наказуемость доведения до самоубийства или покушения на него.

Зачаток нормы об ответственности за доведение до самоубийства или покушения на него можно отыскать в Церковном уставе князя Ярослава Владимировича¹¹, относящемся к чис-

⁶ См.: Уголовное право. Часть Общая : учебник для бакалавров / под ред. А. И. Чучаева. М., 2012. С. 29.

⁷ Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. СПб., 1874. Кн. 1 : Учение о преступлении. Вып. 1. С. 21.

⁸ Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть Общая. Киев, 1882. С. 10.

⁹ Неология (учение о новом). Неология — раздел языкознания, занимающийся изучением новых слов (см.: Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008).

¹⁰ См.: Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М., 2004.

¹¹ Устав князя Ярослава о церковных судах (Краткая и Пространная редакции) // Российское законодательство X—XX вв. : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. С. 168—170, 189—192.

лу древнейших источников права¹² (составлен в период между 1051 и 1054 гг.¹³). Правда, в этой норме вообще не говорится ни о самоубийстве, ни о доведении до самоубийства. Так, ст. 24 этого Устава в краткой редакции закрепляла: «Аже девка не восхочеть замуж, а отец и мати силою дадут, а что створить над собою — отец и мати епископу в вине, а истор има платити. Тако же и отрок». Таким образом, данная норма запрещала родителям под страхом церковного наказания насильно выдавать замуж «девку» или женить «отрока». Родители привлекались к ответственности в том случае, когда кто-либо из детей «что створит над собою», то есть покончит жизнь самоубийством или попытается реализовать такой замысел. Данные казусы указывали на психологическое отношение русских к замене языческой свободы природных отношений церковным браком¹⁴.

Указанную норму, но только в измененном виде, повторяла и Пространная редакция этого Устава. Ее статья 29 гласила: «Аще девка не въсхоцеть замуж, то отец и мати силою дадять. А что девка учинить над собою, то отец и мати митрополиту в вине». Тут выдача родителями дочери замуж силой превращена в их обязанность в случае ее несогласия. Согласно ст. 7 Устава, за нарушение этой обязанности родители отвечали перед публичной властью. Тем не менее изменение нормы не снимало с них ответственности в

случае самоубийства дочери в результате такого принуждения. Другим отличием статьи от Краткой редакции является отсутствие упоминания о том, что данная же норма распространяется на отрока. Вероятно, последнее положение могло отражать иное юридическое положение сына в семье сравнительно с дочерью¹⁵.

В последующем на протяжении почти 800 лет, до середины XIX в., ни церковных, ни светских уголовных наказаний за это деяние предусмотрено не было. В то же время наказуемо было самоубийство. Так, Запись о душегубстве — правовой документ московского князя, появившийся в 1456—1462 гг.¹⁶, — рассматривала самоубийство как разновидность убийства, понимая под душегубством и убийство, и самоубийство.

Впервые самоубийство в качестве самостоятельного уголовно наказуемого преступления стало признаваться в Артикуле воинском 26 апреля 1715 г.¹⁷ Петра I и в его Морском уставе 13 января 1720 г.¹⁸

Устанавливали наказуемость этого деяния и Свод законов Российской империи¹⁹, том 15 которого содержал уголовное законодательство, а также Уложение «О наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г.²⁰ — первый уголовный кодекс Российской империи.

История возникновения нормы об уголовной ответственности за доведение до самоубийства

¹² См.: *Исаев И. А.* История государства и права России. М., 2004. С. 36.

¹³ См.: Краткая редакция Устава князя Ярослава. Комментарий // *Российское законодательство X—XX вв.* Т. 1. С. 172.

¹⁴ См.: Краткая редакция Устава князя Ярослава. Комментарий. С. 183.

¹⁵ См.: Пространная редакция Устава князя Ярослава. Комментарий // *Российское законодательство X—XX вв.* Т. 1. С. 199—200.

¹⁶ Запись о душегубстве // *Российское законодательство X—XX вв.* Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. М., 1985. С. 187—189.

¹⁷ Воинский артикул 26 апреля 1715 г. // *Российское законодательство X—XX вв.* Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1986. С. 327—365.

¹⁸ Устав морской. 13 января 1720 г. // *Законодательство Петра I* / отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. М., 1997. С. 232—384.

¹⁹ Свод законов Российской империи : в 16 т. // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // *Российское законодательство X—XX вв.* Т. 6 : Законодательство первой половины XIX в. / отв. ред. О. И. Чистяков. М., 1988. С. 174—310 ; Свод законов Российской империи : в 16 т. Т. 15.

«в чистом смысле»²¹ в российском уголовном законодательстве берет свое начало с принятием Уложения 1845 г.

Данное Уложение в разделе X «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц», в котором были расположены преступления против жизни, во второй его главе «О самоубийстве»²² внедрило впервые в истории российского законодательства состав побуждения лицом, обладающим какой-либо властью, к самоубийству зависимого от него лица, то есть состав доведения до самоубийства лица, зависимого от виновного. Его ст. 1476 гласила: «Родители, опекуны и другие облеченные какою-либо властью лица, которые чрез явное, соединенное с жестокостью злоупотребление власти, побуждать подчиненное им или вверенное их попечению лицо к самоубийству, подвергаются за сие: лишению некоторых особенных, на основании ст. 50 сего Уложения, прав и преимуществ и заключению в тюрьме на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев, сверх того, если они христиане, предаются церковному покаянию по усмотрению своего духовного начальства»²³.

То, что данный состав — это, по существу, состав доведения до самоубийства и он первичен в российском уголовном законодательстве, подчеркивали и подчеркивают российские дореволюционные и современные авторы. Так, А. В. Лохвицкий писал: «Хотя самоубийство составляет свободный акт лица, но закон

предусмотрел тот случай, когда оно совершается вследствие жестоких притеснений лиц, имеющих власть... Это постановление специальное; при других преступлениях лица, имеющие власть, не наказываются, хотя бы их жестокое обращение довело виновных до совершения законопреступного деяния...»²⁴

Это деяние называл доведением «до самоубийства злоупотреблением власти» Н. А. Неклюдов. Он указывал: «Употребленное в ст. 1476 слово “побудять” должно быть понимаемо в смысле “дovedеть”»²⁵.

М. Д. Шаргородский считал его близким к составу доведения до самоубийства в советском праве²⁶.

В Уложении «для родителей, опекунов и других лиц, облеченных властью, которые жестоким обращением доведут до самоубийства, предусматривалось наказание... (ст. 1476)», указывал С. В. Бородин²⁷.

О том, что в Уложении впервые в истории законодательства России вводится уголовная ответственность за доведение до самоубийства (ст. 1476), фактически заложена основа законодательного регулирования этого деяния, отмечают и другие авторы²⁸.

Уложение 1845 г. страдало недостатками. Они заключались прежде всего в том, что в него входили нормативные правовые акты за два века (с Соборного уложения 1649 г.). Оно включало 2 304 статьи и, по подсчетам Н. С. Таганцева, по числу статей в четыре раза превы-

---

В 1885 г. состоялось четвертое издание данного Уложения, второе его издание вышло в 1857 г., а третье — 1866 г. (см.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Тула, 2001. Т. 1. С. 189—190).

²¹ Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву : в 2 т. СПб., 1871. Т. 2. С. 410.

²² Н. С. Таганцев, говоря об отношении рассматриваемого Уложения к ответственности за самоубийство, отмечал: «Но иначе относится к самоубийству наше Уложение, создающее для него даже особенную главу в X разделе...» (Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Т. 2. С. 416).

²³ Статья 1476 Уложения 1885 г.; в издании Уложения 1845 г. — ст. 1947.

²⁴ Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 546.

²⁵ Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. СПб., 1876. Т. 1 : Преступления и проступки против личности. С. 256.

²⁶ См.: Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947. С. 64.

²⁷ Бородин С. В. Преступления против жизни. СПб., 2003. С. 45.

²⁸ См.: Ильин Н. Н. Доведение лица до самоубийства: история и современность // Российский следователь. 2016. № 23. С. 38 ; Эльмурзаев Д. И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

шало любой из современных ему кодексов²⁹. В. Д. Спасович, характеризуя его многостатейность, писал, что «это количество столь значительно, что память человеческая не может с ним справиться, и нет юриста — ни теоретика, ни практика, который бы знал Уложение в его основных принципах и чертах»³⁰.

«...Нельзя не сказать, что Уложение 1845 г. давно уже требовало замены. Из всех областей права наиболее изменчивым является право уголовное: на понятиях о преступлении и наказании с наглядностью отражаются все политические и социальные перевороты народной жизни, и чем быстрее развивается жизнь, тем быстрее совершаются эти реформы», — отмечал Н. С. Таганцев, который детально проанализировал грехи данного документа³¹.

Ввиду этого император Николай II 22 марта 1903 г. утвердил проект нового, выделявшегося научностью и значительным уровнем юридической техники Уголовного уложения³² — выдающегося памятника российского права, который послужил основой для развития советского уголовного законодательства и с которого поэтому принято начинать сравнительно-историческую характеристику действующего уголовного законодательства России.

В отличие от Уложения 1845 г., Уголовное уложение не стало криминализировать доведение до самоубийства.

Между тем в теории встречаются высказывания, что данное Уложение (ст. 462) предусматривало ответственность за доведение до самоубийства³³. На самом деле указанная норма рассматриваемого документа содержит другой состав — состав способствования самоубийству. Этот акт, напротив, исключил доведение до самоубийства из числа преступлений³⁴.

На это в свое время обращал внимание В. Д. Набоков: «Уложение о наказаниях создавало в ст. 1476 *delictum sui generis*... Действующее уложение такого проступка не знает»³⁵.

Судьба Уложения 1903 г., являющегося последним фундаментальным законодательным актом дореволюционной России в области уголовно-правовой политики, оказалась не вполне успешной³⁶. В силу вступили лишь его разделы об ответственности за наиболее тяжкие преступления, в основном государственные и религиозные, но в большинстве своем оно не стало действующим уголовным законом.

В связи с этим в России до 1918 г. действовали положения об ответственности за доведение до самоубийства, предусмотренные Уложением 1845 г. После Октября 1917 г. и вплоть до принятия в 1918 г. советских законов в вопросах борьбы с преступностью разрешалось руководствоваться старыми законами в той их части, в которой они не были отменены революцией. Это позволяли делать Декреты о суде № 1

²⁹ См.: Уголовное уложение 22 марта 1903 г. Введение // Российское законодательство X—XX веков. Т. 9 : Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. О. И. Чистяков. М., 1994. С. 242.

³⁰ Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб., 1863. Т. 1. Вып. 1. С. 326.

³¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 1. С. 193—197.

³² Уголовное уложение 1903 г. // Российское законодательство X—XX вв. Т. 9. С. 271—320.

³³ См.: Курс уголовного права : учебник для вузов : в 5 т. Т. 3. Часть Особенная / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 99 ; Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья : учебно-практическое пособие. М., 2006. С. 16 ; Макринская В. И. Вопросы уголовно-правовой защиты права на жизнь (сравнительно-правовые аспекты) : учебное пособие. М., 2006. С. 10 ; Худяков С. С. Доведение до самоубийства — история развития отечественного уголовного законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 3. С. 172, 173 ; Эльмурзаев Д. И. Указ. соч.

³⁴ Об этом говорят и другие авторы (см.: Цой О. Р. Криминологические проблемы пенитенциарного суицида и его предупреждение : по материалам Республики Казахстан : автореф. дис. ... канд. наук. М., 2006. С. 12).

³⁵ Набоков В. Д. Элементарный учебник Особенной части русского уголовного права. Вып. 1. Кн. 1—2. СПб., 1903. С. 4—5.

³⁶ Наумов А. В. Николай Степанович Таганцев (1843—1923) // Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 1. С. 8 (сноска*).

и 2³⁷. В уголовном праве это было Уложение в редакции 1885 г. Однако не столько по идеологическим соображениям, сколько в силу его громоздкости и конгломеративности народные суды не применяли данный акт. Он перестал действовать с изданием 30 ноября 1918 г. Декрета о народном суде РСФСР³⁸, категорически предписавшего в примечании к ст. 22: «Ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещаются».

Первый советский УК РСФСР 1922 г. не возвел в ранг преступления доведение до самоубийства. Однако несмотря на отсутствие в уголовном законе такого специального состава преступления, это деяние не оставалось безнаказанным в уголовном порядке. Судебная практика осуществляла преследование за подобные случаи «путем применения по аналогии статей, предусматривающих убийство»³⁹.

УК РСФСР 1926 г.⁴⁰, компенсируя пробел предшествующего УК, включил норму, устанавливающую заключающуюся ранее в Уложении 1845 г. уголовную ответственность за доведение до самоубийства⁴¹. В части 1 ст. 141 УК была закреплена ответственность за «доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, жестоким обращением последнего или иным подобным путем до самоубийства или покушения на него». Наказыва-

лось это деяние безальтернативным лишением свободы на срок до 5 лет.

Проект УК СССР 1955 г. учреждал ответственность за «доведение кого-либо жестоким обращением или преследованием до самоубийства или покушения на самоубийство». В нем предлагалось предусмотреть ответственность за доведение до самоубийства, не связывая ее с материальной или иной зависимостью потерпевшего от виновного⁴².

27 октября 1960 г. был утвержден УК РСФСР⁴³, третий по счету, который приобрел законную силу с 1 января 1961 г. В нем нашли поддержку некоторые из содержавшихся в УК РСФСР 1926 г. новелл. В статье 107 УК РСФСР 1960 г. устанавливалась ответственность за доведение до самоубийства или покушения на него лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства. В отличие от ч. 1 ст. 141 предыдущего УК, в ст. 107 этого УК вместо признака «иным подобным путем» законодатель ввел новый признак — «систематическое унижение личного достоинства» потерпевшего. А вот наказуемость этого деяния он оставил без изменений (лишение свободы до 5 лет).

Модельный УК для государств — участников Содружества Независимых Государств

³⁷ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50 ; СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

³⁸ Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

³⁹ См.: *Пионтковский А. А.* Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности. М., 1938. С. 35. См. также: *Худяков С. С.* Указ. соч. С. 172.

⁴⁰ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (принят 22 ноября 1926 г., вступил в действие 7 января 1927 г.) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

⁴¹ Не совсем точно утверждать, что введением этой нормы было возрождено положение о доведении до самоубийства, имевшееся в ст. 462 Уголовного уложения (см.: *Курс уголовного права : учебник для вузов : в 5 т. Т. 3. Часть Особенная / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова.* С. 99 ; *Борзенков Г. Н.* Указ. соч. С. 16 ; *Макринская В. И.* Указ. соч. С. 10 ; *Худяков С. С.* Указ. соч. С. 173), а также что «о доведении до самоубийства впервые упоминает УК РСФСР 1926 г.» (*Сафонова Н. А.* Доведение до самоубийства: социальный и уголовно-правовой аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 13).

⁴² См.: Уголовный кодекс СССР. Проект. М., 1955 (привод. по: *Худяков С. С.* Указ. соч. С. 173).

⁴³ УК РСФСР 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

⁴⁴ Модельный УК для государств — участников СНГ, принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 17 февраля 1996 г. № 7-5 // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи стран СНГ. 1996. № 10.

(1996 г.)⁴⁴, являющийся рекомендательным законодательным актом, криминализировал доведение до самоубийства. Так, в ч. 1 его ст. 117 «Доведение до самоубийства» устанавливается ответственность за доведение лица до самоубийства или покушения на него путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения личного достоинства, как за преступление средней тяжести. В части 2 этой статьи предусмотрен квалифицированный состав за совершение этого деяния в отношении лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного (преступление средней тяжести).

Положение, касающееся вопроса об уголовной ответственности за доведение до самоубийства, было воспринято, как уже отмечалось, и УК РФ.

В его ст. 110 установлена ответственность за доведение лица до самоубийства или до покушения на него путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Законодатель в новом УК, по сравнению с УК РСФСР 1960 г., существенно подкорректировал признаки этого преступления.

Новация рассматриваемого уголовного закона заключалась в том, что, в отличие от прежнего, он не связывал уголовную ответственность за это преступление с фактом нахождения потерпевшего в материальной или иной зависимости от виновного. В статье 110 УК РФ вообще отсутствовало упоминание о зависимости.

Невключение в диспозицию ст. 110 УК РФ такого условия наступления уголовной ответственности расширяло рамки ее применения, по сравнению с рамками применения ст. 107 УК РСФСР. Наличие в последнем требования зависимости потерпевшего от виновного, ограничивая возможности привлечения к уголовной ответственности за доведение до самоубийства, позволяло в ряде случаев лицам, доведшим потерпевшего до самоубийства, уклониться от уголовной ответственности за это деяние.

В те годы в печати неоднократно публиковались сообщения о случаях доведения до самоубийства, когда отсутствие «материальной или иной зависимости» лица, покончившего жизнь самоубийством, от лица, совершившего общественно опасное деяние, исключало уголовную ответственность последнего⁴⁵.

В то же время, как показывала практика тех лет, такая конструкция ст. 107 УК РСФСР «вынуждала» правоприменителей в некоторых случаях к ее применению и тогда, когда доведенный виновным до самоубийства человек не находился в состоянии зависимости от виновного⁴⁶.

Расширена была также объективная сторона преступления, которая состоит в совершении виновным вполне определенных действий, толкающих потерпевшего на самоубийство. По прежнему УК к таковым относились только жестокое обращение или систематическое унижение личного достоинства. Действующий же УК к названным способам доведения до самоубийства добавил угрозы.

Таким образом, под юрисдикцию нового закона стало подпадать больше деяний, обуславливающих самоубийство или покушение на него, что соответственно влекло существенное расширение круга возможных потерпевших от данного преступления и субъектов этого преступления. Тем самым новый уголовный закон более, чем предшествующий, был направлен на предотвращение прежде всего возможных случаев негативного влияния одного человека на другого, он значительно расширил сферу применения рассматриваемой статьи в интересах защиты жизни граждан. Отмеченные корректировки уголовного закона были обоснованны и оправданны⁴⁷.

Изменения коснулись и санкции обсуждаемой статьи. На этот раз она стала альтернативной. При сохранении в ней действовавшего уже 70 лет в обоих предшествовавших УК наказания в виде лишения свободы в пределах 5 лет было введено наказание в виде ограничения свободы на срок до 3 лет, тем самым был смягчен ее карательный потенциал. А в 2011 г. санкция

⁴⁵ См.: *Бородин С. В.* Преступления против жизни. С. 297—298.

⁴⁶ См.: *Бородин С. В.* Квалификация преступлений против жизни. М., 1977. С. 122.

⁴⁷ См.: *Коробеев А. И.* Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. М., 2012. С. 161.

была дополнена еще одним альтернативным наказанием — принудительными работами на срок до 5 лет⁴⁸.

В то же время серьезным недостатком ст. 110 УК РФ было то, что в ней не дифференцировалась ответственность в зависимости от свойств потерпевшего. Ведь не может породить сомнения, что доведение до самоубийства детей и подростков, беременных женщин, беспомощных, старых и зависимых лиц свидетельствует о большей общественной опасности виновного.

Вполне очевидно, что перечисленные лица в силу особых качеств более уязвимы и подвержены действиям, совершаемым по доведению до самоубийства, чем лица с устойчивой психикой, достигшие социальной адаптации. С учетом этого нами предлагалось за совершение этого деяния в отношении данной категории лиц установить повышенные меры ответственности⁴⁹. Дополнить анализируемый состав квалифицирующими признаками предлагали и другие многочисленные авторы⁵⁰.

Вносилась и законодательная инициатива о квалификации данного преступления несовершеннолетием, а также соучастием в форме группы лиц по предварительному сговору⁵¹.

Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ⁵², который начал действовать с

18 июня 2017 г., внес существенные коррективы в ст. 110 УК РФ, изменившие представление о регламентированном в ней составе преступления. Основной состав этого преступления (ч. 1) остался без изменения. Не претерпел модификаций перечень способов доведения до самоубийства. Значительно усилилась санкция данного состава. Из нее было исключено наказание в виде ограничения свободы. Размер лишения свободы повышен с 5 до 6 лет. Установлен нижний предел этого наказания — 2 года (вместо 2 месяцев). Срок принудительных работ сохранен на прежнем уровне — до 5 лет. При этом к обоим этим видам наказания может быть назначено факультативное дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 7 лет. Несомненно, «что в этой части уголовной закон как ухудшающий положение виновных лиц обратной силы не имеет и распространяется только на преступления, совершенные после его введения в действие»⁵³.

В результате проведенных июньских нормотворческих трансформаций ст. 110 УК РФ дополняется частью 2, предусматривающей целый ряд квалифицирующих признаков, повышающих степень общественной опасности

⁴⁸ Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

⁴⁹ См.: Хатуев В. Б. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство. М., 2015. С. 101.

⁵⁰ Обзор точек зрения по этому вопросу см.: Хатуев В. Б. Указ. соч. С. 101—102.

⁵¹ Проект федерального закона № 1092225-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (внесен членом Совета Федерации А. В. Беляковым) // URL: <http://www.asozd.duma.gow.ru/>; проект федерального закона № 76354-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (внесен членом Совета Федерации А. В. Беляковым) // URL: <http://www.asozd.duma.gow.ru/>.

⁵² Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // СЗ РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.

⁵³ Крылова Н. Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1. С. 76.

данного преступления, совершенного при их наличии. К таковым относятся совершение этого деяния:

- а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;
- б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;
- в) в отношении двух или более лиц;
- г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- д) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

Введение этих квалифицирующих обстоятельств в анализируемый состав «следует признать вполне обоснованным и соответствующим нормам общественной нравственности»⁵⁴.

Дифференцируя уголовную наказуемость и выделяя обозначенные квалифицированные виды рассматриваемого состава преступления, законодатели одновременно определили безальтернативное наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет. При этом, наряду с лишением свободы, могут быть назначены дополнительные наказания: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 10 лет и ограничение свободы на срок до 2 лет. Причем эти два дополнительных наказания могут быть назначены одновременно. Такую возможность законодатель предусмотрел, применив союз «и» между ними.

Буквально через 41 день со дня вступления в силу после реконструкции ст. 110 УК РФ в санкцию в ее ч. 2 Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 248-ФЗ⁵⁵ были внесены дополнительные редакционные изменения. Их результатом стало повышение минимума наказания в виде лишения свободы до 8 лет, а максимума — до 15 лет. Закон вступил в силу 10 августа 2017 г.

Вместе с тем конструкция ст. 110 УК РФ вызывает определенные замечания.

В диспозиции статьи (ч. 1) не определяется форма вины по отношению к последствиям. Этот вопрос уже не одно десятилетие вызывает острые споры⁵⁶ и остается неразрешенным и в новой редакции статьи⁵⁷.

Полагаем, вина в этом преступлении может быть как умышленная (прямой или косвенный умысел), так и неосторожная (легкомыслие или небрежность).

Актуализирует проблему субъективной стороны этого преступления и использование законодателем понятия «заведомость» в этой статье, и применение его только к беспомощным лицам и беременной женщине (п. «а» и «б» ч. 2) и в то же время неупотребление к несовершеннолетним (п. «а» ч. 3)⁵⁸. Заведомость означает «хорошо известный, несомненный»⁵⁹.

Совершенно непонятно, почему о наличии одних особых качеств потерпевшего виновный должен знать точно, а о других можно и предположительно. Считаем, этот термин следует исключить из данной статьи. На наш взгляд, было бы целесообразно, если бы эта проблема решилась на законодательном или по крайней мере судебном уровне.

Для сравнения: ст. 110 УК Армении (ч. 1) закрепила, что данное деяние совершается с

⁵⁴ Тасаков С. В. Нормы общественной нравственности и их роль в совершенствовании действующего уголовного законодательства // Российская юстиция. 2017. № 12. С. 23.

⁵⁵ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4797.

⁵⁶ Более подробно по этому вопросу см.: Хатуев В. Б. Указ. раб. С. 162—167.

⁵⁷ См.: Егорова Н. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. 2017. № 6. С. 14; Крылова Н. Е. Указ. соч. С. 76, 78.

⁵⁸ См.: Крылова Н. Е. Указ. соч. С. 77.

⁵⁹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1983. С. 177; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 194.

косвенным умыслом или по неосторожности⁶⁰. Обозначает формы вины (косвенный умысел и неосторожность) в этом преступлении и УК Болгарии (ч. 3 и 4 ст. 127)⁶¹.

Высшие судебные органы Узбекистана и Казахстана дали рекомендации относительно субъективной стороны этого преступления по УК этих стран. Так, Верховный Суд Узбекистана в специальном постановлении от 11 сентября 1998 г. (п. 6) указал, что «с субъективной стороны доведение до самоубийства характеризуется косвенным умыслом или неосторожностью по отношению к последствиям»⁶².

Верховный Суд Казахстана в постановлении от 11 мая 2007 г. (п. 29) разъяснил: «Субъективная сторона доведения до самоубийства характеризуется умыслом при совершении вышеуказанных действий и выражается в форме неосторожности к преступному результату. Когда вышеуказанные действия совершаются виновным с умыслом на причинение смерти потерпевшему путем доведения его до самоубийства и он желает наступления такого результата, содеянное следует квалифицировать как умышленное убийство по соответствующей части ст. 96 УК»⁶³.

Бесспорно, вызовет затруднения у правоприменителя и вопрос о квалификации совершения анализируемого деяния в отношении двух или более лиц по п. «в» ч. 2 ст. 110 УК⁶⁴.

По мнению некоторых авторов, квалифицировать по данной норме можно только в том случае, когда доведение до самоубийства жизни двух или более лиц было совершено в рамках одного преступления, охватываемого единством умысла и мотива действий винов-

ного лица. В противном случае доведение до лишения себя жизни двух или более лиц надлежит квалифицировать по совокупности составов преступлений, предусмотренных ст. 110 УК РФ⁶⁵.

Однако если экстраполировать на рассматриваемое деяние позицию Пленума Верховного Суда РФ по квалификации убийства двух или более лиц, в соответствии с которой такое убийство, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден⁶⁶, то доведение до самоубийства нескольких потерпевших, совершенное как с единым умыслом (единичное преступление), так и при отсутствии такового, с самостоятельным умыслом в отношении каждого преступления (по существу — при реальной совокупности преступлений) должно квалифицироваться по п. «в» ч. 2 ст. 110 УК РФ.

Санкция квалифицированного состава обобщаемого преступления (лишение свободы от 8 до 15 лет) высока и близка к санкциям за убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ — от 6 до 15 лет лишения свободы, ч. 2 ст. 105 УК РФ — от 8 до 20 лет лишения свободы). Нижний предел этого наказания за данное преступление отождествляется с указанной границей уголовной ответственности за квалифицированное убийство, а верхний предел санкции является идентичным максимальному пределу наказания за основной состав убийства. В результате этого меры ответственности за квалифицированные виды доведения до самоубийства адекватизируются

⁶⁰ Уголовный кодекс Армянской Республики. СПб. : Пресс, 2004.

⁶¹ Уголовный кодекс Республики Болгария // URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1245689>.

⁶² Постановление Пленума Верховного Суда Республики Узбекистан от 11 сентября 1998 г. № 20 «О судебной практике по делам о доведении до самоубийства» // URL: <http://www.base.spinform.ru>.

⁶³ Постановление Пленума Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 г. № 1 «О квалификации некоторых преступлений против жизни и здоровья человека» // URL: <http://www.forum.zakon.kz>.

⁶⁴ Крылова Н. Е. Указ. соч. С. 77.

⁶⁵ Комментарий к УК РФ : в 4 т. Т. 2 : Часть Особенная. Разд. VII—VIII (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2017.

⁶⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». П. 5 // СПС «КонсультантПлюс».

с минимальными и максимальными пределами санкций, предусматривающих соответствующие границы назначения наказания в виде лишения свободы за убийство и его квалифицированные виды.

Учитывая качественное различие между умышленным причинением смерти другому человеку и доведением до самоубийства, следует дифференцировать виды и размеры наказаний, регламентируемых ч. 1—2 ст. 105 и ч. 1—2 ст. 110 УК РФ⁶⁷.

Отметим, что в УК Узбекистана⁶⁸ санкция квалифицированного вида доведения до самоубийства (квалифицирующие признаки те же, что и в УК РФ, за исключением множественности потерпевших и беспомощности) — лишение свободы от 7 до 10 лет (ч. 2 ст. 103). Аналогична и санкция особо квалифицированного несовершеннолетием потерпевшего вида этого преступления и по УК Украины (ч. 3 ст. 120)⁶⁹.

Представляется более рациональным выделить в качестве особо квалифицирующих признаков этого преступления малолетство и старость потерпевшего и придать такой же статус содержащимся в ч. 2 ст. 110 УК РФ беспомощности, зависимости и беременности, изъяв последних из этой нормы. Сосредоточить их в вновь вводимой ч. 3 этой статьи.

Одно время Правительство РФ считало, что в этом составе в качестве квалифицирующего признака следует установить не несовершеннолетие, а малолетство потерпевшего. Так, в отзыве на один из вышеупомянутых законопроектов оно указало, что более целесообразно в ст. 110 УК в качестве квалифицирующих признаков предусмотреть малолетство. При таких обстоятельствах субъектом преступления должно быть лицо, достигшее возраста 18 лет⁷⁰.

Впоследствии почему-то произошел перелом в его воззрении. В отзыве на законопроект⁷¹, принятый как названный Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ, где в качестве квалифицирующего признака и было предложено имеющееся в ч. 2 ст. 110 УК несовершеннолетие, такого замечания уже не было⁷².

Таким образом, можно констатировать, что уголовное законодательство России традиционно рассматривает доведение до самоубийства или до покушения на него как преступление.

Предупреждение суицидальных попыток средствами уголовного закона является одним из наиболее эффективных методов их профилактики, и выработка дальнейших путей совершенствования действующей нормы УК, предусматривающей ответственность за доведение до самоубийства, должна продолжаться.

⁶⁷ См.: Авдеева Е. В. Новеллизация российского законодательства в сфере уголовно-правового обеспечения права на жизнь // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 19.

⁶⁸ Уголовный кодекс Республики Узбекистан // URL: <http://www.online.zakon.kz>.

⁶⁹ Уголовный кодекс Украины // URL: <http://www.online.zakon.kz>.

⁷⁰ Официальный отзыв Правительства РФ от 30 декабря 2016 № 10264п-П4 «На проект федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации”» // URL: <http://www.asozd.duma.gov.ru/>.

⁷¹ Проект федерального закона № 118634-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» (внесен депутатом Государственной Думы И. А. Яровой и др.) // URL: <http://www.asozd.duma.gov.ru/>.

⁷² Официальный отзыв Правительства РФ от 7 марта 2017 г. № 1507п-П4 «На проект федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению”» // URL: <http://www.asozd.duma.gov.ru/>.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдеева Е. В. Новеллизация российского законодательства в сфере уголовно-правового обеспечения права на жизнь // Российская юстиция. — 2017. — № 11. — С. 18—21.
2. Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья : учебно-практическое пособие. — М., 2006. — 144 с.
3. Бородин С. В. Преступления против жизни. — СПб., 2003. — 467 с.
4. Егорова Н. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. — 2017. — № 6. — С. 11—17.
5. Ильин Н. Н. Доведение лица до самоубийства: история и современность // Российский следователь. — 2016. — № 23. — С. 38—41.
6. Коробеев А. И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. — М., 2012. — 320 с.
7. Крылова Н. Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. — 2018. — № 1. — С. 75—82.
8. Макринская В. И. Вопросы уголовно-правовой защиты права на жизнь (сравнительно-правовые аспекты) : учебное пособие. — М., 2006. — 130 с.
9. Сафонова Н. А. Доведение до самоубийства: социальные и уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2002. — 26 с.
10. Тасаков С. В. Нормы общественной нравственности и их роль в совершенствовании действующего уголовного законодательства // Российская юстиция. — 2017. — № 12. — С. 21—23.
11. Хатуев В. Б. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство. — М., 2015. — 448 с.
12. Худяков С. С. Доведение до самоубийства: история развития отечественного уголовного законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. — 2009. — № 3. — С. 169—174.
13. Цой О. Р. Криминологические проблемы пенитенциарного суицида и его предупреждение: по материалам Республики Казахстан : автореф. дис. ... канд. наук. — М., 2006. — 22 с.
14. Эльмурзаев Д. И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — 27 с.

Материал поступил в редакцию 26 декабря 2018 г.

INDUCING SUICIDE OR ATTEMPTED SUICIDE: THE FORMATION, STATE AND CHALLENGES OF CRIMINAL LAW REGULATION IN CRIMINAL LAWS OF RUSSIA

KHATUEV Vakha Bukhadyvovich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Chechen State University
dogma1982dogma@mail.ru
364031, Russia, Groznyy, ul. Kievskaya, d. 33

Abstract. *The problem of suicide is a significant socio-economic problem for any modern society. At the present time, the situation in the Russian Federation is very complex and suicidal. Despite decline in recent years, suicide rates remain high. This phenomenon is predetermined by socio — economic factors.*

However, suicide should be examined as a result of such factors as direct mental and physical pressure put by the third parties on victims. Criminal Law of the Russian Federation treats the factors in question as signs characterizing the crime of deprivation of life. Therefore, criminal and legal measures play an important role in combating this extremely dangerous phenomenon.

During different periods different approaches have been used to criminalize and construct the elements of the crime of bringing to suicide or attempt to commit suicide. The paper investigates the genesis, evolution and current state of criminal law regulation of responsibility for bringing to suicide or attempt to commit suicide in the criminal legislation of Russia. The author makes proposals for improving the regulation of the phenomenon in question.

Keywords: *suicide, bringing to suicide, Russian criminal legislation, criminalization, regulation, optimization.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avdeeva E. V. Novellizaciya rossijskogo zakonodatel'stva v sfere ugovolno-pravovogo obespecheniya prava na zhizn' // Rossijskaya yusticiya. — 2017. — № 11. — S. 18—21.
2. Borzenkov G. N. Kvalifikaciya prestuplenij protiv zhizni i zdorov'ya : uchebno-prakticheskoe posobie. — M., 2006. — 144 s.
3. Borodin S. V. Prestupleniya protiv zhizni. — SPb., 2003. — 467 s.
4. Egorova N. Novoe v ugovolno-pravovoj ohrane zhizni cheloveka // Uголовное право. — 2017. — № 6. — S. 11—17.
5. Il'in N. N. Dovedenie lica do samoubijstva: istoriya i sovremennost' // Rossijskij sledovatel'. — 2016. — № 23. — S. 38—41.
6. Korobeev A. I. Prestupnye posyagatel'stva na zhizn' i zdorov'e cheloveka. — M., 2012. — 320 s.
7. Krylova N. E. Otvetstvennost' za dovedenie do samoubijstva i prichastnost' k samoubijstvu drugogo lica po ugovolnomu pravu Rossijskoj Federacii: ocenka zakonodatel'nyh novell // Uголовное право. — 2018. — № 1. — S. 75—82.
8. Makrinskaya V. I. Voprosy ugovolno-pravovoj zashchity prava na zhizn' (sravnitel'no-pravovye aspekty) : uchebnoe posobie. — M., 2006. — 130 s.
9. Safonova N. A. Dovedenie do samoubijstva: social'nyj i ugovolno-pravovoj aspekty : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Ekaterinburg, 2002. — 26 s.
10. Tasakov S. V. Normy obshchestvennoj npravstvennosti i ih rol' v sovershenstvovanii dejstvuyushchego ugovolnogo zakonodatel'stva // Rossijskaya yusticiya. — 2017. — № 12. — S. 21—23.
11. Hatuev V. B. Uголовная otvetstvennost' za dovedenie do samoubijstva ili do pokusheniya na samoubijstvo. — M., 2015. — 448 s.
12. Hudyakov S. S. Dovedenie do samoubijstva: istoriya razvitiya otechestvennogo ugovolnogo zakonodatel'stva // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. — 2009. — № 3. — S. 169—174.
13. Coj O. R. Kriminologicheskie problemy penitenciarного suicida i ego preduprezhdenie: po materialam Respubliki Kazahstan : avtoref. dis. ... kand. nauk. — M., 2006. — 22 s.
14. El'murzaev D. I. Uголовная otvetstvennost' za dovedenie do samoubijstva : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2004. — 27 s.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Д. Л. Кутейников*

Особенности применения технологий распределенных реестров и цепочек блоков (блокчейн) в народных голосованиях

***Аннотация.** Интенсивное технологическое развитие оказывает сильное влияние на модернизацию демократических институтов. Различные инновации в области цифровых коммуникаций затронули и достаточно традиционную сферу народных голосований. Особое влияние на переосмысление процесса их организации оказало повсеместное внедрение технологии распределенных реестров. Наибольшую популярность распределенные реестры получили с применением технологии цепочки блоков (блокчейн). Несмотря на то что первоначально данную технологию рассматривали исключительно в качестве элемента развития отрасли информационных, а затем и финансовых технологий, на современном этапе она постепенно получает все большее распространение в иных сферах человеческой деятельности из-за высокой степени безопасности и конфиденциальности.*

В статье подробно рассмотрена мировая практика применения данной технологии в народных голосованиях. Отдельно проанализированы технические решения, примененные в наиболее активно развивающихся проектах, направленных на разработку собственного программного обеспечения для проведения электронных голосований с применением технологии блокчейн. Также в статье рассмотрены отдельные проблемы проведения голосований с применением технологии блокчейн, такие как идентификация и тайна голосования.

Ключевые слова: блокчейн, распределенные системы коммуникаций, цепочки блоков, распределенные реестры, народовластие, выборы, народные голосования, электронные голосования, цифровая экономика.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.041-052

© Кутейников Д. Л., 2019

* Кутейников Дмитрий Леонидович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
kuteynikov@me.com
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Одним из ключевых явлений, определяющих развитие как современных технологий, так и общества в целом в последние годы является децентрализация. Данный термин не является новым, впервые идею о трех разновидностях коммуникационных систем выдвинул американский ученый Пол Бэрэн в 1964 г.¹ Наряду с централизованными и децентрализованными системами коммуникаций, исследователем была предложена идея об иной их разновидности — распределенной системе. Ключевая идея распределенной системы коммуникаций (peer-to-peer) заключается в отсутствии единого центра принятия решений (сервера), участники напрямую осуществляют коммуникации друг с другом, образуя собой единую сеть. Термин «распределенные реестры» неразрывно связан с более широким термином — «распределенные системы коммуникаций», который вошел в научный обиход относительно недавно.

Несмотря на бурное развитие распределенных систем коммуникации в последнее время, первые успешные примеры ее реализации существуют уже относительно давно. Широко известными примерами ее использования являлись файлообменная пиринговая сеть для обмена музыкой Napster и протокол обмена данными BitTorrent.

В общественно-политической сфере одним из первых применений технологии распределенных реестров стал мессенджер Firechat, который приобрел мировую известность в ходе протестов в Гонконге в 2014 г. Протестующие осуществляли координацию своих действий в мессенджерах на мобильных устройствах, после чего властями было принято решение ограничить доступ в сеть Интернет. В ответ протестующие создали собственную распределенную сеть из смартфонов без подключения к Интернету.

Известным проектом использования распределенных реестров на государственном уровне является e-Estonia, в рамках которого жители Эстонии получили доступ к ряду электронных сервисов. Распределенный реестр обеспечивает связь между государственным и частным сектором, позволяет быстро и открыто предоставлять сложные сервисы.

Наибольшую популярность распределенные реестры получили с применением технологии цепочки блоков (блокчейн). Блокчейн представляет собой «распределенную базу данных, которая содержит информацию обо всех транзакциях (более обобщенно — коммуникациях), проведенных всеми участниками системы. Информация хранится в виде «цепочек блоков», в каждом из которых содержится определенное число коммуникаций»². Впервые описание работы данной технологии содержалось в статье «Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic cash system»³. Таким образом, данная технология позволяет организовать любую передачу информации в цепочки блоков. Каждый из этих блоков содержит информацию о других блоках, что позволяет распределить данные по системе и отслеживать все изменения. Единого места, где хранится полный перечень записей участников системы, не существует, поскольку реестр содержится одновременно у всех участников системы и автоматически обновляется до последней версии при каждом внесенном изменении. В настоящее время существует огромное количество разновидностей данной технологии. Наиболее известными являются блокчейны Bitcoin и Ethereum.

Несмотря на то что первоначально данную технологию рассматривали исключительно в качестве элемента развития отрасли информационных, а затем и финансовых технологий, на современном этапе она постепенно получает всё большее распространение в иных сферах че-

¹ Baran P. On Distributed Communications. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_memoranda/2006/RM3420.pdf (дата обращения: 30.01.2019).

² Чеклецов В. В. Философские и социоантропологические проблемы конвергентного развития киберфизических систем (блокчейн, интернет вещей, искусственный интеллект) // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2016. № 1. С. 65—78.

³ Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic cash system // URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения: 30.01.2019).

ловческой деятельности из-за высокой степени безопасности и конфиденциальности, а также позволяет эффективно сократить издержки. Тенденции по развитию и внедрению технологии блокчейн в последние несколько лет не только начали входить в планы научных коллективов и бизнес-структур, но и были публично сформулированы высшими должностными лицами разных стран, в том числе и России⁴.

Указанные положительные характеристики данной технологии подтолкнули многие ученые умы к решению основных проблем демократии за счет полной прозрачности, прямых голосований и новой распределенной системы управления (самоуправления) обществом. Наибольшие энтузиасты нарекают блокчейн «новым государством» или даже предрекают полный отказ от государственной власти. Отдельные ученые называют институциональные системы голосования и коллективного принятия решений на основе технологии блокчейн криптодемократией⁵.

Наряду с громкими заявлениями в разных концах планеты возникло множество идей и способов ее применения в различного рода голосованиях.

Швейцарский проект Agora⁶ на данный момент имеет реальный опыт участия в проведении голосования в масштабах государства. В 2018 г. с использованием данной площадки были проведены выборы президента в Сьерра-Леоне (в отдельном регионе). Необходимо отметить, что проект Agora не участвовал непосредственно в процедуре выборов со стороны уполномоченных органов, однако являлся аккредитованным международным наблюдателем и проводил параллельный подсчет голосов на 280 участках⁷.

В основу площадки положено взаимодействие различных технологий в пяти слоях:

- 1) первый слой — блокчейн Bulletin Board, который функционирует на архитектуре Skipchain, обладающей большой пропускной способностью и эффективным механизмом проверки транзакций за счет использования длинных связей, которые позволяют быстро обращаться к той или иной записи в реестре в логарифмическое, а не линейное число шагов, обеспечивая тем самым доказательство действительности транзакции без необходимости полной записи цепочки блоков. Транзакции подтверждаются узлами, из которых состоит уполномоченный коллективный орган (Cothority). Как и в других блокчейнах, каждый узел сети содержит копии всех транзакций и подтверждает новые транзакции, включая их в блоки, чем поддерживается механизм достижения консенсуса в сети. Узлы независимо контролируют друг друга, чтобы гарантировать, что записанные в систему данные остаются неизменными;
- 2) второй слой — журнал транзакций Cotena связывает блокчейн Bulletin Board и криптографические доказательства с блокчейном Bitcoin, что обеспечивает децентрализованную неизменность данных. Cotena представляет собой журнал, содержащий периодически обновляемую информацию о блокчейне Bulletin Board, копия каждого обновления которого сохраняется как узлами Cothority, так и в блокчейне Bitcoin. Вместе Bulletin Board и Cotena предоставляют собой конфигурацию гибридного блокчейна, которая обеспечивает децентрализацию и защиту от несанкционированного доступа с низкой стоимостью транзакции и высокой пропускной способностью данных;
- 3) третий слой — блокчейн Bitcoin, который используется из-за своей широкой архитектуры для хранения определенных данных,

⁴ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 30.01.2019).

⁵ Allen D. W. E., Berg C., Lane A. M., Potts J. Cryptodemocracy and its institutional possibilities // Review of Austrian Economics. 2018. Pp. 1—12. Article in press. P. 6.

⁶ Agora Voting official website. URL: <https://agoravoting.com/> (дата обращения: 30.01.2019).

⁷ Agora Official Statement Regarding Sierra Leone Election. URL: <https://medium.com/agorablockchain/agora-official-statement-regarding-sierra-leone-election-7730d2d9de4e> (дата обращения: 30.01.2019).

которые необходимы системе для полной децентрализации. В настоящее время сеть Bitcoin является одной из крупнейших децентрализованных сетей компьютеров в мире, поэтому ее блокчейн считается наиболее надежным и обеспечивает высокую степень неизменности данных. Блокчейн Bitcoin позволяет легко проверить, что журнал Cotena и блокчейн Bulletin Board остаются неизменными;

- 4) четвертый слой — сеть Valeda, представляющая собой децентрализованную сеть доверенных узлов, которые подтверждают результаты выборов в блокчейне Bulletin Board. Этот уровень служит для предоставления окончательных публичных доказательств того, что Cothority подтвердил достоверность данных всех бюллетеней и что результаты выборов действительны. Данная сеть состоит из аудиторских узлов, программное обеспечение которых создает криптографические доказательства, относящиеся к различным процессам платформы, включая голосование, анонимность, дешифрование, подсчет голосов и многое другое;
- 5) пятый слой — приложения Votapp, в число которых включаются Voting Booth, Audit, Node. Приложение Voting Booth позволяет авторизованным избирателям участвовать в выборах в сети Agora. Данное приложение загружает информацию из файла конфигурации электорального события и отображает необходимую для избирателя информацию, такую как возможный выбор решений или кандидатов. Через приложение избиратель может убедиться в том, что его выбор зафиксирован, а бюллетень должным образом зашифрован и информация о нем включена в блокчейн Bulletin Board. Приложение Audit предоставляет набор инструментов для наблюдения и контроля за ходом голосования, которые могут осуществляться в каждом слое архитектуры Agora. Приложение Node позволяет изучить полную историю записей

в блокчейне Bulletin Board и журнале Cotena, которая доступна для всех пользователей. Активное участие в сети с правом записи в реестр (Consensus Node, которые входят в Cothority) возможно только в случае авторизации в качестве партнера Agora. В случае с президентскими выборами в Сьерра-Леоне такими операторами были Красный Крест, Высшая техническая школа Лозанны и Университет Фрайбурга, кроме того, любой желающий мог наблюдать за процессом через дополнительные узлы, работавшие в режиме «только для чтения»⁸.

Таким образом, данная совокупность технологий позволяет организовать прозрачное голосование при экономии временных и финансовых ресурсов как организаторов, так и избирателей.

Само голосование проводится в шесть шагов:

1. *Конфигурация нового электорального события.* Администраторы создают файл конфигурации нового голосования и указывают его основные параметры: перечень должных лиц и государственных органов, ответственных за проведение выборов, которым присваивается идентификатор; тип голосования и его параметры; дата и время начала и конца голосования; списки избирателей (могут быть как открытыми, так и зашифрованными); перечень кандидатов или вопросов голосования, а также необходимая информация о них; список наблюдателей; иные специфические параметры. Как только параметры окончательно определены, файл с данными о них заносится в блокчейн Bulletin Board.

2. *Голосование и направление избирателями зашифрованных бюллетеней в сеть Agora.* Каждый избиратель, имеющий право голоса после идентификации, может получить доступ к виртуальному личному кабинету через устройство голосования, в качестве которого могут быть личные устройства (компьютеры, смартфоны) или традиционные машины для голосования на избирательных участках. После того как избиратель сделал свой выбор, осуществляется

⁸ См.: В Сьерра-Леоне прошли первые в мире президентские выборы с использованием технологии блокчейн // URL: <https://forklog.com/v-serra-leone-proshli-pervye-v-mire-prezidentskie-vybory-s-ispolzovaniem-tehnologii-blokchejn/> (дата обращения: 30.01.2019).

транзакция и зашифрованный бюллетень вносятся в блокчейн Bulletin Board.

3. *Анонимизация бюллетеней.* Все бюллетени, загруженные в блокчейн Bulletin Board, проходят «смешанную сеть», которая представляет собой совокупность программ, которые многократно зашифровывают каждый из них и формируют новый список анонимных бюллетеней с нулевыми доказательствами идентификации в блокчейне Bulletin Board. Лишь один узел сети в целях прозрачности способен соотносить зашифрованные бюллетени с реальными избирателями.

4. *Расшифровка анонимных бюллетеней.* Чтобы выполнить процесс подсчета голосов, узлы Cothority совместно расшифровывают анонимные бюллетени и публикуют их с нулевыми доказательствами корректности в блокчейне Bulletin Board. Администраторы выборов могут затем проверить правильность доказательств частично расшифрованных бюллетеней. Администраторы могут использовать правильно частично расшифрованные бюллетени для восстановления анонимных исходных незашифрованных бюллетеней, которые публикуются в блокчейне Bulletin Board, где их можно подсчитать.

5. *Подведение итогов голосования.* Узлы Agora подсчитывают голоса по всем действительным расшифрованным бюллетеням и публикуют окончательные результаты в блокчейне Bulletin Board. Agora, администраторы выборов или любая третья сторона, наблюдающая за выборами, могут проверять бюллетени. Сторона, официально ответственная за подсчет голосов, публикует подписанные результаты в блокчейне Bulletin Board, после чего заранее определенные аудиторы могут проверить достоверность результатов до того, как они будут считаться окончательными. В свою очередь, администратор выборов определяет, какая сторона будет нести ответственность за официальный подсчет голосов и подведение итогов выборов.

6. *Аудит.* Аудиторы и наблюдатели подтверждают действительность полученных резуль-

татов. Наблюдателями могут быть как администраторы выборов и избиратели, так и третьи стороны, находящиеся в любой стране. Аудиторские узлы, которые вместе представляют собой сеть Valeda, подтверждают криптографические доказательства, чтобы обеспечить децентрализованное и объективное подтверждение результатов выборов. Аудит проводится на всех рассмотренных этапах (шагах) голосования.

Таким образом, данная совокупность технологий позволяет достаточно открыто и эффективно проводить различного рода голосования, в том числе и выборы на национальном уровне. Вместе с тем на всех стадиях процесса голосования все равно присутствуют администрирующие органы, что не совсем коррелирует с главной идеей функционирования распределенных реестров. Тем не менее действия данных органов достаточно сильно связаны общей прозрачностью и одновременной записью данных на разные хранилища информации.

Важным преимуществом проекта является его гибкость во взаимодействии с государственными органами и обилие возможных параметров настройки электорального события, что позволяет эффективно подстраиваться под требования национального законодательства.

Выборы с применением технологии блокчейн недавно пришли на муниципальном уровне в швейцарском городе Цуг⁹. В рамках данных выборов была опробована новая государственная система идентификации eID. Голосование проходило с помощью специально разработанной компанией Luxoft и Университетом прикладных наук Люцерна программы для мобильных устройств с использованием идентификационного приложения uPort¹⁰. В разных кантонах Швейцарии апробируются еще несколько проектов по электронным видам голосования. В дальнейшем на государственном уровне также планируется запустить электронную систему eVoting.

Национальный центр электроники и компьютерных технологий Таиланда разрабаты-

⁹ 'Crypto Valley' Zug to trial blockchain voting // URL: https://www.swissinfo.ch/eng/system-test_-crypto-valley-zug-to-trial-blockchain-voting/44177440 (дата обращения: 30.01.2019).

¹⁰ uPort official website. URL: <https://www.uport.me/#about> (дата обращения: 30.01.2019).

вает единую гибридную систему электронного голосования с использованием технологии блокчейн, которая применима как для государственного и муниципального уровня, так и для корпоративных целей. В настоящее время осуществляется подготовка к запуску пилотной программы, однако для сопровождений электоральных событий государственного масштаба необходимо повсеместное функционирование мобильных сетей 5G¹¹.

Американская компания Blockchain Technologies Corp. разработала площадку для голосования под названием Votewatcher¹². Сами голосования на ней можно проводить как в традиционном виде с использованием бюллетеней, так и посредством почтового сообщения, электронной почты или на специальном сайте. Голосование с использованием бюллетеней проводится в пять этапов. Первый этап ничем не отличается от обычного голосования: избиратели ставят соответствующую пометку в бюллетене для голосования. Отличается лишь сам бюллетень, в нижней части которого размещаются QR-коды для его идентификации: первый QR-код содержит блокчейн-адрес, второй представляет собой ID бюллетеня, а третий — ID голосования. На втором этапе все бюллетени сканируются с помощью технологии оптического распознавания меток для формирования данных о каждом из них. На третьем этапе по каждому бюллетеню осуществляется «транзакция», посредством которой передаются данные о его содержании. На четвертом этапе данные загружаются в блокчейн Florincoin, который позволяет загружать большое количество информации, однако имеет меньшую степень защищенности. На пятом этапе хешированные данные о результатах голосования по каждому бюллетеню загружаются в блокчейн Bitcoin, который обладает высокой степенью защищенности. Таким образом, данные одновремен-

но хранятся в двух реестрах, что значительно уменьшает шансы их фальсификации.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на отдельные недостатки данной платформы. Во-первых, в конечном счете идентификацию избирателей должно будет провести государство в лице своих органов, таким образом, теоретически можно будет проследить связь между конкретным лицом и бюллетенем, что сможет нарушить важнейший принцип тайны голосования. Во-вторых, обработка бюллетеней, подсчет результатов, загрузка данных в блокчейн все равно связаны с человеческим трудом и контролирующими органами, что противоречит самой идее распределенных систем и ставит вопрос об их объективном характере.

В настоящее время площадкой Votewatcher было проведено более 20 успешных мероприятий по голосованию (пока локального уровня), на которых обработано более 1 млн бюллетеней. «Либертарианская партия США использовала данную площадку для проведения выборов кандидатов на внутрипартийные должности в Техасе... Всего в «техасском» голосовании приняли участие 250 делегатов. Блокчейн-машины, разработанные Blockchain Technologies Corp., в перспективе могут составить конкуренцию машинам для подсчета голосов, используемым в США»¹³.

Другая американская компания, Follow My Vote¹⁴, также создала и развивает свою платформу для голосований на основе блокчейна Bitcoin. Голосования проводятся с использованием электронной платформы, которая осуществляет идентификацию избирателей через веб-камеру или государственный идентификатор. Особенностью платформы является возможность избирателей наблюдать за процессом голосования в режиме онлайн, а также изменять свой голос в любое время до официального окончания голосования. Схожие идеи пред-

¹¹ Nectec develops blockchain for elections // URL: <https://www.bangkokpost.com/business/news/1604574/> (дата обращения: 30.01.2019).

¹² Cutting edge blockchain voting system // URL: <http://votewatcher.com/> (дата обращения: 30.01.2019).

¹³ Как голосование на блокчейне находит свое применение в политике и бизнесе // URL: <https://geektimes.ru/company/wirex/blog/281122/> (дата обращения: 30.01.2019).

¹⁴ Follow my vote official websit. URL: <https://followmyvote.com/> (дата обращения: 30.01.2019).

полагалось воплотить также в проекте Boule¹⁵ и VotoSocial¹⁶.

Американская компания Factom¹⁷ заявила о готовности предложить свою инфраструктуру правительствам государств, чтобы они могли развивать децентрализованные и автоматизированные системы голосования¹⁸.

Другая американская компания, Voatz¹⁹, предоставила свое приложение и техническую поддержку на выборах сената Западной Вирджинии. Около 144 военных и зарубежных избирателей проголосовали из 30 разных стран, используя мобильное приложение для голосования, обеспеченное технологией блокчейн²⁰. Для идентификации приложение Voatz, наряду с государственными удостоверениями личности, использует встроенные системы распознавания лиц и отпечатков пальцев на смартфонах с операционной системой iOS и Android.

Избирательный бюллетень идентифицируется и зашифровывается уникальным кодом, после чего размещается в блокчейне, который построен на основе частного блокчейна HyperLedger (блокчейн, размещенный в свободном доступе, финансируется Linux Foundation). Таким образом, чтобы участвовать в электоральном событии, каждый избиратель или аудитор должен сначала быть проверен верификатором (узлом). В пилотном проекте Западной Вирджинии использовалось от 16 до 32 проверенных узлов, разделенных пополам между облачными серверами Microsoft Azure и AWS Amazon. В бу-

дущем компетентные органы смогут увеличить число узлов и определить, какие организации (например, политические партии, университеты, средства массовой информации, некоммерческие организации и т.д.) могут участвовать в качестве верификаторов.

Разработки в области голосований с применением технологии блокчейн ведутся и в России. Национальный расчетный депозитарий заявил о создании платформы e-proxy voting для электронных голосований в корпоративных действиях и документообороте, который был успешно апробирован. Как отметили в руководстве компании, «проанализировав в рамках рабочей группы несколько вариантов применения блокчейна к различным сферам деятельности НРД, мы остановили свой выбор на автоматизации голосования владельцев ценных бумаг на ежегодных общих собраниях»²¹. Соответствующее программное обеспечение выложено в виде открытого исходного кода на сайте GitHub²².

Необходимо отметить также запущенный при поддержке Лаборатории Касперского проект Polys²³, основной целью которого является создание площадки по проведению электронных голосований для внутренней деятельности политических партий. Площадка для голосования разработана на основе технологии смарт-контрактов Ethereum. С использованием Polys были проведены выборы в молодежный парламент Саратовской области. Участие в них приняли более 15 тыс. избирателей.

¹⁵ Boule official website. URL: <https://www.boule.one/#about> (дата обращения: 30.01.2019).

¹⁶ VotoSocial.org: towards an e-voting system that people can trust // URL: <https://medium.com/@jagbolanos/votosocial-org-towards-an-e-voting-system-that-people-can-trust-ad85be53be19> (дата обращения: 30.01.2019).

¹⁷ Factom official website. URL: <https://www.factom.com/> (дата обращения: 30.01.2019).

¹⁸ Блокчейн как инструмент электронной демократии. Эксперименты в России, Украине, США, Великобритании // РосКомСвобода. URL: <https://rublacklist.net/16556/> (дата обращения: 30.01.2019).

¹⁹ Voatz official website. URL: <https://voatz.com> (дата обращения: 30.01.2019).

²⁰ См.: 2018 General Election: A Huge Success for West Virginia // URL: <https://sos.wv.gov/news/Pages/11-15-2018-A.aspx> (дата обращения: 30.01.2019).

²¹ НРД успешно протестировал прототип электронного голосования на основе блокчейна // Национальный расчетный депозитарий. URL: <https://www.nsd.ru/ru/press/pressrel/index.php?id36=628973> (дата обращения: 30.01.2019).

²² Blockchain based voting system. URL: <https://github.com/dsx-tech/e-voting> (дата обращения: 30.01.2019).

²³ Polys. URL: https://polys.me/ru/use_cases/political (дата обращения: 30.01.2019).

Площадку для различного рода голосований регионального и муниципального уровня на основе технологии блокчейн планируется создать на базе функционирующего для жителей Москвы приложения «Активный гражданин».

Возможность применения данной технологии в последнее время часто обсуждается в рамках научных конференций²⁴, а также в выступлениях должностных лиц. Находят место соответствующие планы и в нормативных актах. Так, в проекте в «Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2019—2025 годы и на перспективу до 2030 года» указывается, что реализация некоторых инициатив может привести к тому, что на базе технологии распределенного доступа может быть организована система регистрации голосов и подведения итогов выборов различных уровней.

Любопытным примером также является и австралийская политическая партия Flux²⁵, которая проводит электронные голосования для своих членов на основе криптотехнологий. Особый интерес вызывает система голосования, при которой граждане смогут голосовать за или против каждого законопроекта, рассматриваемого в парламенте страны. В зависимости от результатов голосования, депутаты от партии голосуют на заседании тем или иным образом.

Одним из первых применений данной технологии в публичных голосованиях стало голосование по актуальным проблемам датской политической партии «Либеральный альянс»²⁶ на ежегодном съезде. Руководство партии по результатам такого эксперимента пришло к сле-

дующим общим выводам: данная технология «устраняет необходимость доверия, потому что может работать автономно без вмешательства со стороны человека, и все это в то же время абсолютно открыто и прозрачно»²⁷.

Вместе с тем, несмотря на рассмотренные положительные черты данной технологии, необходимо остановиться на отдельных проблемах ее применения в народных голосованиях.

Основной проблемой на данный момент является идентификация избирателей. Единственной реально функционирующей системой в масштабе страны, способной выполнить подобные функции, на данный момент является используемая на портале «Госуслуги» Единая система идентификации и аутентификации²⁸, которая уже используется в качестве платформы для голосований в «Российской общественной инициативе», а также в ее региональных переосмыслениях. Идентификация с помощью данной системы возможна и в уже рассмотренном выше проекте НРД. Несмотря на то что данная система неоднократно подвергалась критике, более эффективной и динамично развивающейся государственной системы на данный момент не существует. Вместе с тем в планах до 2021 года значится создание единой платформы «Цифровой профиль», которая объединит данные о гражданах из разрозненных государственных систем²⁹.

Вместе с тем необходимо отметить, что на данный момент государственные органы все еще не отказались от идеи введения электронных паспортов, которые находились в центре внимания последние несколько лет. В 2013 г.

²⁴ Завершилась научно-практическая конференция ЦИК России «Выборы. Сегодня и завтра» // URL: <http://cikrf.ru/news/сес/41020/> (дата обращения: 30.01.2019).

²⁵ The Flux Party. URL: <https://voteflux.org/about/how/> (дата обращения: 30.01.2019).

²⁶ Официальный сайт политической партии «Либеральный альянс». URL: <https://www.liberalalliance.dk/> (дата обращения: 30.01.2019).

²⁷ Blockchain voting used by Danish political party // URL: <https://www.cryptocoinsnews.com/blockchain-voting-used-by-danish-political-party/> (дата обращения: 30.01.2019).

²⁸ Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

²⁹ См.: Россиян развернут в цифровой профиль // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3826142> (дата обращения: 30.01.2019).

была утверждена соответствующая концепция³⁰, в которой предполагалось, что процесс перехода от бумажных носителей к электронным будет поэтапным и начнется в 2015—2016 гг. В соответствии с новыми планами данный процесс будет произведен в 2021—2024 гг.³¹

Совместно с Центральной избирательной комиссией Российской Федерации была проведена презентация использования электронных паспортов при голосовании³². Следует отметить, что введение удостоверений личности с электронным носителем на сегодняшний день реализовано или тестируется во многих странах.

В последние несколько лет неоднократно поднимался вопрос о возможности включения в перечень документов, подтверждающих личность, номера телефона, однако конкретных решений пока принято не было. Интересно отметить, что в Китае в качестве способа идентификации тестируется популярный в этой стране мессенджер WeChat. В банковской сфере активно развивается идея идентификации людей по их биометрическим данным, таким как сетчатка глаза, форма лица, голос и т.п. Следует также отметить, что создание новых способов идентификации является одним из приоритетных направлений развития цифровой экономики в Российской Федерации.

Таким образом, на сегодня существует достаточно большое количество разнообразных технологий и способов идентификации, однако отсутствует единая общегосударственная платформа, которая бы охватывала всех граждан Российской Федерации вне зависимости от места их

пребывания или проживания. Тем не менее внедрение рассматриваемой технологии возможно и в действующую избирательную систему с традиционным способом идентификации в виде предъявления паспорта ответственному лицу.

Другой важной проблемой является обеспечение тайны голосования. Как уже было рассмотрено в процессе изучения имеющихся на рынке блокчейн-решений, даже при полностью электронном формате проведения голосования, защищенном криптографическими методами, все равно остается некий контрольный узел, способный сопоставить зашифрованные бюллетени с реальными избирателями. Даже проведение голосования с помощью идентификаторов (неких обезличенных ID) не будет означать полную анонимность, так как государство в целях безопасности всегда может иметь реестр их значений. «Независимо от того, насколько хорошо защищена централизованная система электронного голосования, она по-прежнему остается крайне небезопасной, поскольку любая централизованная и непрозрачная компьютерная система в основном небезопасна»³³.

В науке рассматривались и другие проблемы, связанные с применением данной технологии, такие как возможность инфицирования вирусом устройства пользователя³⁴ и голосование за него другим лицом (данные проблемы присущи почти всем видам цифровых коммуникаций).

Таким образом, проведение голосований с использованием технологии как распределенных реестров вообще, так и технологии блокчейн в частности, с сохранением всех ключевых

³⁰ Утверждена концепция введения в России электронных паспортов // Официальный сайт Министерства связи и массовых коммуникаций РФ. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/30485/> (дата обращения: 30.01.2019).

³¹ См.: Правительство обсуждает замену бумажных паспортов на электронные // URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/10/09/783125-zamenu-bumazhnih-pasportov?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 30.01.2019).

³² Минкомсвязь России совместно с другими ведомствами представила новые подходы к автоматизации процесса голосования // Официальный сайт Министерства связи и массовых коммуникаций РФ. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/32409/> (дата обращения: 30.01.2019).

³³ Kovic M. Blockchain for the people. Blockchain technology as the basis for a secure and reliable e-voting system // ZIPAR Discussion Paper Series. 2017. Vol. 1. Iss. 1. Zurich, Switzerland. P. 20.

³⁴ Ayed A. B. A conceptual secure blockchain-based electronic voting system // International Journal of Network Security & Its Applications. 2017. Vol. 9. No. 3.

их достоинств, таких как невозможность внесения изменений в реестр транзакций, отсутствие контролирующих центров, полная прозрачность, возможно лишь в голосованиях, не требующих тайны голоса как одного из существенных условий. В данном случае внимание следует обратить на иные институты непосредственной

демократии, такие как народная правотворческая инициатива, обращения граждан (в том числе коллективные) и т.д. Вместе с тем, что касается выборов и референдумов, то данная технология может эффективно использоваться на отдельных их этапах, что позволит экономить временные и финансовые ресурсы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Чеклецов В. В.* Философские и социоантропологические проблемы конвергентного развития киберфизических систем (блокчейн, интернет вещей, искусственный интеллект) // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. — 2016. — № 1. — С. 65—78.
2. *Allen D. W. E., Berg C., Lane A. M., Potts J.* Cryptodemocracy and its institutional possibilities // *Review of Austrian Economics*. 2018. Pp. 1—12. Article in press.
3. *Ayed A. B.* A conceptual secure blockchain-based electronic voting system // *International Journal of Network Security & Its Applications*. — 2017. — Vol. 9. — No. 3.
4. *Baran P.* On Distributed Communications // URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_memoranda/2006/RM3420.pdf (дата обращения: 30.01.2019).
5. *Hanifatunnisa R., Rahardjo B.* Blockchain based e-voting recording system design (2018) // *Proceeding of 2017 11th International Conference on Telecommunication Systems Services and Applications, TSSA 2017*. — 2018 — January. — Pp. 1—6.
6. *Hsiao J.-H., Tso R., Chen C.-M., Wu M.-E.* Decentralized E-voting systems based on the blockchain technology // *Lecture Notes in Electrical Engineering*. — 2018. — 474. — Pp. 305—309.
7. *Khan K. M., Arshad J., Khan M. M.* Secure digital voting system based on blockchain technolog // *International Journal of Electronic Government Research*. — 2018. — 14(1). — Pp. 53—62.
8. *Kim H. R., Min K., Hong S.-P.* A study on ways to apply the blockchain-based online voting system // *International Journal of Control and Automation*. — 2017. — 10(12). — Pp. 121—130.
9. *Kovic M.* Blockchain for the people. Blockchain technology as the basis for a secure and reliable e-voting system // *ZIPAR Discussion Paper Series*. — 2017. — Vol. 1. — Iss. 1. — Zurich, Switzerland.
10. *Kshetri N., Voas J.* Blockchain-Enabled E-Voting // *IEEE Software*. — 2018. — 35(4). — Pp. 95—99.
11. *Moura T., Gomes A.* Blockchain voting & its effects on election transparency & voter confidence // *ACM International Conference Proceeding Series Part F128275*. — 2017. — Pp. 574—575.
12. *Nakamoto S.* Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic cash system // URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения: 30.01.2019).
13. *Schulz T., Schafer B.* Legal challenges for the use of blockchain-based E-voting systems in Germany 2017 // *Jusletter IT (February)*.
14. *Tarasov P., Tewari H.* Internet voting using Zcash // *Proceedings of the International Conference on WWW/Internet 2017 and Applied Computing*. — 2017. — Pp. 159—170.
15. *Wang B., Sun J., He Y., Pang D., Lu N.* Large-scale Election Based on Blockchain // *Procedia Computer Science*. — 2018. — 129. — Pp. 234—237.
16. *Weber I., Gramoli V., Ponomarev A., Tran A. B., Rimba P.* On availability for blockchain-based systems (2017) // *Proceedings of the IEEE Symposium on Reliable Distributed Systems*. — 2017 — September. — 8069069. — Pp. 64—73.
17. *Wu X., Wei B., Tian H., Du Y., Ma X.* Fair electronic voting via bitcoin deposits // *Communications in Computer and Information Science*. — 2018. — 849. — Pp. 650—661.

Материал поступил в редакцию 5 февраля 2019 г.

PECULIARITIES OF APPLICATION OF TECHNOLOGIES OF DISTRIBUTED REGISTERS AND BLOCKCHAIN (BLOCKCHAIN) FOR THE POPULAR VOTE

KUTEYNIKOV Dmitry Leonidovich, PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
kuteynikov@me.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The modernization of democratic institutions has been greatly influenced by the intensive development of technology. Various innovations in the field of digital communications have affected a rather traditional sphere of popular votings. The widespread introduction of the distributed ledger technology has enormously changed approaches to organizing them. Distributed registers gained the widest popularity after the technology of the chain of blocks (blockchain) was introduced. Despite the fact that initially this technology was considered exclusively as an element of the development of information, and later financial technologies, at the present stage it is gradually becoming increasingly common in other areas of human activity due to a high degree of security and confidentiality. The paper deals in detail with the world practice concerning using this technology in popular voting. Also, the author analyzes the technical solutions applied in the most actively developing projects aimed at developing a software used to conduct electronic voting with the use of blockchain technology. The article investigates some problems of voting with the use of blockchain technology, such as identification and secrecy of the vote.*

Keywords: *blockchain, distributed system of communications, chains of blocks, distributed registers, democracy, elections, popular voting, electronic voting, digital economy.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Cheklecov V. V. Filosofskie i socioantropologicheskie problemy konvergentnogo razvitiya kiberfizicheskikh sistem (blokchejn, internet veshchej, iskusstvennyj intellekt) // Filosofskie problemy informacionnyh tekhnologij i kiberprostranstva. — 2016. — № 1. — S. 65—78.
2. Allen D. W. E., Berg C., Lane A. M., Potts J. Cryptodemocracy and its institutional possibilities // Review of Austrian Economics. 2018. Pp. 1—12. Article in press.
3. Ayed A. B. A conceptual secure blockchain-based electronic voting system // International Journal of Network Security & Its Applications. — 2017. — Vol. 9. — No. 3.
4. Baran P. On Distributed Communications // URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_memoranda/2006/RM3420.pdf (data obrashcheniya: 30.01.2019).
5. Hanifatunnisa R., Rahardjo B. Blockchain based e-voting recording system design (2018) // Proceeding of 2017 11th International Conference on Telecommunication Systems Services and Applications, TSSA 2017. — 2018 — January. — Pp. 1—6.
6. Hsiao J.-H., Tso R., Chen C.-M., Wu M.-E. Decentralized E-voting systems based on the blockchain technology // Lecture Notes in Electrical Engineering. — 2018. — 474. — Pp. 305—309.
7. Khan K. M., Arshad J., Khan M. M. Secure digital voting system based on blockchain technolog // International Journal of Electronic Government Research. — 2018. — 14(1). — Pp. 53—62.
8. Kim H. R., Min K., Hong S.-P. A study on ways to apply the blockchain-based online voting system // International Journal of Control and Automation. — 2017. — 10(12). — Pp. 121—130.
9. Kovic M. Blockchain for the people. Blockchain technology as the basis for a secure and reliable e-voting system // ZIPAR Discussion Paper Series. — 2017. — Vol. 1. — Iss. 1. — Zurich, Switzerland.
10. Kshetri N., Voas J. Blockchain-Enabled E-Voting // IEEE Software. — 2018. — 35(4). — Pp. 95—99.

11. Moura T., Gomes A. Blockchain voting & its effects on election transparency & voter confidence // ACM International Conference Proceeding Series Part F128275. — 2017. — Pp. 574—575.
12. Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic cash system // URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (data obrashcheniya: 30.01.2019).
13. Schulz T., Schafer B. Legal challenges for the use of blockchain-based E-voting systems in Germany 2017 // Jusletter IT (February).
14. Tarasov P., Tewari H. Internet voting using Zcash // Proceedings of the International Conference on WWW/Internet 2017 and Applied Computing. — 2017. — Pp. 159—170.
15. Wang B., Sun J., He Y., Pang D., Lu N. Large-scale Election Based on Blockchain // Procedia Computer Science. — 2018. — 129. — Pp. 234—237.
16. Weber I., Gramoli V., Ponomarev A., Tran A. B., Rimba P. On availability for blockchain-based systems (2017) // Proceedings of the IEEE Symposium on Reliable Distributed Systems. — 2017 — September. — 8069069. — Pp. 64—73.
17. Wu X., Wei B., Tian H., Du Y., Ma X. Fair electronic voting via bitcoin deposits // Communications in Computer and Information Science. — 2018. — 849. — Pp. 650—661.

В. Э. Мамедова*

Теоретические подходы к понятию ответственности членов политических партий и ее соотношение с юридической ответственностью

***Аннотация.** В статье предложено авторское понятие ответственности членов политических партий, предусмотренной уставами политических партий и иными внутрипартийными документами (внутрипартийной ответственности). Проведена демаркация внутрипартийной, юридической и иных видов социальной ответственности. Сделан вывод о том, что ответственность членов политических партий является подвидом общественно-уставной ответственности. В ходе исследования выявлена тенденция сближения (диффузии) внутрипартийной и юридической ответственностей. Проанализированы перспективы рассмотрения ответственности членов политических партий в качестве позитивной, аргументирован вывод о необходимости исследования внутрипартийной ответственности исключительно в ретроспективном аспекте. Обосновывается тезис о целесообразности рассмотрения принудительной реализации внутрипартийных взысканий в качестве содержания ответственности членов политических партий. Выявлены и проанализированы основные свойства внутрипартийной ответственности. Исследовано влияние амбивалентной природы политических партий и особенностей внутрипартийных отношений на свойства ответственности членов политических партий.*

***Ключевые слова:** политическая партия, член политической партии, внутрипартийные отношения, внутрипартийное регулирование, общественно-уставная ответственность, внутрипартийная ответственность, позитивная ответственность, ретроспективная ответственность, исключение из партии, отзыв кандидата в депутаты, исключение из фракции.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.053-062

Многочисленные нарушения демократических процедур в процессе реализации ответственности членов политических партий, предусмотренной уставами политических партий и иными внутрипартийными документами (далее — внутрипартийная ответственность), обуславливают необходимость дальнейшей разработки научно-объективных

рекомендаций, направленных на их предотвращение. Теоретическое обоснование мер, направленных на обеспечение демократических процедур, содержит порой противоречивые положения и недостаточно разработанный понятийный аппарат. Эмпирическая база исследования свидетельствует о формировании тенденции к подмене цели ответственности

© Мамедова В. Э., 2019

* Мамедова Владислава Эдуардовна, аспирант кафедры государственного и административного права Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева
vladislava0804@mail.ru
443011, Россия, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1

членов политических партий: из внутриорганизационного механизма обеспечения интересов партии ответственность трансформируется в механизм обеспечения интересов партийного руководства, выражающихся в необходимости устранения политических конкурентов в рамках внутрипартийной борьбы.

Признаки амбивалентности ответственности членов политических партий, являющиеся следствием двойственной природы политических партий, детерминируют особую значимость научного осмысления проблематики нарушений законодательного требования о соблюдении демократических процедур в процессе реализации ответственности членов политических партий. Ответственность членов политических партий, реализуемая в политической партии как в автономном институте гражданского общества, оказывает негативное воздействие на правомочие члена партии участвовать в ее деятельности, в частности в виде ограничения его пассивного внутрипартийного избирательного права, возможности занятия невыборных партийных должностей, возможности высказываться на заседании коллегиального органа и т.д. Однако факт признания политических партий конституционно-правовым институтом обуславливает влияние ответственности членов политических партий на реализацию их конституционных прав во внешних отношениях. Признаки амбивалентности ответственности членов политических партий проявляются в юридически значимых последствиях, включающих прекращение статуса члена политической партии, кандидата от политической партии, депутата законодательного (представительного) органа публичной власти.

Правовая незащищенность членов партии в отношениях с ней при реализации ответственности в условиях нарушения демократических процедур обуславливает необходимость разработки теоретических и практических предло-

жений по совершенствованию регулирования ответственности членов политических партий.

Действующее законодательство и современная юридическая литература не закрепляют понятие внутрипартийной ответственности. На наш взгляд, теоретический поиск ответа на вопрос об исследуемом понятии следует вести по пути демаркации внутрипартийной ответственности с иными видами ответственности, разрешения проблемы позитивной внутрипартийной ответственности и выявления ее содержания.

Итак, родовым для всех видов ответственности выступает понятие социальной ответственности. Среди многообразия подходов к понятию социальной ответственности считаем допустимым в качестве базового использовать понятие, выработанное Н. В. Витруком: «взаимоотношения между субъектами общественных отношений и обществом с точки зрения сознательного осуществления предъявляемых к ним взаимных требований через социальные нормы»¹. Поскольку внутрипартийная ответственность предполагает сознательное осуществление членом партии предъявляемых к нему через партийные нормы требований, она отвечает признакам социальной ответственности, выделенным в определении.

Как правило, в качестве основания классификации видов социальной ответственности ученые используют вид норм, нарушение которых влечет наложение ответственности. Некоторые авторы приводят открытый перечень видов социальной ответственности. Например, И. А. Иванников выделяет моральную, политическую, религиозную, партийную, юридическую и иные виды ответственности². Е. В. Родионова считает возможным выделить количество видов социальной ответственности, равное количеству видов действующих в обществе социальных норм³.

Другие приводят закрытый список видов ответственности. Так, Н. И. Фокина выделяет

¹ Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма, 2009. С. 10.

² Иванников И. А. Проблемы государства и права России начала XXI века. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 2003. С. 279.

³ Родионова Е. В. Юридическая ответственность как разновидность социальной ответственности: современные проблемы. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 21.

нравственную и правовую ответственности⁴; Н. В. Витрук говорит о моральной, политической, общественно-уставной и юридической ответственности⁵; а Л. И. Грядунова о политической, партийной, гражданской, производственной, правовой, моральной и семейно-бытовой⁶ и т.д.

Поскольку второй подход наиболее полно соответствует логическим правилам классифицирования, считаем его применение в научных исследованиях более перспективным. Однако ближайшее рассмотрение различных точек зрения в рамках второго подхода показывает несостоятельность многих из них: отнесение внутрипартийной ответственности к одному из видов социальной ответственности в рамках классификации Н. И. Фокиной представляется невозможным, поскольку ни один из предложенных ею видов не охватывает партийные нормы как основание привлечения к ответственности; выделение партийной ответственности Л. И. Грядуновой в качестве особого вида социальной ответственности является необоснованным, т.к. в таком случае игнорируются виды ответственности, применяемые в рамках иных общественных объединений. Итак, наиболее предпочтительной выступает классификация, разработанная Н. В. Витруком, согласно которой внутрипартийная ответственность является подвидом общественно-уставной ответственности. При этом общественно-уставная ответственность выражается в «осознании необходимости исполнения корпоративных, уставных правил (требований), в несении тех негативных последствий, которые предусмотрены за их невыполнение либо ненадлежащее исполнение»⁷.

Особое внимание необходимо обратить на вопрос о соотношении внутрипартийной и юри-

дической ответственностей. В качестве основных признаков юридической ответственности, как правило, называют:

- 1) признание правонарушения основанием привлечения лица к ответственности;
- 2) государственное (общественное) осуждение правонарушения;
- 3) установление для нарушителя определенных отрицательных (неблагоприятных) последствий в виде ограничений (лишений) личного или имущественного порядка;
- 4) обеспечение реализации ответственности государственным принуждением;
- 5) реализация юридической ответственности в установленной законом процессуальной форме⁸.

Соответствует ли внутрипартийная ответственность указанным признакам? Нет, поскольку, во-первых, основанием привлечения к внутрипартийной ответственности является нарушение партийных, а не правовых предписаний (т.е. нарушение партийной дисциплины). Во-вторых, внутрипартийная ответственность представляет собой негативную оценку деяния члена политической партии его коллегами, в ограниченном числе случаев негативная оценка партии подкрепляется негативной оценкой государства (реализация внутрипартийной ответственности в избирательных правоотношениях). В-третьих, процессы диффузии внутрипартийной и юридической ответственности в отдельных случаях позволяют говорить о применении государственного принуждения при реализации внутрипартийной ответственности (например, отзыв кандидата в депутаты реализуется посредством принятия решения соответствующей избирательной комиссией),

⁴ Фокина Н. И. К проблеме ответственности личности // Вопросы исторического материализма и критика некоторых концепций буржуазной социологии. М. : Изд-во МГУ, 1969. С. 206.

⁵ Витрук Н. В. Указ. соч. С. 10.

⁶ Грядунова Л. И. Социальная ответственность личности в условиях социализма. Киев, 1971. С. 31.

⁷ Витрук Н. В. Указ. соч. С. 10.

⁸ См., например: Кочев В. А. Конституционно-правовая ответственность: опыт имплементации теоретико-правовых положений // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24—25 октября 2014 г.) : избранные материалы / Г. В. Абшилава, В. В. Акинфиева, А. Б. Афанасьев [и др.] ; отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М. : Статут, 2015. С. 84—89 ; Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М. : Городец-издат, 2001. С. 9.

но по общему правилу внутрипартийная ответственность реализуется партийным принуждением. В-четвертых, порядок реализации ответственности членов политических партий устанавливается внутрипартийными документами. В частности, ч. 31 и ч. 32 ст. 38 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» включает порядок отъезда кандидата, списка кандидатов и исключения кандидатов из списка в предмет уставного партийного регулирования, непосредственно регулируя лишь отдельные наиболее важные элементы процесса привлечения к ответственности (например, включает полномочия по принятию решения об отъезде кандидата в компетенцию органа, выдвинувшего данного кандидата). Таким образом, из всех признаков юридической ответственности для внутрипартийной ответственности характерен только третий (установление лишений для нарушителя), что подтверждает вывод о том, что внутрипартийная ответственность является подвидом не юридической, а общественно-уставной ответственности.

Далее следуя логике, отраженной в начале статьи, необходимо затронуть вопрос о возможности рассмотрения внутрипартийной ответственности в позитивном аспекте. При разрешении этого вопроса считаем обоснованными аргументы противников концепции позитивной ответственности⁹:

- а) использование конструкции позитивной ответственности допускает реализацию ответственности без совершения субъектом нарушения;
- б) конструкция позитивной ответственности предполагает постоянное несение ответственности всеми субъектами общественных отношений;
- в) конструкция позитивной ответственности рассматривает страх наказания как основ-

ной фактор, способствующий соблюдению субъектами социальных норм.

Наше понимание внутрипартийной ответственности основано на признании исключительно ретроспективной ответственности, поскольку реализация внутрипартийной ответственности происходит в конкретных отношениях, возникающих на основании совершения субъектом нарушения партийной дисциплины. Конструкция позитивной внутрипартийной ответственности, по сути, тождественна надлежащему исполнению обязанностей члена партии, ее применение избыточно и привело бы к противоречивости регулирования ответственности.

Последним принципиальным моментом в выборе подхода к формулированию понятия внутрипартийной ответственности является вопрос о ее содержании. Учеными-правоведами разработано несколько подходов к пониманию ответственности. При артикуляции понятия внутрипартийной ответственности мы пришли к выводу о необходимости синтеза следующих трех подходов к содержанию ответственности: ответственность как мера принуждения; как реализация санкции и как реакция общества (государства) на нарушение.

Итак, выработанные позиции позволяют рассматривать внутрипартийную ответственность как разновидность общественно-уставной ответственности, применяемой на основании совершения нарушения партийной дисциплины членом политической партии и выражающейся в принудительной реализации мер, наложенных в порядке и органами, установленными внутрипартийными документами, способной повлечь юридически значимые последствия и обеспечиваемой силой партии, а в случаях возникновения юридически значимых последствий — силой государства.

Однако приведенное определение, аккумулируя основные признаки внутрипартийной ответственности, не может включить все многообразие аспектов данного понятия.

⁹ См., например: *Халиков А. Н.* Социальная и правовая ответственность человека // *Lex Russica*. 2015. № 8. С. 26—35 ; *Колосова Н. М.* Теория конституционной ответственности: природа, особенности, структура : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 31—32.

Все выявленные нами признаки внутрипартийной ответственности в зависимости от факторов их возникновения можно разделить на две группы: обусловленные амбивалентной природой политических партий и обусловленные особенностями внутрипартийных отношений.

Как отмечает В. В. Лапаева, партия выступает результатом деятельности гражданского общества, то есть круга независимых от публичной власти частных отношений. В то же время основная цель политических партий, заключающаяся в борьбе за власть и реализуемая посредством их участия в различных видах политической активности, встраивает партии в систему властеотношений, регулируемых конституционным правом. Таким образом, происходит трансформация политических партий из института гражданского общества в конституционно-правовой институт¹⁰. Амбивалентная природа партий обуславливает следующие признаки амбивалентности внутрипартийной ответственности:

1. Диффузия внутрипартийной и юридической ответственностей. С процессом трансформации партий в конституционно-правовой институт внутрипартийная ответственность приобретает признаки юридически значимого явления. Реализация внутрипартийной ответственности может повлечь за собой юридические последствия. Таким образом, реализация ответственности члена партии занимает пограничное положение в системе общественных отношений, с одной стороны, внутрипартийная ответственность является атрибутом политической партии как института гражданского общества, с другой стороны, поскольку партии являются конституционно-правовым институтом, внутрипартийная ответственность приобретает признак юридической значимости и частично реализуется в рамках правоотношений (например, при реализации наказаний в виде исключения члена из партии, отъезда кандидата в депутаты и т.д.).

2. Двухуровневая система регулирования внутрипартийной ответственности, включающая законодательную и внутрипартийную подсистемы регулирования. Законодательная подсистема регулирования, в свою очередь, состоит из двух частей, выделение которых также обусловлено амбивалентностью природы партий. С одной стороны, политическая партия как институт гражданского общества представляет собой общественное объединение и подчиняется общим принципам их организации и функционирования, закрепленным в Федеральном законе от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». С другой стороны, партия как конституционно-правовой институт, являясь основным участником политической жизни общества, нуждается в более детальном регулировании своей деятельности. Такое регулирование содержится в Федеральном законе от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях».

Основу внутрипартийной подсистемы регулирования ответственности членов партии составляет устав конкретной партии. Многие партии принимают документы, содержащие правила, конкретизирующие положения устава в сфере наложения внутрипартийных взысканий¹¹.

3. Обеспечение внутрипартийной ответственности партийным и государственным принуждением. Являясь актом внешнего воздействия на члена партии, внутрипартийная ответственность выступает разновидностью партийного принуждения и обеспечивается силами партии. В то же время отдельные меры внутрипартийной ответственности, влекущие юридически значимые последствия, помимо партийного принуждения обеспечиваются силой государства (например, отзыв зарегистрированного кандидата в депутаты обеспечивается принятием избирательной комиссией решения об аннулировании регистрации кандидата).

¹⁰ Лапаева В. В. Право и многопартийность в современной России. М. : Норма, 1998. С. 182—183.

¹¹ Решение президиума Генерального совета Всероссийской политической партии «Единая Россия» от 15.04.2009 // URL: <http://yaroslavl.er.ru/join/pologenie/userdata/files/2016/02/20/polozhenie.pdf> (дата обращения: 02.07.2018) ; решение Федерального совета политической партии «Яблоко» № 12 от 16.06.2002 // URL: <http://www.yabloko.ru/node/29280> (дата обращения: 02.07.2018).

Реализация внутрипартийной ответственности происходит в особой сфере отношений — в рамках правоотношений членства, которые обуславливают следующие признаки внутрипартийной ответственности:

а) субъектный состав отношений по реализации внутрипартийной ответственности, включающий субъекта внутрипартийной ответственности — члена соответствующей партии и политическую партию в лице партийного органа, уполномоченного в установленном внутрипартийными документами порядке привлекать членов партии к ответственности;

б) цель внутрипартийной ответственности, выражающуюся в защите интересов политической партии. Член политической партии в силу устойчивости своей связи с ней является носителем информации об основных целях и задачах, тактике и стратегии партии, происходящих внутри партии процессов. Ущерб, умышленно причиненный таким субъектом, может быть в разы более существенным, чем ущерб, причиненный «внешним» по отношению к партии субъектом. Судебные и партийные решения неоднократно подтверждали данный тезис. Так, Верховный суд Республики Татарстан признал обоснованными основания исключения А. В. Буторина из Татарстанского районного отделения КПРФ, выразившиеся в воспрепятствовании нормальной партийной деятельности и нанесении ущерба репутации КПРФ обращениями А. В. Буторина в государственные и правоохранительные органы с целью организации проверок. В свою очередь, А. В. Буторин указывал на необоснованность обвинения, ссылаясь на отсутствие судебных решений о нанесении им ущерба партии. Однако суд справедливо посчитал многочисленные письменные обращения А. В. Буторина в органы публичной власти, приобщенные к материалам дела, доста-

точным и документально подтвержденным основанием исключения¹².

Судебная коллегия по административным делам Новгородского областного суда, рассмотрев дело о дискредитации партии (ЛДПР) ее членом Р., отказала в признании решения Координационного совета Новгородского регионального отделения партии ЛДПР от 22 ноября 2014 г. об исключении Р. из членов партии ЛДПР незаконным. Согласно фактическим обстоятельствам дела Р. находился в символике ЛДПР в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения, высказывал антипартийные мнения и оскорбления в адрес аппарата и членов Координационного совета Новгородского регионального отделения партии, руководителя фракции ЛДПР в Новгородской областной Думе. Указанные действия Суд квалифицировал как совершение действий, порочащих репутацию члена ЛДПР и наносящих моральный ущерб партии (пп. 1, 3 п. 4.13 Устава ЛДПР), что является достаточным основанием для исключения¹³.

Обоснованность данных решений подтверждается тем фактом, что статус члена партии накладывает определенные требования к его поведению. Во-первых, соглашаясь с уставными и программными документами, член партии обязуется совершать действия, направленные на достижение целей партии. Во-вторых, поведение члена партии, особенно в условиях его явной идентификации в этом статусе (появление в партийной атрибутике), с высокой долей вероятности отождествляется в общественном сознании с партией в целом, тем самым девиантное поведение члена партии наносит вред ее политической репутации. В-третьих, в качестве приоритетного способа разрешения внутрипартийных разногласий член партии должен использовать внутрипартийную дискуссию, прибегая к публичной критике (в том числе посредством обращений в органы публичной власти) только в случаях явных злоупотреблений и правонарушений руководства партии.

¹² См.: апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 13 марта 2015 г. № 2-1603/2015 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/HFjf1d0HlabC> (дата обращения: 05.12.2018).

¹³ См.: апелляционное определение Московского городского суда от 16 августа 2013 г. № 1-22537/2013 // URL: http://oblsud.nvg.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=659 (дата обращения: 05.12.2018).

Приведенные примеры показывают, что политическая партия в отношениях со своими членами в некотором смысле является незащищенной. Исторически зарождаясь в рамках нелегальных объединений, ответственность выступала способом его защиты от действий, способных повлечь разоблачение деятельности объединения. В настоящее время значение внутрипартийной ответственности как способа защиты интересов партии сохраняется, поскольку ее основной целью является поддержание внутрипартийной дисциплины, которая, в свою очередь, обеспечивает защиту партии от причинения ущерба членами партии.

Однако в случаях злоупотреблений при реализации внутрипартийной ответственности член партии оказывается в состоянии правовой незащищенности. В качестве иллюстрации таких злоупотреблений следует привести следующие судебные дела. Г. В. Жирнов решением Совета регионального отделения политической партии «Справедливая Россия» в Ленинградской области от 3 ноября 2011 г. был исключен из областного списка кандидатов в депутаты Законодательного собрания Ленинградской области за действия, дискредитирующие партию и наносящие вред ее политическим интересам. Однако названное решение не содержало сведений о конкретных обстоятельствах, послуживших основанием исключения кандидата из списка. Ленинградский областной суд, руководствуясь конституционно-правовым смыслом п. 32 ст. 38 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ, выявленным Конституционным Судом РФ (постановление от 9 ноября 2009 г. № 16-П), указал на незаконность немотивированных партийных решений, приводящих к образованию фактической и правовой неопределенности в отношении причин исключения члена партии из списка кандидатов в депутаты.

В ходе избирательной кампании в Амурской области Верховным советом ЛДПР было принято решение об исключении ряда кандидатов из единого списка кандидатов, выдвинутого Амурским региональным отделением политической партии ЛДПР. Избирательная комиссия Амурской области отказала во внесении соответствующих изменений в единый список кан-

дидатов на том основании, что Высший совет ЛДПР не правомочен принимать решения об исключении отдельных кандидатов из списка, выдвинутого региональным отделением партии. Верховный Суд РФ признал это решение обоснованным, поскольку согласно действующему законодательству в уставе политической партии должны содержаться основания и порядок отзыва выдвинутых кандидатов, которые должны быть изложены в обращении в избирательную комиссию, но из нее не вытекает то обстоятельство, что Высший совет ЛДПР, минуя региональное отделение, вправе отзывать кандидатов, выдвинутых этим отделением в установленном законом и уставом партии порядке. Доводы о том, что региональное отделение должно руководствоваться уставом партии, не свидетельствуют о неправильности выводов суда, поскольку обсуждение этого вопроса относится к внутренней партийной дисциплине.

По нашему мнению, злоупотребления со стороны партии возникают, когда основная цель внутрипартийной ответственности подменяется иными целями, например, целью устранения политических конкурентов партийной олигархии. Правомерная реализация ответственности члена политической партии возможна только в рамках основной цели — защиты интересов партии в целом, а не отдельных внутрипартийных группировок. Подмена основной цели ответственности иными целями недопустима;

в) основание внутрипартийной ответственности — нарушение партийной дисциплины, т.е. виновно совершенное членом политической партии вредное деяние, за которое уставом партии либо иным внутрипартийным актом установлена ответственность. При этом «вредность» рассматривается как конституирующий признак понятия «нарушение партийной дисциплины»;

г) ответственность как официальное порицание (негативная оценка) совершенного деяния со стороны партии. Совершение нарушения партийной дисциплины влечет реакцию со стороны партии в виде наложения внутрипартийного взыскания. Внутрипартийное взыскание представляет собой лишение для субъекта ответственно-

сти морального (предупреждение, выговор и т.д.) либо организационного характера (отстранение от руководящих полномочий в партии, исключение из партии, отзЫв кандидата и т.д.). При этом следует отметить, что взыскания организационного характера, как правило, влекут юридические последствия в виде изменения правового статуса лица, привлеченного к ответственности (лишение статуса должностного лица партии, статуса кандидата в депутаты, статуса члена партии). Взыскания морального характера могут иметь лишь опосредованное влияние на правовые отношения: например, наличие такого взыскания может являться препятствием для выдвижения лица в качестве кандидата в депутаты.

На наш взгляд, построение сбалансированной системы правового и внутрипартийного регулирования ответственности следует рассматривать как основное средство предупреждения нарушений в ходе ее реализации. В настоящее время наибольшему законодательному регулированию подвержены меры, применяемые к кандидатам, выдвинутым от политической партии на выборах в органы публичной власти. В целом партийная практика применения этих мер ответственности свидетельствует о принципиальной возможности достижения цели защиты прав членов партий посредством государственного установления основ регулирования внутрипартийной ответственности, поскольку значительная часть судебных решений об оспаривании партийных актов об исключении (отзЫве) кандидатов в депутаты связаны с несоблюдением партиями процессуальных правил привлечения членов партии к ответственности, а не в связи с нарушением материальных норм. Представляется целесообразным увеличение законодательного массива, регулирующего основы материально-правового и процессуального компонентов внутрипартийной ответственности. Поскольку формулирование предложений по изменению действующего законодательства

в исследуемой сфере не входит в задачи данной статьи и заслуживает специального научного осмысления, укажем лишь на некоторые из возможных изменений:

- закрепление понятия основания ответственности членов политических партий (нарушения партийной дисциплины);
- установление принципа «non bis in idem»;
- закрепление требования об установлении сроков давности привлечения к ответственности в партийном уставе;
- установление обязанности партий официально опубликовывать акты, содержащие правила наложения мер ответственности, в периодической партийной печати и на официальном сайте;
- закрепление обязанности партийного органа, рассматривающего дело о привлечении к ответственности, устанавливать наличие всех элементов состава нарушения партийной дисциплины и т.д.

Формирование законодательного минимума правовых гарантий прав членов политических партий положительно повлияет на обеспечение их прав во внутрипартийном процессе и создаст дополнительные возможности для судебного обжалования партийных решений, предмет которого в настоящее время ограничивается вопросами соблюдения партийных процедур по привлечению лица к ответственности, установленных уставом.

Таким образом, в целях продолжения исследований общественных отношений по привлечению членов партий к ответственности внутрипартийную ответственность следует рассматривать как подвид общественно-уставной ответственности, имеющий исключительно ретроспективный характер, выражающийся в принудительной реализации внутрипартийных взысканий. Обеспечения прав и свобод членов политических партий как практической цели правовых исследований следует достигать посредством совершенствования регулирования

внутрипартийной ответственности путем правового закрепления ее основ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. — М. : Городец-издат, 2001. — 308 с.
2. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Норма, 2009. — 259 с.
3. Грядунова Л. И. Социальная ответственность личности в условиях социализма. — Киев : Вища школа, 1971. — 134 с.
4. Иванников И. А. Проблемы государства и права России начала XXI века. — Ростов н/Д : Издательство Ростовского университета, 2003. — 352 с.
5. Колосова Н. М. Теория конституционной ответственности: природа, особенности, структура : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006.
6. Кочев В. А. Конституционно-правовая ответственность: опыт имплементации теоретико-правовых положений // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24—25 октября 2014 г.) : избранные материалы / Г. В. Абшилава, В. В. Акинфиева, А. Б. Афанасьев и др. ; отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. — М. : Статут, 2015. — С. 84—89.
7. Лапаева В. В. Право и многопартийность в современной России. — М. : Норма, 1998. — 304 с.
8. Родионова Е. В. Юридическая ответственность как разновидность социальной ответственности: современные проблемы. — М. : Юрлитинформ, 2011. — 148 с.
9. Фокина Н. И. К проблеме ответственности личности // Вопросы исторического материализма и критика некоторых концепций буржуазной социологии. — М. : Издательство МГУ, 1969. — С. 206—214.
10. Халиков А. Н. Социальная и правовая ответственность человека // Lex Russica. — 2015. — № 8. — С. 26—35.

Материал поступил в редакцию 22 января 2019 г.

THEORETICAL APPROACHES TO THE CONCEPT OF RESPONSIBILITY OF MEMBERS OF POLITICAL PARTIES AND ITS CORRELATION WITH LEGAL RESPONSIBILITY

MAMEDOVA Vladislava Eduardovna, Postgraduate Student of the Department of State and Administrative Law of Samara National Research University named after S.P. Korolev
vladislava0804@mail.ru
443011, Russia, Samara, ul. Academica Pavlova, d. 1

Abstract. *The paper proposes the author's understanding of responsibility of members of political parties provided by the political parties' constitutions and other intraparty documents (intraparty responsibility). Also, the paper demarcates intraparty responsibility, legal and other types of social responsibility. It is concluded that the responsibility of members of political parties is a subspecies of social and statutory responsibility. The study has determined the tendency of convergence (diffusion) of internal party and legal responsibilities; the analysis has been carried out concerning perspectives of treating the responsibility of members of political parties as positive; the author substantiates the conclusion about the need to study intraparty responsibility exclusively in retrospective aspect. The author elucidates the thesis concerning expediency of enforcement of intra-party penalties as the subject matter of responsibility of members of political parties. Also, the basic properties of intra-party responsibility*

are revealed and analyzed. The study has investigated the influence of ambivalent nature of political parties and peculiarities of intra-party relations regarding the properties of responsibility of members of political parties.

Keywords: political party, member of the political party, intra-party relations, intra-party regulation, social and statutory responsibility, intra-party responsibility, positive responsibility, retrospective responsibility, expulsion from the party, withdrawal of the parliamentary candidate, expulsion from the faction.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bratus' S. N. Yuridicheskaya otvetstvennost' i zakonnost'. — M. : Gorodec-izdat, 2001. — 308 s.
2. Vitruk N. V. Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti. — 2-e izd., ispr. i dop. — M. : Norma, 2009. — 259 s.
3. Gryadunova L. I. Social'naya otvetstvennost' lichnosti v usloviyah socializma. — Kiev : Vishcha shkola, 1971. — 134 s.
4. Ivannikov I. A. Problemy gosudarstva i prava Rossii nachala XXI veka. — Rostov n/D : Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 2003. — 352 s.
5. Kolosova N. M. Teoriya konstitucionnoj otvetstvennosti: priroda, osobennosti, struktura : dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2006.
6. Kochev V. A. Konstitucionno-pravovaya otvetstvennost' : opyt implementacii teoretiko-pravovykh polozhenij // Pyatyj Permskij kongress uchenyh-yuristov (g. Perm', 24—25 oktyabrya 2014 g.) : izbrannye materialy / G. V. Abshilava, V. V. Akinfieva, A. B. Afanas'ev i dr. ; otv. red. V. G. Golubcov, O. A. Kuznecova. — M. : Statut, 2015. — S. 84—89.
7. Lapaeva V. V. Pravo i mnogopartijnost' v sovremennoj Rossii. — M. : Norma, 1998. — 304 s.
8. Rodionova E. V. Yuridicheskaya otvetstvennost' kak raznovidnost' social'noj otvetstvennosti: sovremennye problemy. — M. : Yurlitinform, 2011. — 148 s.
9. Fokina N. I. K probleme otvetstvennosti lichnosti // Voprosy istoricheskogo materializma i kritika nekotorykh koncepcij burzhuaznoj sociologii. — M. : Izdatel'stvo MGU, 1969. — S. 206—214.
10. Halikov A. N. Social'naya i pravovaya otvetstvennost' cheloveka // Lex Russica. — 2015. — № 8. — S. 26—35.

О. В. Колесникова*

Институт уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в субъектах Российской Федерации: основные направления совершенствования

Аннотация. Рассматривается правозащитная деятельность органов государственной власти субъектов Российской Федерации в отношении коренных малочисленных народов как лиц, имеющих конституционно-правовой статус и повышенный уровень гарантий, по сравнению с обычными гражданами, в силу своей малочисленности. Через сравнительный анализ региональных законов Республик Бурятия, Саха (Якутия), Камчатского и Красноярского краев в части закрепленных в них особенностей назначения на должность уполномоченных по правам коренных малочисленных народов, порядков оплаты труда и финансового обеспечения деятельности из региональных бюджетов, ставится под сомнение их независимость от органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Данные обстоятельства, в совокупности с отсутствием единых подходов к объему и характеру функционального инструментария уполномоченных рассматриваемой компетенции, послужили основой для выработки по результатам исследования рекомендаций по координации их деятельности, корректировке правовой базы субъектов Российской Федерации в части предъявляемых требований к кандидатам на такую должность, а также круга закрепляемых полномочий для реализации правозащитного потенциала, которые имеют прикладное значение и могут быть использованы органами власти в нормотворческой деятельности.

Ключевые слова: омбудсмен, коренные малочисленные народы, правозащитная деятельность, правозащита, защита прав, органы государственной власти, уполномоченный по правам коренных малочисленных народов, совершенствование законодательства.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.063-070

Введение

Защита прав и свобод человека и гражданина является важнейшей конституционной обя-

занностью правового государства¹. На пути его становления в России активно стимулируется развитие разноплановой правозащитной системы, включающей как государственные, так и не-

---

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). Ст. 1, 3 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

© Колесникова О. В., 2019

* Колесникова Ольга Владимировна, прокурор отдела по надзору за соблюдением федерального законодательства прокуратуры Республики Хакасия
Ov-kolesnikova-2014@yandex.ru
655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Чертыгашева, д. 80

государственные правозащитные механизмы, проводится политика их институционализации. По мере совершенствования в России федеративных отношений отмечается вовлеченность и все более возрастающая роль на данном направлении субъектов Российской Федерации с учетом специфики и проблематики их территорий, а также приближенности к местному населению.

Значимое место в правозащитной системе России занимают институты уполномоченных, или омбудсменов², защищающих права человека в целом (общей компетенции) или отдельных категорий лиц: несовершеннолетних, предпринимателей, потребителей финансовых услуг и пр. (специальной компетенции). Особый исследовательский интерес представляет созданный в ряде регионов Сибири и Севера институт уполномоченного для внесудебной государственной защиты прав и свобод коренных малочисленных народов (далее — КМН), появившийся относительно недавно³, малоизученный и до сих пор находящийся в процессе развития и становления.

Объектом правозащитной деятельности рассматриваемого уполномоченного выступают общественные отношения, возникающие по поводу реализации КМН социально-политических, экономических, культурных и иных прав, гарантированных ст. 69 Конституции РФ и Федеральным законом от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 27.06.2018) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»,

другими федеральными и региональными законами и иными правовыми актами⁴.

Субъектом таких прав признаются народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие на территории Российской Федерации менее 50 тыс. чел. и осознающие себя самостоятельными этническими общностями⁵. Всего в России к КМН отнесено 47 этносов⁶.

Общая численность КМН в России по итогам Всероссийской переписи населения на 2010 г. составила 316 тыс. чел.⁷ Самый многочисленный из КМН — ненцы (44,6 тыс. чел.), а самый малочисленный — водь, проживающий на территории Ленинградской области и включающий всего 64 чел.

Места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМН охватывают территории 28 субъектов Российской Федерации, расположенных преимущественно в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока⁸.

Сравнительный анализ функционирования уполномоченных по правам коренных малочисленных народов в Республиках Бурятия, Саха (Якутия), Камчатском и Красноярском краях

В целях правовой защиты названных выше гарантий КМН Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации

² Омбудсмен — наименование государственной должности в зарубежных странах, имеющей сходное функциональное предназначение.

³ Впервые в России должность уполномоченного по правам КМН введена в Красноярском крае в 2007 г.

⁴ См., например: Закон Республики Саха (Якутия) от 31.03.2005 № 227-З № 461-III «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера (новая редакция)» // Якутские ведомости. 2013. № 46.

⁵ См. подробнее: Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 27.06.2018) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Ст. 1, 3 // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

⁶ См.: постановление Правительства РФ от 24.03.2000 № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 14. Ст. 1493.

⁷ Федеральная служба государственной статистики. Социально-демографический портрет России : По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. // URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/288571033> (дата обращения: 15.10.2018).

⁸ См. подробнее: распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных

законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» наделяет субъекты Российской Федерации правом учреждать должности регионального уполномоченного по правам человека с возложением на него функций уполномоченного по правам КМН либо иные государственные должности и органы.

В настоящее время исходя из предложенной федеральным законодателем модели в Республике Бурятия функции уполномоченного по правам КМН Севера возложены принятым Народным Хуралом законом на регионального уполномоченного по правам человека, что отвечает потребностям оптимизации бюджетных расходов.

В Республике Саха (Якутия), Камчатском и Красноярском краях уполномоченные по правам КМН на основании пилотных региональных законов замещают самостоятельные государственные должности в структуре органов власти.

Сравнительным анализом данных законов установлено, что требования, предъявляемые к кандидатам для замещения должностей уполномоченных по правам КМН, имеют существенное сходство, в том числе достижение возраста 35 лет (в Красноярском крае — 30 лет), наличие высшего образования и опыта защиты прав КМН. В Красноярском крае дополнительно оцениваются безупречность репутации и опыт работы в местах компактного проживания КМН. При этом не обязательны юридический профиль высшего образования претендента либо наличие у него ученой степени кандидата юридических наук, что представляется не совсем оправданным, поскольку правозащита, как специфический вид деятельности, предполагает необходимость применения соответствующих познаний.

Порядок назначения на такие должности и их место в структуре органов власти названных регионов, напротив, имеют существенные различия.

Так, уполномоченный по правам КМН Красноярского края является заместителем регио-

нального уполномоченного по правам человека, который назначает его на должность, заручившись согласием более половины от числа избранных депутатов Законодательного собрания края по внесенной им кандидатуре, и в дальнейшем координирует его деятельность.

В свою очередь, сам уполномоченный по правам человека края назначается на должность непосредственно Законодательным собранием большинством голосов от числа избранных депутатов.

Этот же орган законодательной власти Уставом края наделен правом определения статуса и порядка деятельности уполномоченного по правам человека в крае и его заместителя — по правам КМН.

Самостоятельных организационных, правовых, финансовых и материально-технических обеспечивающих деятельность структур уполномоченный по правам КМН не имеет, данные функции выполняет аппарат уполномоченного по правам человека в крае.

В Камчатском крае уполномоченный по правам КМН назначается на должность соответствующим решением большинства избранных депутатов Законодательного собрания Камчатского края. При этом в соответствующий процесс вовлекается институт гражданского общества — Ассоциация КМН Севера Камчатского края, которая вправе вносить свои предложения о кандидатуре, наряду с губернатором края и депутатскими объединениями Законодательного собрания.

Подобные механизмы назначения на должность позволяют сделать вывод о принадлежности института уполномоченного по правам КМН на территории Камчатского и Красноярского краев к законодательной ветви власти регионального уровня.

В Республике Саха (Якутия) уполномоченный по правам КМН назначается на должность главой Республики, что позволяет его отнести к институту исполнительной власти. Соответствующие кандидатуры предлагаются главе региона общественными организациями малочис-

---

народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2493.

ленных народов. После получения одобрения Совета по вопросам коренных малочисленных народов Севера при главе Республики Саха (Якутия), кандидат к назначению также проходит процедуру согласования народными депутатами Государственного собрания (Ил Тумэн).

Следует также отметить, что вовлечение институтов гражданского общества в процесс назначения уполномоченных в Камчатском крае и Республике Саха (Якутия), безусловно, способствует повышению их легитимности и уровня доверия к ним со стороны КМН.

В качестве основы правового статуса уполномоченных по правам КМН законодательными актами рассматриваемых субъектов Российской Федерации закреплена их независимость, гарантиями которой служат неподотчетность каким-либо органам государственной власти, органам местного самоуправления и должностным лицам, а также запрет на вмешательство в его деятельность. В Красноярском крае соответствующая гарантия подкреплена предусмотренной региональным законом административной ответственностью за соответствующие противоправные действия⁹. Однако вызывает сомнение, что вышеприведенные механизмы назначения уполномоченных по правам КМН на государственную должность региона в совокупности с получением оплаты труда и финансового обеспечения деятельности из регионального бюджета могут обеспечить их подлинную независимость от региональных органов власти.

Различны подходы региональных законодателей и к определению объема полномочий, предоставленного рассматриваемому институту. Сходство проявляется лишь в характере его правозащитного инструментария, который не носит властно-императивного характера. В связи с этим использование в наименовании рассматриваемой должности категории «полномочия», которая, как правило, используется для определения прав властных структур любого уровня совершать юридически значимые действия, представляется не совсем оправданным.

Так, при взаимодействии с гражданами уполномоченные по правам КМН всех рассматриваемых субъектов Российской Федерации могут осуществлять их прием и разрешать жалобы и обращения, предметом которых должны являться решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, вследствие которых нарушены права КМН или их отдельных представителей. Также при проведении проверок по таким обращениям уполномоченные самостоятельно или совместно с органами власти и местного самоуправления вправе беспрепятственно посещать государственные органы края и органы местного самоуправления, знакомиться с условиями проживания и быта КМН. Осуществляя сбор, изучение и анализ сведений, содержащихся в получаемых от государственных органов и органов местного самоуправления документах и материалах, в обращениях организаций и физических лиц, а также в сообщениях средств массовой информации, вправе вести мониторинг выполнения федерального и регионального законодательства в отношении КМН.

При установлении неправомерных действий исполнительных органов государственной власти региона и органов местного самоуправления правозащитные полномочия уполномоченных Камчатского края и Республики Саха (Якутия) включают возможность направления в их адрес заключения с рекомендациями относительно возможных и необходимых мер по восстановлению прав КМН и предотвращению подобных нарушений в дальнейшем, а также обращения о привлечении к дисциплинарной, административной либо уголовной ответственности должностных лиц, в решениях или действиях (бездействии) которых усматриваются нарушения прав КМН.

В законотворческом процессе компетенция уполномоченного по правам КМН Камчатского края ограничена участием в разработке региональных нормативных правовых актов, затра-

⁹ См. подробнее: Закон Красноярского края от 2 октября 2008 г. № 7-2161 «Об административных правонарушениях». Ст. 10.6 // Наш Красноярский край. 2008. № 33.

гивающих права КМН¹⁰. Уполномоченный по правам КМН в Красноярском крае, имея более широкие полномочия, вправе предложить субъектам права законодательной инициативы рассмотреть разработанный им проект нормативного правового акта, затрагивающий права КМН, для его последующей реализации. Кроме того, в Законодательное собрание и Правительство края им могут быть внесены предложения по разработке концепции национальной и этнической политики, выработке мер, направленных на обеспечение прав и законных интересов КМН, государственных программ по улучшению условий их проживания и быта, развитию образования и национальной культуры.

В Республике Саха (Якутия) к компетенции уполномоченного относится ежегодное информирование о своей правозащитной работе как органов исполнительной и законодательной власти региона, так и населения в местах компактного проживания малочисленных народов.

В Красноярском крае уполномоченный наделен правом выступать в защиту прав представителей КМН в органах судебной власти. Тогда как в Камчатском крае и Республике Саха (Якутия) уполномоченные вправе лишь предложить органам, наделенным таким функциональным потенциалом, обратиться в суд с заявлением о защите нарушенных прав КМН.

В научной литературе подходы к рассматриваемому вопросу объема и характера правозащитных полномочий также неоднозначны, дискуссиями охватываются не только уполномоченные по правам КМН, но и омбудсмены иных компетенций. Наиболее разнополярные мнения высказываются при рассмотрении ин-

ститута Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

К примеру, Е. А. Богославский представляет Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «как субъекта государственного контроля и надзора» и отмечает «необходимость решения вопроса о закреплении его полномочия принимать решения, обязательные для исполнения всеми государственными и муниципальными органами»¹¹.

М. А. Акимова, напротив, полагает, что рекомендательный характер решений и отсутствие у омбудсмена общей компетенции властно-принудительных полномочий служит «важнейшей составляющей диалога гражданского общества и государства о способах и формах реального обеспечения нарушенных прав»¹². Аналогичной позиции придерживаются Г. М. Мусаева и В. К. Гаджимахов, которые его основной правозащитной функцией видят лишь «придание огласке известных фактов правонарушений»¹³. В первом случае наделение института уполномоченного широким кругом властных полномочий, в том числе контрольных, трансформирует его в орган государственной правоохраны либо орган административного контроля. Во втором уполномоченный рассматривается только как «рупор» для информации о нарушениях, что, на наш взгляд, минимизирует его правозащитную роль.

Полагаем, что конституционно-правовой статус КМН, повышенный уровень гарантий по сравнению с обычными гражданами, малочисленность этих народов и в силу этого их уязвимость, несомненно, требуют особых правовых средств защиты, каким является институт специ-

¹⁰ См.: Устав Камчатского края, принятый постановлением Законодательного собрания Камчатского края от 14.11.2008 № 326. Ст. 16 // Официальные ведомости. 2008. № 199—200.

¹¹ Богославский Е. А. Уполномоченный по правам человека как субъект государственного контроля и надзора // Вестник Адыгейского государственного университета. 2015. Вып. 3 (163). С. 228—230. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upolnomochennyu-po-pravam-cheloveka-kak-subekt-gosudarstvennogo-kontrolya-i-nadzora> (дата обращения: 06.10.2018).

¹² Акимова М. А. Формы и методы негосударственной защиты прав и свобод личности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. Вып. 3. С. 14.

¹³ Мусаева Г. М., Гаджимахов В. К. Уполномоченный по правам человека Российской Федерации как специализированный институт по содействию защиты прав и свобод граждан // Юридический вестник ДГУ. 2014. № 2. С. 26.

ализированного уполномоченного в регионах. Однако его функционирование требует дальнейшего изучения и совершенствования.

Предложения по совершенствованию института уполномоченного по правам коренных малочисленных народов

В связи с наличием в Российской Федерации тенденции усиления вертикали государственной власти и для минимизации «зависимости» от региональных властей, одним из направлений совершенствования может являться создание структуры, координирующей деятельность уполномоченных по правам КМН в государственном механизме защиты прав и свобод субъектов Российской Федерации.

В этой связи Е. М. Иванов, учитывая конституционный правовой статус КМН, предлагает учредить уполномоченного по защите их прав на федеральном уровне, который бы возглавил систему уполномоченных такой специализации в регионах¹⁴.

Однако, как представляется, в период формирования рассматриваемого института подобную административную вертикаль целесообразнее создать на уровне Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, включающих большинство территорий традиционного проживания КМН.

Другим направлением может стать расширение функционального потенциала рассматриваемого уполномоченного. При этом данный институт не должен развиваться по пути его наделения полномочиями, включающими возможность императивного требования от органов публичной власти устранения нарушений прав отдельных категорий лиц. Эти функции выполняют прокуратура и иные контрольно-надзорные органы. Институт уполномоченных по правам КМН должен совершенствоваться за счет расширения функций представительства

прав защищаемой категории в органах государственной власти и местного самоуправления и наделения инструментами лоббирования их интересов.

Например, к имеющимся в перечисленных выше регионах полномочиям в законотворческом процессе уполномоченному по правам КМН целесообразно добавить права участия в заседаниях законодательных (представительных) органов власти с возможностью выступления, составления обязательных к рассмотрению заключений на проекты правовых актов, а также ходатайствования о приостановлении действия правовых актов до рассмотрения судом вопроса об их законности.

При взаимодействии с судебными органами власти предлагается наделить уполномоченного правом на обращение в конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации с запросом о проверке соответствия регионального закона статутному закону субъекта Российской Федерации.

В целях исключения злоупотреблений со стороны исполнительных органов власти наделить правами участия в заседаниях органов власти, направления в публичные ведомства обязательные к рассмотрению предложения по вопросам совершенствования правоприменительной практики и мотивированные заключения на издаваемые ими правовые акты и их проекты.

При взаимодействии с институтами гражданского общества следует развивать формы и методы совместной правозащиты, заложенные в том числе в Федеральном законе от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ», согласно которому субъекты общественного контроля вправе в случае выявления фактов нарушения прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций направлять полученные в ходе осуществления

¹⁴ См. подробнее: *Иванов В. М.* Институт уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Севера // *Юридические науки: проблемы и перспективы* : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). Казань : Бук, 2015. С. 24—27. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/141/7801/> (дата обращения: 07.10.2018).

общественного контроля сведения уполномоченным по правам КМН в субъектах Российской Федерации.

При этом круг методов и средств правозащиты следует унифицировать на уровне Российской Федерации в модельном правовом акте, иначе разный объем полномочий омбудсменов по правам КМН в регионах ставит возможность защиты прав рассматриваемой катего-

рии граждан в зависимость от места проживания.

Учет предлагаемых изменений законодательства на пути становления института уполномоченного по правам КМН будет способствовать его подлинной независимости, повышению эффективности правозащитной деятельности и уровня доверия групп населения, интересы которых он призван защищать.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Акимова М. А.* Формы и методы негосударственной защиты прав и свобод личности // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2011. — Вып. 3. — С. 9—15.
2. *Богославский Е. А.* Уполномоченный по правам человека как субъект государственного контроля и надзора // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2015. — Вып. 3 (163). — С. 228—230.
3. *Иванов В. М.* Институт уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Севера // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). — Казань : Бук, 2015. — С. 24—27.
4. *Мусаева Г. М., Гаджимахадов В. К.* Уполномоченный по правам человека Российской Федерации как специализированный институт по содействию защиты прав и свобод граждан // Юридический вестник ДГУ. — 2014. — № 2. — С. 25—27.
5. *Филиппова Н. А.* Защитник прав коренных народов в регионах России: становление института // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2016. — Т. 16. — Вып. 2. — С. 105—120.

Материал поступил в редакцию 21 февраля 2019 г.

THE INSTITUTE OF OMBUDSMAN FOR THE RIGHTS OF INDIGENOUS PEOPLES IN THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: MAIN DIRECTIONS FOR IMPROVEMENT

KOLESNIKOVA Olga Vladimirovna, Prosecutor of the Department for Supervision over Compliance with Federal Legislation of the Prosecutor's Office of the Republic of Khakassia
Ov-kolesnikova-2014@yandex.ru
655017, Russia, Republic of Khakassia, Abakan, ul. Chertygasheva, d. 80

Abstract. *The paper has investigated the human rights activities of the State authorities of the constituent entities of the Russian Federation in the context of small indigenous peoples as persons having constitutional and legal status and a higher level of guarantees than ordinary citizens have because of their paucity. The author questions the independence of local laws from the State authorities of the constituent entities of Russian Federation using comparative analysis of regional laws of the Republics of Buryatia, Sakha (Yakutia), Kamchatka and Krasnoyarsk Regions with regard to appointment of ombudsmen to their offices, remuneration and financial support from regional budgets. The circumstances under consideration together with the lack of uniform approaches to the scope and nature of the functional instruments of authorized persons have served as the basis for the development of recommendations to coordinate their activities, to adjust the legal framework of the constituent entities of the*

Russian Federation in terms of requirements for applicants, and the scope of powers assigned to enforce human rights potential that are of practical importance and can be used by the authorities in their rule-making work.

Keywords: *ombudsman, small indigenous peoples, human rights activities, legal protection, protection of rights, public authorities, ombudsman for the rights of small indigenous peoples, improvement of the legislation.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akimova M. A. Formy i metody negosudarstvennoj zashchity prav i svobod lichnosti // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. — 2011. — Vyp. 3. — S. 9—15.
2. Bogoslavskij E. A. Upolnomochennyj po pravam cheloveka kak sub»ekt gosudarstvennogo kontrolya i nadzora // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2015. — Vyp. 3 (163). — S. 228—230.
3. Ivanov V. M. Institut upolnomochennogo po pravam korenyh malochislennyh narodov Severa // Yuridicheskie nauki: problemy i perspektivy : materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', maj 2015 g.). — Kazan' : Buk, 2015. — S. 24—27.
4. Musaeva G. M., Gadzhimahadov V. K. Upolnomochennyj po pravam cheloveka Rossijskoj Federacii kak specializirovannyj institut po sodejstviyu zashchity prav i svobod grazhdan // Yuridicheskij vestnik DGU. — 2014. — № 2. — S. 25—27.
5. Filippova N. A. Zashchitnik prav korenyh narodov v regionah Rossii: stanovlenie instituta // Nauchnyj ezhegodnik instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. — 2016. — T. 16. — Vyp. 2. — S. 105—120.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

В. А. Белов*

Правовая сущность подарочного сертификата: ООО «Бершка СНГ» против Управления Роспотребнадзора по г. Москве (дела № А40-А40-202419/17 и А40-226793/17)

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению и анализу арбитражных дел, связанных с процессом обжалования актов Управления Роспотребнадзора по г. Москве, в связи с привлечением к административной ответственности одной из известных ритейл-организаций за включение в потребительский договор условий, ущемляющих права и законные интересы потребителей, при реализации подарочных сертификатов (карт). В статье приводятся выдержки из вынесенных при рассмотрении дел судебных актов, производится подробное рассмотрение вопросов, связанных с правовой квалификацией подарочного сертификата, реализуемого предпринимателями потребителям, а также дается авторский комментарий к возможным способам регулирования при рассмотрении фактически складывающихся отношений между ритейлерами и потребителями при заключении ими договора, где объектом выступает подарочный сертификат (карта).*

***Ключевые слова:** подарочный сертификат; подарочная карта; опцион на заключение договора; аванс по договору розничной купли-продажи; условия, ущемляющие права потребителей.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.071-079

Судебные акты

Определение Верховного Суда РФ от 27.12.2018 № 305-АД18-18522 по делу № А40-202419/17¹ и постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.07.2018 № 09АП-32896/2018 по делу № А40-226793/17².

Обстоятельства дела

В отношении ритейл-организации (далее — Общество) Управлением Роспотребнадзора по г. Москве (далее — Управление) была проведена плановая выездная проверка на предмет соблюдения требований в сфере правового

¹ URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/bd99d46c-523b-454e-9f4a-c78e41febde6> (дата обращения: 01.02.2019).

² URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/3827b8ca-b2ac-4ffa-b1e7-6ab79f9c1b21> (дата обращения: 01.02.2019).

© Белов В. А., 2019

* Белов Валерий Александрович, кандидат юридических наук, юрист IKEA Retail Russia, редактор Дайджеста новостей торгового и потребительского права юридического института «М-Логос»
5707623@mail.ru
127534, Россия, г. Москва, ул. Академика Янгеля, 14-2-221

регулирования розничной торговли и защиты прав потребителей. По результатам проверки Управлением было вынесено два административных акта: постановление о привлечении к административной ответственности на основании ст. 14.8 КоАП РФ в связи с включением в потребительский договор условий, ущемляющих права потребителя, и предписание об устранении допущенных нарушений, далее оба указанных административных акта обжаловались Общественным в судебном порядке:

- дело № А40-202419/17 — обжалование постановления о привлечении к административной ответственности;
- дело № А40-226793/17 — обжалование предписания об устранении нарушений.

Обжалование постановления о привлечении к административной ответственности

Указанное действие Общества завершилось неудачей, поскольку судья Верховного Суда РФ определением от 27.12.2018 № 305-АД18-18522 отказался передать в Судебную коллегию материалы дела для изучения вопроса о правовой природе подарочного сертификата и о возможности регулирования отношений между ритейлером и потребителем, связанных с продажей подарочных сертификатов, нормами ГК РФ об опционе, согласившись с выводами Девятого арбитражного апелляционного суда о правомерности отмены судебного акта, принятого судом первой инстанции, и вынесения Управлением постановления о привлечении к административной ответственности на основании ст. 14.8 КоАП РФ. Исходя из материалов дела и судебных актов, вынесенных по делу № А40-202419/17, основными доводами, послужившими основанием для привлечения Общества к административной ответственности, являются:

«...Судом первой инстанции, удовлетворяя требования заявителя, сделан вывод, что в настоящем случае подлежат применению положения ст. 429.3 Гражданского кодекса Российской Федерации, т.к. подарочный сер-

тификат является одним из видов опционного договора.

Вместе с тем указанный вывод основан на неправильном толковании норм материального права.

Так, по смыслу положений ст. 429.3 Гражданского кодекса Российской Федерации по опционному договору одна сторона, по общему правилу за плату вправе потребовать от другой стороны совершения предусмотренных опционным договором действий (в том числе уплатить денежные средства, передать или принять имущество).

При этом апелляционный суд отмечает, что законодательство Российской Федерации не содержит специальных норм в отношении товаров, купленных со скидкой, на распродажах или по подарочному сертификату.

Указанные способы продажи товаров являются исключительно рекламно-маркетинговыми мероприятиями продавца и не изменяют гражданско-правовые отношения между продавцом и потребителем в части обмена, возврата купленного таким образом товара.

С учетом изложенного к рассматриваемым отношениям сторон по продаже-приобретению подарочных сертификатов следует применить по аналогии нормы, регулирующие отношения договора розничной купли-продажи, а приобретенные подарочные карты подтверждают внесение потребителями аванса и право на покупку товара в будущем, то есть уплаченная за подарочную карту сумма является авансом. В связи с тем что оплата покупателем подарочной карты это аванс, то в силу закона, он не может быть удержан Обществом...»

Обжалование предписания об устранении нарушений

Как ни парадоксально, Обществу удалось отменить предписание об устранении допущенных нарушений, вынесенное Управлением, поскольку уже другая коллегия судей Девятого арбитражного апелляционного суда³ согласилась с мнением суда первой инстанции об отмене

³ Апелляционные жалобы двух анализируемых дел в Девятом арбитражном апелляционном суде рассматривались двумя разными коллегиями судей.

предписания Управления об изменении условий потребительского договора, содержащихся в правилах оборота подарочных сертификатов, об исключении условий, ущемляющих права потребителей, признав тот факт, что продажа подарочных сертификатов является сделкой, к которой применяются правила об опционе, а не нормы, предусмотренные параграфом о розничной купле-продаже. Исходя из материалов дела и судебных актов, вынесенных по делу № А40-226793/17, основными доводами, послужившими основанием для отмены предписания, являются:

«...Суд обоснованно согласился с доводом заявителя, что приобретение потребителем подарочного сертификата не является по своей правовой природе сделкой купли-продажи товара, работы или услуги или предварительным договором.

Отчуждение подарочного сертификата по своей гражданско-правовой сущности представляет собой возмездную передачу обязательственных прав, удостоверенных специальным документом — подарочным сертификатом.

Учитывая, что вышеуказанные подарочные сертификаты не удостоверяют права на передачу индивидуально определенной вещи, такой сертификат не является товаром, работой или услугой, а лишь предоставляет ее держателю права, содержание, объем и условия которых определяются заключенным договором.

При этом действия по приобретению подарочного сертификата нельзя расценить как заключение обществом и покупателем предварительного договора (ст. 429 ГК РФ), так как общество не вправе требовать от приобретателя сертификата заключения договора купли-продажи товара в будущем, что является одной из ключевых особенностей предварительного договора и прямо предусмотрено п. 5 ст. 429 ГК РФ.

Суд обоснованно согласился с доводом ООО «Бершка СНГ», что приобретая подарочный сертификат, покупатель заключает с обществом опционный договор.

Из вышеприведенных норм права следует, что права требования, передаваемые по опционному договору, представляют собой са-

мостоятельный объект гражданского оборота, наделяющий управомоченное лицо правом требовать от должника совершения определенных действий. При этом права, предоставляемые по опционному договору, подлежат оплате вне зависимости от их последующей реализации.

В то же время исходя из природы передаваемых прав и существа возникающих отношений опционный договор имеет невозвратный характер, если его условиями не предусмотрено иное.

Подарочный сертификат является особым продуктом гражданского оборота, целевая направленность которого заключается в предоставлении возможности лицу, совершающему дарение (дарителю), предоставить одаряемому не денежные средства (что зачастую является принципиальным для дарителя) и не индивидуально определенную вещь (что также дает одаряемому желаемую и удобную вариативность), а возможность самостоятельного выбора подарка из товаров ограниченного ассортимента, например продукция конкретного эмитента, что также позволяет одаряемому подобрать вещь необходимого размера, фасона и т.п.

Однако если предположить, что подарочный сертификат имел бы возвратный характер, то он утратил бы свою основную сущностную функцию, поскольку в этом случае такой сертификат, в обход воли дарителя, мог бы быть заменен одаряемым на денежные средства.

В то же время, по существу продажа подарочного сертификата представляет собой заключение договора в пользу третьего лица, также регулируемого целым рядом специальных норм ГК РФ. Так, в соответствии с п. 2 ст. 430 ГК РФ по общему правилу с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица. Пунктом 4 ст. 430 ГК РФ также установлено, что в случае, когда третье лицо отказалось от права, предоставленного ему по договору, кредитор может воспользоваться этим правом, если это не противоречит закону, иным правовым актам и договору. Из вышеприведенных норм прямо следует, что право на отказ от договора

в пользу третьего лица может быть ограничено таким договором, как для должника, так и для кредитора.

Кроме того, необходимо учитывать, что, если подарочный сертификат будет наделен свойством возвратности, оборот таких сертификатов существенно приблизится к банковским операциям (таким как открытие депозита на предъявителя, или в пользу третьих лиц), являющимися по своей природе лицензируемой деятельностью, правом на совершение которых по общему правилу наделяются специальные субъекты гражданского оборота.

Еще одним негативным следствием, вытекающим из возвратности подарочных сертификатов, является возможность обезличенного и бесконтрольного для государства оборота денежных средств на территории РФ с использованием таких сертификатов, что также порождает широкий ресурс для различных злоупотреблений, противоправной деятельности со стороны третьих лиц, а также противоречит законодательству «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»...».

Комментарий

Из представленных выдержек судебных актов усматриваются совершенно противоположные точки зрения относительно толкования одних и тех же правоотношений. В связи с чем попробуем разобраться в том, каким все-таки образом должны регулироваться отношения, связанные с приобретением и использованием подарочных сертификатов (карт).

Для начала необходимо отметить, что приведенные судебные акты затрагивают и пытаются раскрывать ответы на одни и те же вопросы, которые, как представляется, сводятся к следующим:

1. Какова правовая природа подарочного сертификата?

2. Какие нормы ГК РФ подлежат применению к отношениям, связанным с реализацией подарочного сертификата (карты) ритейлером потребителю, и насколько обоснованным является применение тех или иных норм?

Применительно к первому вопросу необходимо отметить, что еще в 2015 г. автором на-

стоящей статьи уже высказывались в юридической литературе соответствующие доводы о том, каким образом с точки зрения правового регулирования допустимо рассматривать подарочный сертификат (подарочная карта). Не вдаваясь в подробности проведенного ранее исследования, полагаем необходимым вкратце озвучить соответствующую позицию:

1. Подарочный сертификат (подарочная карта) не может рассматриваться в качестве вещи (имущества), поскольку у него отсутствует вещная ценность, которая присуща такому объекту гражданского оборота, как вещь. Кроме того, экономический интерес покупателя (держателя) подарочного сертификата заключается не в возможности извлечения непосредственного блага из него как вещи, а в правах, которые удостоверяет такой сертификат.

2. Подарочный сертификат (подарочную карту) допустимо рассматривать в одной из следующих ипостасей:

- а) документ, подтверждающий получение продавцом авансового платежа по заключенному договору розничной купли-продажи. Своего рода «красивая обертка» кассового чека или расписки ритейлера о получении им денежных средств, которые будут засчитаны последним в качестве авансового платежа, когда стороны достигнут соглашения в будущем относительно объекта договора;
- б) имущественное право держателя подарочного сертификата (подарочной карты), на основании которого последний вправе требовать заключения с ним договора розничной купли-продажи и совершения продавцом определенных действий: передачи товара, выполнения работ или оказания услуг, при этом правовая судьба денежных средств, находящихся на подарочном сертификате, целиком и полностью зависит от дальнейшего развития взаимоотношений между ритейлером и держателем:
  - если держатель подарочного сертификата реализует соответствующее имущественное право — денежные средства засчитываются в счет оплаты товара, работы или услуги;
  - если держатель подарочного сертификата не реализует соответствующее имущественное

право — денежные средства присваиваются ритейлером в качестве вознаграждения за предоставленную возможность реализации имущественного права.

Необходимо обратить внимание, что на протяжении продолжительного периода времени судебная практика⁴ исходила из того, что денежные средства, полученные ритейлером взамен выданного подарочного сертификата, необходимо рассматривать в качестве авансового платежа по договору розничной купли-продажи. Иное толкование или включение условий в правила продажи подарочных карт признавались в качестве условий, ущемляющих права потребителей, что, собственно, подтвердил Верховный Суд РФ в одном из рассматриваемых судебных дел. Однако устоявшийся подход прежде всего был продиктован рядом факторов: (i) отсутствием на законодательном уровне иного закрепленного инструмента регулирования; (ii) отсутствием какого-либо доктринального или законодательного обоснования невозвращения покупателям внесенных в кассу продавца денежных средств; (iii) защитой прав потребителей — «слабых» субъектов гражданского оборота.

Между тем начиная с 1 июня 2015 г. положения об опционе на заключение договора вступили в силу⁵ и закреплены в общих положениях ГК РФ (ст. 429.2). В связи с чем допустимо сделать вывод, что приведенный выше подход о подарочной карте как документе, подтверждающем факт внесения соответствующего авансового платежа, является уже не столько очевидным и единственным, поскольку (i) на законодательном уровне зафиксированы соответствующие нормы, которые могут регулировать соответствующие правоотношения; (ii) ритейлер имеет все возможности по обо-

снованию и утверждению соответствующих правил продажи; (iii) потребитель не будет (не должен) рассматриваться в качестве «слабого» субъекта гражданского оборота, в случае если предприниматель своевременно и надлежащим образом доведет до сведения потребителя всю необходимую информацию о потребительских свойствах и условиях заключаемого договора.

Представляется, что именно с этим вопросом столкнулись судьи разных составов Девятого арбитражного апелляционного суда при вынесении кардинально противоположных судебных актов в части толкования фактически складывающихся правоотношений между ритейлером и держателем подарочной карты, поскольку одни из них указали на факт ущемления прав потребителя, а другие — на законность действий предпринимателя.

Следовательно, резюмируя ответ на первый из поставленных вопросов, необходимо отметить, что в отсутствие прямого указания в тексте закона о том, каким образом регулируются отношения, связанные с приобретением и использованием подарочных карт, допустимо сделать вывод о возможности существования двух альтернативных подходов к разрешению указанного вопроса. Первый позволяет рассматривать подарочный сертификат как документ, удостоверяющий внесение покупателем авансового платежа по договору розничной купли-продажи. Второй — как документ, удостоверяющий право на заключение договора, т.е. опцион на заключение договора розничной купли-продажи. Однако необходимо отметить, что предпочтение того или иного подхода порождает разные правовые последствия. Так, в случае с авансом по договору розничной купли-продажи денежные средства, внесенные покупателем, могут в любой момент быть ему возвращены при выдвиг-

⁴ См., например: определение Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 57-КГ15-7, апелляционное определение Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга от 18.07.2012 по делу № 11-117/12, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.11.2017 № 09АП-44313/2017 по делу № А40-97693/17, апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Пермского краевого суда от 22.05.2013 по делу № 33-4415, решение Арбитражного суда г. Москвы от 22.01.2015 по делу № А40-175236/2014.

⁵ Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

жении соответствующего требования, при этом правовое регулирование таких правоотношений осуществляется § 2 гл. 30 ГК РФ и Законом о защите прав потребителей. Однако при имплементации второго подхода денежные средства рассматриваются в качестве платы за право (опцион) и могут быть зачтены в счет приобретаемых объектов по заключаемому договору (если это следует из условий предоставления опциона), при этом правовое регулирование именно отношений, связанных с опционом на заключение договора, не подпадают под регулирование Закона о защите прав потребителей⁶.

При формулировании позиции относительно второго вопроса необходимо отметить, что, помимо его рассмотрения через призму презумпции «потребитель — слабая сторона», необходимо принимать во внимание как основополагающие принципы гражданского оборота: равенство, эквивалентность встречного предоставления, так и уникальную экономическую и маркетинговую природу подарочного сертификата, при этом предполагается, что последние из указанных аспектов имеют ключевую роль для определения верной позиции. В связи с чем для верной квалификации подарочного сертификата с точки зрения права необходимо проанализировать экономическую природу указанного объекта (поскольку право все-таки направлено на регулирование экономического оборота), т.е. точку зрения самих продавцов: как они, выпуская на рынок тот или иной продукт, его интерпретируют и преподносят потенциальным клиентам.

В целях установления понимания экономических предпосылок появления такого продукта,

как подарочный сертификат, был проведен обзор рынка предложений, содержащих информацию о таком продукте, как подарочный сертификат. Полагаем уместным привести некоторые выдержки из такого рода публикаций:

«“Вездеход” — это подарочный сертификат, объединяющий в себе популярные бренды по различным тематикам. Получить такой подарок очень удобно и практично, т.к. есть возможность выбора. Вы идете туда, куда Вам удобно, в удобное для Вас время»⁷.

«Подарочная карта Леруа Мерлен. Приятная возможность выбора!»⁸

«Приобретая подарок... в виде подарочной карты, вы дарите не просто выбранную вещь, но и возможность выбора...»⁹

«Подарочная карта — это приятно и просто. Гарантированное удовольствие! Подарок, который точно понравится Вашим любимым: ведь они выбирают его самостоятельно.»

Выбор, а не имитация выбора! В нашем интернет-магазине представлена бытовая техника для самых разных целей: это и техника для дома и дачи, для кухни и спальни, климатическая техника, электроника, а также все необходимые аксессуары и сопутствующие товары — каждый найдет что-то по душе...»¹⁰

По результатам анализа приведенной и иной информации о подарочных сертификатах¹¹ было обнаружено, что в преимущественном большинстве предложений прослеживается одна и та же бизнес-идея: продавец, реализуя подарочную карту тому или иному лицу, публично уведомляет, что ее держателю предоставляется право выбора товаров или услуг, которые предприниматель предлагает в качестве объектов

⁶ Сходная позиция о том, что имущественные права, приобретаемые физическими лицами, не регулируются Законом о защите прав потребителей, встречается в судебной практике. См.: апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Пермского краевого суда от 22.05.2013 по делу № 33-4415, решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 09.09.2014 по делу № А75-7157/2014.

⁷ URL: <http://vezde.info/o-kompanii> (дата обращения: 01.02.2019).

⁸ URL: <https://leroymerlin.ru/podarochnaya-karta/> (дата обращения: 01.02.2019).

⁹ URL: <http://www.adamas.ru/services/gift-cards/> (дата обращения: 01.02.2019).

¹⁰ URL: https://www.technopark.ru/support/gift_cards/ (дата обращения: 01.02.2019).

¹¹ Например: URL: <http://isterika.me/podarochnye-sertifikaty>, <http://av.ru/ideas/podarki/podarochnie-karti-azbuka-vkusa/> (дата обращения: 01.02.2019).

гражданского оборота, реализуемых на основании выдвинутой им публичной оферты, при этом в качестве средства платежа допустимо использовать не деньги, а сам подарочный сертификат.

Исходя из описанного экономического подхода к подарочному сертификату следует сделать вывод, что отношения между продавцом и покупателем подарочного сертификата не строятся по модели розничной купли-продажи, где объектом выступает вещь (имущество), в том числе уточненная сторонами в будущем. Представляется, что отношения, связанные с реализацией подарочной карты, лишь предваряют потенциальную сделку по купле-продаже товаров или услуг, однако не свидетельствуют о том, что такие отношения в целом могут возникнуть, поскольку факт их возникновения носит вероятностный характер и полностью зависит от воли держателя подарочного сертификата. Следовательно, необходимо резюмировать, что рассмотрение подарочного сертификата в качестве вещи или документа, удостоверяющего факт внесения аванса по договору розничной купли-продажи, является не в полной мере корректным, поскольку указанные подходы не отражают экономический аспект и подход самих продавцов, выпустивших такой продукт на рынок его обращения.

При указанных обстоятельствах получается, что единственной легитимной («вписывающейся» в существующие правовые рамки) является третья точка зрения о том, что подарочный сертификат необходимо рассматривать в качестве опциона, т.е. права на заключение договора розничной купли-продажи, а денежные средства, внесенные потребителем, как плату за указанное право. Однако возникает вопрос о том, насколько правомерно награждать потребительские правоотношения «новой» и несколько пугающей рядового потребителя правовой конструкцией под названием «опцион на заключение договора». Впрочем, при пристальном рассмотрении отношений с участием потребителя оказывается, что опционная модель взаимодействия не является столь уж незнакомой для граждан. В частности, такого рода взаимоотношения складываются между семейными

адвокатами / докторами и заказчиками. В такого рода взаимоотношениях потребители уплачивают вознаграждение другой стороне сделки в качестве права в любой момент получить квалифицированную юридическую или медицинскую помощь, иными словами, плата взимается не за саму услугу по консультированию или лечению, а за экстренное и безотлагательное реагирование адвоката или доктора на запрос по оказанию услуг. При этом очевидно, что в такого рода правоотношениях плата, уплачиваемая в качестве вознаграждения за реакцию, является опционом, а ее величина не только не эквивалентна стоимости самих услуг, но и не засчитывается в счет оплаты потенциальных услуг, которые могут быть оказаны физическому лицу, изъявившему желание реализовать свое право, предусмотренное опционом на заключение договора юридических или медицинских услуг, и более того, такого рода плата не подлежит возвращению потребителю, если он в течение определенного срока не обратился за соответствующей услугой, т.е. сам фактический договор не был заключен. Следовательно, допустимо сделать вывод, что конструкция с опционом вовлечена в потребительский оборот и не является «новым» и «страшным» институтом.

Однако из приведенных примеров очевидно, что потребителями такого рода услуг, готовыми оплачивать не только саму услугу, но и реакцию исполнителя (возможность в любой момент понудить исполнителя к заключению и исполнению договора), является определенный контингент населения, деятельность или образ жизни которого нецелесообразно приравнивать с точки зрения правового регулирования к жизни рядовых потребителей. В связи с чем полагаем допустимым сделать вывод, что, несмотря на всю симпатию и примечательность опционной конструкции, а также возможность использования ее в гражданском обороте, в обыденных (привычных для оборота) условиях ее использование с рядовыми потребителями подарочных карт (сертификатов) не мыслится корректным, по крайней мере без некоторого рода уточнений.

Такого рода уточнения прежде всего должны носить превентивные функции, направленные на пресечение злоупотребления правом со сто-

роны как продавца, так и покупателя, в частности: (i) на устранение возможности неосновательно обогащаться за счет потребителей путем присвоения денежных средств, уплаченных ими за подарочную карту; (ii) на воспрепятствование деятельности, связанной с обналичиванием денежных средств держателями подарочных карт, а также созданию дополнительных экономически не обоснованных трат продавцов подарочных сертификатов.

Представляется, что наиболее сбалансированным, а главное, отражающим экономическую природу подарочного сертификата (карты) является подход, который сводится к следующему правилу: «Подарочный сертификат (карта) — способ платежа по договору розничной купли-продажи (договору возмездного оказания услуг), заключения которого потребитель вправе требовать от лица, выдавшего подарочный сертификат (карту)».

Указанный подход предусматривает, что, пока организация, выпустившая соответствующий сертификат (карту), существует, она должна принимать их к использованию в качестве платы по заключаемому договору розничной купли-продажи, при этом держателю подарочного сертификата (карты) не предоставляется возможность его возвращения, т.е. одностороннего отказа от сделки, являвшейся основанием для получения подарочной карты, и заявления требования о возврате уплаченных денежных средств.

Полагаем, что такого рода подход должен иметь позитивный отклик, поскольку он отражает основополагающий принцип обязательственного права — эквивалентности встречного предоставления, а также учитывает интересы как ритейлера, так и покупателя. В частности, экономический интерес предпринимателя состоит в том, что (i) он получил вознаграждение, (ii) ему обеспечен товарооборот, т.е. товар не залежится на складе, (iii) выполнена функция по продвижению товара на рынке путем выделения такого продавца из общего списка предпри-

нимателей, поскольку потребитель уже обладает соответствующим специальным средством платежа — подарочным сертификатом (картой). В свою очередь, экономический интерес держателя подарочной карты, как представляется, также не ущемлен, поскольку (i) он объективно получает тот продукт, который приобретал или получал в дар, (ii) он вправе в любой момент явиться в магазин к продавцу и потребовать заключения договора розничной купли-продажи товара или услуги на эквивалент номинала подарочной карты, (iii) отсутствует основание для возникновения факта злоупотребления правом со стороны ритейлера, т.к. он не может безосновательно — в отсутствие реализации товара или услуги — присвоить денежные средства, полученные в счет подарочного сертификата (карты). При этом представляется, что установление запрета на выдвижение требования о возврате денежных средств за подарочную карту является вполне легитимным и соответствующим закону, поскольку такого рода действия по закреплению запрета на возврат подарочных карт (сертификатов) не являются таким уж новым инструментом правового регулирования для потребительских правоотношений в Российской Федерации: в настоящее время существует перечень товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену и возврату¹², при этом экономическая и правовая обоснованность установления такого рода перечня не вызывает ни у кого сомнений.

Выводы

1. В настоящее время отсутствует регламентированный подход к вопросу о правовом регулировании подарочных сертификатов (карт), в связи с чем в судебной практике, в том числе у одного и того же судебного органа, усматриваются альтернативные подходы к рассмотрению одних и тех же вопросов.
2. При установлении и регламентации порядка обращения и правового регулирования отношений, связанных с реализацией и использованием подарочных сертификатов (карт),

¹² Перечень непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации, утв. постановлением Правительства РФ от 19.01.1998 № 55 (ред. от 30.05.2018) // СЗ РФ. 1998. № 4. Ст. 482.

- необходимо принимать во внимание как особенности правового регулирования потребительских правоотношений, так и экономические аспекты соответствующего продукта, выпускаемого на рынок товаров и услуг.
3. Наиболее предпочтительным для правового регулирования отношений, связанных с обращением подарочных сертификатов (карт), является доработанная опционная модель, где подарочный сертификат (карта) рассматривается в качестве способа платежа по договору розничной купли-продажи, заключения которого потребитель вправе требовать от лица, выдавшего подарочный сертификат (карту).
  4. В текущем переходном периоде подарочный сертификат (карту) необходимо рассматривать в качестве способа платежа по договору розничной купли-продажи, заключения которого потребитель вправе требовать от лица, выдавшего подарочный сертификат (карту); организация, выпустившая соответствующий сертификат (карту), принимает на себя обязанность принимать его (ее) в качестве платы по договору розничной купли-продажи, заключения которого потребовал его (ее) держатель; при этом держателю сертификата (карты) не предоставляется возможность его (ее) возврата, т.е. одностороннего отказа от сделки, являвшейся основанием для получения подарочного сертификата (карты), с возможностью заявления требования о возврате уплаченных за него (нее) денежных средств.

Материал поступил в редакцию 7 марта 2019 г.

**THE LEGAL ESSENCE OF A GIFT CERTIFICATE: ООО "BERSHKA CIS"
VIRSIUS THE OFFICE OF ROSPOTREBNADZOR FOR THE CITY. MOSCOW
(CASES NO. A40-A40-202419/17 AND A40-226793/17)**

BELOV Valeriy Aleksandrovich, PhD in Law, Legal Counsel at IKEA Retail Russia , Editor of the Trade and Consumer Law News Digest of M-Logos Law Institute
5707623@mail.ru
127534, Russia, Moscow, ul. Academica Yangel'ya, 14-2-221

Abstract. *The article is devoted to examination and analysis of arbitration cases connected with the process of appealing acts of the Office of Rospotrebnadzor in the city of Moscow due to the administrative responsibility of one of the well-known retail organizations for including conditions infringing the rights and legitimate interests of consumers in the consumer agreement when distributing gift certificates (cards). The article contains excerpts from judicial acts issued during the consideration of cases, carries out detailed examination of issues related to the legal qualification of the gift certificate sold by entrepreneurs to consumers, and provides the author's comment on possible ways of regulation when considering actually developing relations between retailers and consumers when they are making a contract, where the object is a gift certificate (card).*

Keywords: *gift certificate, gift card, option to conclude a contract, advance payment under the contract of retail sale. conditions that infringe the rights of consumers.*

Партисипативное управление как особый административно-правовой режим предпринимательской деятельности

Аннотация. В статье исследуется экономико-правовая трансформация в направлении партисипативного взаимодействия предпринимательства с институтами государства. Проанализированы особенности и уточнены целевые и функциональные нагрузки административно-правового режима, регламентирующие деятельность хозяйствующих субъектов в условиях рыночной конкуренции. Автор предлагает расширить дифференциацию направлений административно-правового режима применительно к типу экономических отношений между хозяйствующими субъектами на основе систематизации принципов административно-правового регулирования предпринимательства: стратегические, тактические, перспективно-текущие. В работе партисипативное управление рассматривается как особый административно-правовой режим предпринимательской деятельности, который реализуется посредством двух форм: государственно-частного партнерства и сорегулирования. Данный подход к рассмотрению партисипативного управления позволил автору уточнить понятие «сорегулирование», используя его как форму реализации партисипативного управления. Представленное исследование предназначено для магистрантов, аспирантов, государственных структур управления и иных лиц, чьи научные интересы сосредоточены в области административно-правового регулирования бизнес-сообщества.

Ключевые слова: административно-правовой режим, бизнес-сообщество, государственно-частное партнерство, государство, концессия, партисипативное управление, предпринимательство, публичное управление, сорегулирование, экономика.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.080-089

Научное толкование дефиниции «режим» многомерно. В переводе с латинского языка «режим» означает «управление», что указывает на конвергентную сущность анализируемого термина, так как управление включает в себя четыре функции: планирование, организацию, регулирование и контроль. В условиях современности «режим» отождествляется с государственным строем или употребляется

с точки зрения регламента, устанавливающего систему правил, включающих распорядок деятельности, необходимый для реализации заявленных целей.

Подвергая рассмотрению понятие «правовой режим», следует отметить юридическую суть данной категории. «Правовой режим» трактуют как особый порядок правового регулирования, выражающийся в использовании юридического

© Соловьева О. А., 2019

* Соловьева Олеся Анатольевна, кандидат экономических наук, магистр юриспруденции, доцент, доцент кафедры экономической теории и социальной политики Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ)

o.solovyeva@spbu.ru

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

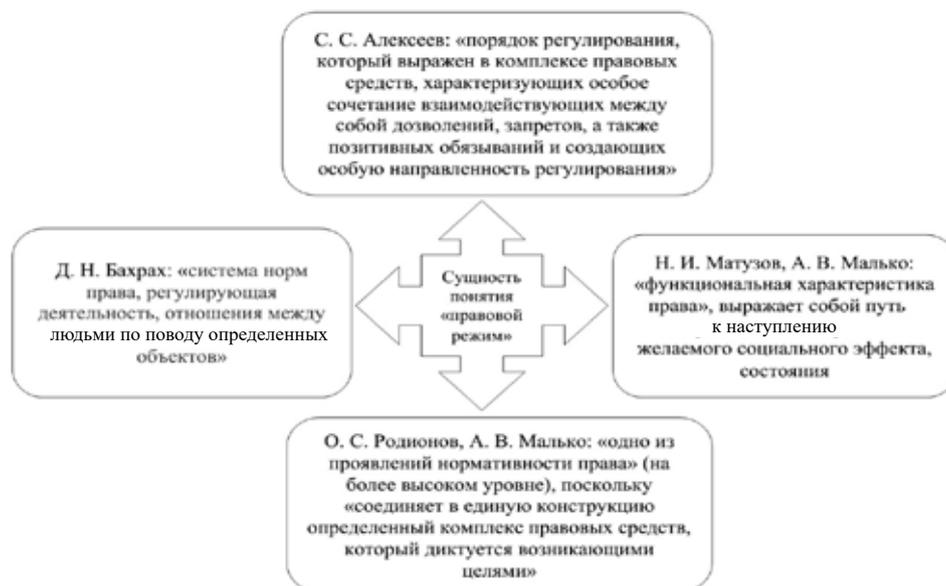

Рис. 1. Сущность понятия «правовой режим»¹

инструментария, направленного на организацию жизненно важных (первостепенных) условий, необходимых для удовлетворения (в определенных обстоятельствах) интересов субъектов права.

Правовой режим: определяется законодателем и гарантируется государством; регламентирует сферы общественных отношений (с выделением субъектов и объектом права); регулирует, используя дифференцированный набор юридических средств; формирует условия юридического поля для удовлетворения интересов субъектов права (рис. 1).

Правовые режимы разделяют по предмету правового регулирования: конституционный, земельный, административный и т.д. Предметом исследования автора является «административно-правовой режим».

В широком смысле административно-правовой режим определяется как общий режим деятельности органов государственного управления по реализации возложенных на них полномочий.

В узком понимании административно-правовой режим определяется как свод правил поведения или деятельности физических лиц

(граждан) и юридических лиц, которые закреплены в правовых актах, реализующихся в сфере публичного управления и направленных на обеспечение общественного порядка и безопасности. При этом реализация административно-правового режима осуществляется специально создаваемыми для этой цели органами, подразделениями и службами органов государственного управления (рис. 2).

Отметим некоторые аспекты практического использования понятия «административно-правовой режим»:

- формулировка «административно-правовой режим» используется как словосочетание-синонимы: режимы государственного управления, режимная организация управления, управленческие режимы и т.д.;
- формулировку «административно-правовой режим» законодатель подменяет на более точную, которая способна передать целевую и функциональную нагрузку режима, например таможенная процедура (Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации»).

В современных условиях законодатель вводит административно-правовые режимы только

¹ Составлено автором по данным: Малько А. В. Правовая жизнь в современной России: основные тенденции развития // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 2. С. 8—16.

Рис. 2. Сущность понятия «административно-правовой режим»²

тогда, когда в системе государственного управления и структурированного административно-правового регулирования целевые установки общего административного воздействия не в состоянии достигнуть «конечного пункта назначения».

Так, при осуществлении государственного регулирования бизнес-среды законодателем определяются узкоспециализированные административно-правовые режимы предпринимательской деятельности:

- режим государственной регистрации (для осуществления бизнес-деятельности);
- режим лицензирования или выдачи разрешений (для осуществления определенных видов бизнес-деятельности);
- режим охраны труда (для соблюдения прав и свобод наемных работников в бизнес-структуре);
- режимы безопасности: экологической, эпидемиологической и т.д. (для процесса реализации бизнес-деятельности);

- режимы партнерства (взаимодействия): партисипативное, протекциональное, патерналистское и т.д.

По мнению автора, административно-правовой режим предпринимательской деятельности является видом общего административно-правового режима. Дифференциация административно-правовых режимов преследует цель обеспечения объективного и согласованного соблюдения прав и свобод всех участников (субъектов) бизнес-деятельности (бизнес-процесса).

Сущностное значение административно-правового режима³ предпринимательской деятельности, как и любого иного административно-правового режима⁴, определяется посредством:

- нормативных границ поведения, деятельности, прав, дозволений и запретов в предпринимательской среде;
- процесса регистрации юридических и физических лиц, изъявивших желание осуществлять предпринимательскую деятельность

² Составлено автором по данным: Тихомиров Ю. А. Государственно-правовое регулирование: основания и пределы // Журнал российского права. 2017. № 9 (249). С. 5—16.

³ См.: Ноздрачев А. Ф., Кабытов П. П. Проблемы совершенствования административного законодательства в контексте обеспечения эффективности и результативности государственного управления // Журнал российского права. 2017. № 9 (249). С. 151—155.

⁴ См.: Алексеев С. С. Теория государства и права / отв. ред. В. Д. Перевалов. М., 2011. С. 259.

- в какой-либо организационно-правовой форме;
- реестра юридических лиц, с осуществлением установленных правовыми нормами контролирующих мероприятий в зависимости от организационно-правовой формы и размера (крупный, средний или малый) бизнеса;
- видов юридической ответственности: дисциплинарной, административной, уголовной — в зависимости от характеристик правонарушения и т.д.

По мнению автора, административно-правовой режим предпринимательской деятельности регламентирует следующие группы отношений:

- «субъект — объект» — отношения между органами власти (субъект административно-правового регулирования) и бизнесом (объект административно-правового регулирования);
- «субъект — субъект» — отношения между экономически активными хозяйствующими субъектами в условиях рыночной экономики (рынка). Особенностью данных правоотношений является то, что в качестве второй стороны (субъекта) могут выступать:
- государство (государственная собственность на средства производства);
- некоммерческая организация (наделенная государством посредством административно-правового регулирования определенными правами по регламентированию деятельности субъектов хозяйствования в предпринимательской среде, например саморегулируемые организации);
- коммерческая организация (частная собственность на средства производства).

Таким образом, алгоритм административно-правового регулирования⁵ предпринимательской деятельности представляется следующим:

- целевая установка административно-правового режима предпринимательской деятельности;

- административно-правовой статус субъектов и объектов правоотношений в предпринимательской среде, регулируемых административно-правовым режимом;
- правовые гарантии функционирования административно-правового режима предпринимательской деятельности;
- режимные правила предпринимательской деятельности (в предпринимательской среде).

В целом юридическую конструкцию административно-правового режима предпринимательской деятельности формируют «три совокупности правовых норм, которые заключаются в нормативных правовых актах разного иерархического уровня и различного правового содержания»⁶.

«Правовым фундаментом» административно-правового режима предпринимательской деятельности является Конституция РФ:

- основы государственного управления в РФ (например: принцип разделения властей (ст. 10); равенство всех перед законом и судом, а также равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, национальности и т.д. (ст. 19); принцип публичного управления (ст. 32—33); осуществление правосудия только судом (ст. 118) и т.д.);
- основы административно-правового режима предпринимательской деятельности (например: право каждого на предпринимательскую и иную законную экономическую деятельность, а также свободное использование способностей, имущества для осуществления предпринимательской деятельности (ст. 34); охраняемое право частной собственности (ст. 35); право каждого свободно выбирать род деятельности (ст. 37) и т.д.).

Административно-правовые режимы предпринимательской среды современной экономики России дифференцируются:

- по отраслевому признаку (принадлежность правовой нормы к одной из отраслей права — административный режим деятель-

⁵ См.: Долгополов А. А., Белоконов А. В. Функции административного права в государственном управлении // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 4 (38). С. 86—90.

⁶ См.: Долгополов А. А., Белоконов А. В. Функции административного права в государственном управлении // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 4 (38). С. 86—90.

- ности государственных органов власти (административное право), соблюдение экологического режима в осуществлении хозяйственной деятельности (экологическое право) и т.д.);
- по межотраслевому признаку (принадлежность правовой нормы к нескольким отраслям права⁷ — презумпция невиновности: ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ, ст. 1.5 КоАП РФ);
  - по типу правового регулирования⁸: запрет, дозволение, позитивное обязывание и т.д.;
  - по целеполаганию: таможенная процедура (Таможенный кодекс ЕАЭС вступил в силу 01.01.2018); валютный режим (Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле») и т.д.;
  - по иерархии нормативных актов: федеральный, региональный, муниципальный;
  - по приоритету защиты интересов субъекта: защита интересов конкуренции (Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»); защита прав при несостоятельности (Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»); защита прав на финансовых рынках (Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг») и т.д.

Анализируя дифференциацию административно-правовых режимов, регламентирующих бизнес-деятельность предпринимательства в России, автор предлагает использовать дополнительное направление — по типу экономических отношений. Введение данного направления дает фактор объективности в построении юридической конструкции административно-правового режима, так как на первоначальном этапе построения правоотношений будут определяться условия вхождения субъектов хозяйствования в эти отношения:

- 1) «субъект — объект» — отношения, возникающие между органами власти (субъект административно-правового регулирования)

и бизнесом (объект административно-правового регулирования) — режим протекционизма;

- 2) «субъект — субъект» — отношения, возникающие между экономически активными хозяйствующими субъектами в условиях рыночной экономики (рынка). В зависимости от того, кто выступает в качестве второй стороны (субъекта), могут быть:
  - партисипативный режим: субъект — государство (государственная собственность на средства производства);
  - режим патернализма: субъект — некоммерческая организация (наделенная государством посредством административно-правового регулирования определенными правами по регламентированию деятельности субъектов хозяйствования в предпринимательской среде, например саморегулируемые организации);
  - режим соперничества: субъект — коммерческая организация (частная собственность на средства производства).

Рассмотрение партисипативного управления через призму административно-правового режима определяет современный подход в юридической науке. Такое изучение с нормативной точки зрения позволяет не только конкретизировать и структурировать сам процесс партисипативного управления через его формы, но и выявить правовые пробелы в практике его применения.

По мнению автора, в современных условиях функционирования национальной экономики использование партисипативного управления может стать определяющим фактором устойчивого экономического развития.

Сущностное наполнение понятия «партисипативное управление» представлено в теории управления. Научное рассмотрение партисипативного управления связано с американским ученым Э. Мэйо, который со своими коллегами в 30-х гг. XX в. обобщил данные по исследованию реорганизации труда. Работодателем через

⁷ См.: Малько А. В. Правовая жизнь в современной России: основные тенденции развития // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 2. С. 8—16.

⁸ См.: Алексеев С. С. Указ. соч. С. 137.

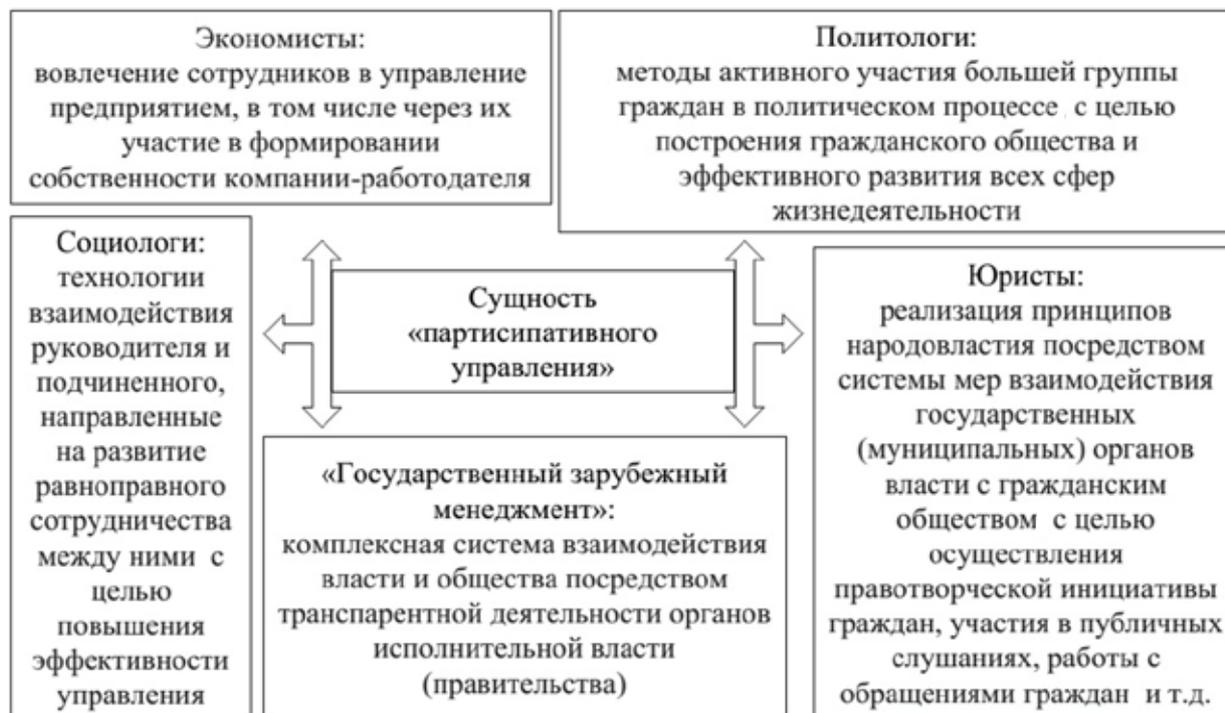

Рис. 3. Сущность партисипативного управления в различных сферах жизнедеятельности⁹

систему трудовых вознаграждений работников формируется мотивационная база, целью которой является вовлечение последних в активное управление производственным процессом (то есть соучастие работника в планировании, организации, регулировании и контроле своего трудового процесса). Анализ научных изысканий российских ученых иллюстрирует применение категории «партисипативное управление» во многих сферах жизнедеятельности, регулируемых государством (рис. 3).

Характеристика партисипативного управления основана на «субъект-субъектных отношениях»: заинтересованное сотрудничество (единое целеполагание) на основе добровольных отношений (без принуждения); равноправие в управлении производством (сорегулирующая деятельность) и процессе распределения конечного результата (паритет в распределении всех видов ресурсов).

В научно-исследовательской и нормотворческой практике современной России категория «партисипативное управление» четко не регламентирована. Данную дефиницию рассматривают через призму государственно-частного партнерства (концессионные соглашения) и сорегулирующего взаимодействия.

Государственно-частное партнерство в международной экономико-правовой практике сформировалось во времена Древнего Рима и продолжает реализовываться в виде концессионного соглашения (рис. 4).

Концессия, как одна из первых форм договорных отношений, является уникальной конфигурацией взаимодействия между государством и бизнесом. Правовым прототипом концессии признают «откуп». Под «откупом» подразумевают передачу государством за оговоренные плату или условия права взыскивать государственные доходы (в том числе налоги).

⁹ Составлено автором по данным: *Епина В. С.* Реализация принципов формирования и развития партисипативного механизма в системе публичного управления // Стратегия развития экономики. 2013. № 1 (190). С. 21–27.

6-4 вв. до н.э.	Древняя Греция, Рим, Иран: возникает понятие «откуп»
1256 г.	Испания: первая концессия по освоению полезных ископаемых
1400 г.	Италия: первая концессия по добыче нефти в медицинских целях
1554 г.	Франция: концессия на строительство канала
1901 г.	Иран: Концессия на добычу нефти в геологоразведочных разведывательных целях
Начало 20 в.	Дореволюционная Россия: концессии на строительство железных дорог
1921-1937 гг.	РСФСР (СССР): 178 заключенных концессионных соглашений
20-30-е гг. 20 в.	США: формирование современной нормативной правовой базы концессионных соглашений
1948 г.	Юго-Восточная Азия: активное развитие инфраструктурных проектов на основе концессионных соглашений
70-е г. 20 в.	Венесуэла: в концессионном соглашении появляется налог на прибыль концессионера
1986 г.	Англия, Франция: строительство Евротоннеля под Ла-Маншем на основе концессионного соглашения
2005 г.	Российская Федерация: принятие ФЗ «О концессионных соглашениях в РФ»
2015 г.	Российская Федерация: принятие ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ»

Рис. 4. Исторический аспект развития государственно-частного партнерства (в контексте концессионных отношений)¹⁰

Определенный круг современных ученых¹¹ позиционирует государственно-частное партнерство как «продвинутый» тип экономико-правовых отношений.

Ученый Э. Йескомб определяет государственно-частное партнерство как тренд «государственного управления», утверждая, что данное взаимодействие бизнеса с государством расширяет экономические возможности предпринимательской деятельности, регламентируя социализацию бизнеса.

Экономист В. Варнавский трактует государственно-частное партнерство как юридически оформленную систему отношений между государством (или муниципальными образованиями) и юридическими лицами (или гражданами), предметом которых являются объекты государственной (или муниципальной) собственности,

а также услуги, предоставляемые государственными (или муниципальными) органами, учреждениями, предприятиями. Российские юристы М. Дерябина, Л. Цедилин рассматривают государственно-частное партнерство через перераспределение правомочий собственности, без привязки этого перераспределения к процессу приватизации.

Анализируя государственно-частное партнерство как форму экономико-правовой деятельности национального бизнеса, следует рассмотреть аспект сорегулирующего взаимодействия институтов государства и предпринимательства. «Сорегулирование» как законодательное понятие до конца не конкретизировано (рис. 5) и может истолковываться как совместное регулирование общественных отношений институтами гражданского общества, коммер-

¹⁰ Составлено автором по данным: Национальный центр ГЧП. Проект Национального доклада с рейтингом регионов // URL: <http://pppcenter.ru/assets/files/260418-rait.pdf> (дата обращения: 15 января 2019 г.).

¹¹ Панова Т. В. Государственно-частное партнерство в системе перераспределения правомочий собственности // Экономика и управление народным хозяйством. 2016. № 5 (138). С. 21—24.

Рис. 5. Сущностные особенности понятия «сорегулирование»¹²

ческими организациями и органами государственной власти.

Согласно ст. 32 Конституции РФ любой гражданин, лично или при помощи своих представителей, вправе принимать участие в процессе управления делами государства. В российском правовом поле «сорегулирование» легитимизируется в той или иной интерпретации, в частности:

- в сфере совместного принятия государственными органами и негосударственными организациями нормативных актов — отсутствие общих правил их совместного принятия (согласно утвержденным постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 Правилам, они не подразумевают участия негосударственной организации как полноправного субъекта в принятии нормативных актов);
- в сфере «программного управления» существует практика применения категории «сорегулирование» (например, выделение как направления в Транспортной стратегии РФ на период до 2020 года совершенствования антимонопольного регулирования в рамках формирования процедур сорегулирования (приказ Минтранса РФ от 12.05.2005 № 45));

— в сфере категориального аппарата представлено смежное понятие «саморегулирование» (например, в Концепции совершенствования механизмов саморегулирования усматривается разграничение между «саморегулированием» и «сорегулированием», хотя прямое толкование изложено только первого понятия (распоряжение Правительства РФ от 30.12.2015 № 2776-р));

— в сфере взаимодействия двух уровней публичной власти сорегулирование реализуется в виде договоров о сотрудничестве, участия в совместных программах и проектах, государственных и муниципальных заказах (ст. 19 Федерального закона 06.10.2003 № 131-ФЗ, посвященная аспектам местного самоуправления, которая не противоречит ст. 132 Конституции РФ);

— в сфере соучастия государственных структур в регулировании рыночных процессов — присутствие представителей государственных органов власти в структуре управления некоммерческой организации (союза, ассоциации), функционирующей в качестве регулирующего органа (например, Наблю-

¹² Составлено автором по данным: Романовская О. В. Принцип сорегулирования в конституционном праве // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2017. № 1 (41). С. 26—39.

дательный совет «Совет рынка» (ст. 33 Федерального закона 26.03.2003 № 35-ФЗ)) и т.д.

По мнению автора, сорегулирование должно включать экономико-правовое взаимодействие институтов государства и предпринимательства, дифференцированное сближение интересов субъектов хозяйствования (государства и бизнес-сообщества), а также паритетное распределение ответственности посредством интеграции частной инициативы бизнеса в общую систему экономико-правового государственного регулирования.

Таким образом, «партисипативное взаимодействие» регулирует экономико-правовую деятельность предпринимательства через:

— государственно-частное партнерство (государственная собственность и частная

собственность на средства производства);

— сорегулирование («административный ресурс», частная инициатива, частная собственность на средства производства и отсутствие государственной собственности).

Следовательно, партисипативное управление — это особый административно-правовой режим, регламентированный нормами права и организационно-правовыми формами (государственно-частное партнерство и сорегулирование), который устанавливает уровень допустимого участия государственных структур в регулировании предпринимательской деятельности (в виде государственной собственности или «административного ресурса» на средства производства).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Теория государства и права / отв. ред. В. Д. Перевалов. — М., 2011. — 495 с.
2. *Бахрах Д. Н.* Административное право. — М., 2011. — 622 с.
3. *Долгополов А. А., Белоконов А. В.* Функции административного права в государственном управлении // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2017. — № 4 (38). — С. 86—90.
4. *Епинина В. С.* Реализация принципов формирования и развития партисипативного механизма в системе публичного управления // Стратегия развития экономики. — 2013. — № 1 (190). — С. 21—27.
5. *Козлов Ю. М.* Административное право. — М., 2007. — 554 с.
6. *Лунев А. Е.* Воспитательное и правоохранительное значение административной ответственности (фрагменты) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2014. — № 2. — С. 221—237.
7. *Малько А. В.* Правовая жизнь в современной России: основные тенденции развития // Правовая политика и правовая жизнь. — 2017. — № 2. — С. 8—16.
8. *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права. — М., 2014. — 108 с.
9. *Ноздрачев А. Ф., Кабытов П. П.* Проблемы совершенствования административного законодательства в контексте обеспечения эффективности и результативности государственного управления // Журнал российского права. — 2017. — № 9 (249). — С. 151—155.
10. *Панова Т. В.* Государственно-частное партнерство в системе перераспределения полномочий собственности // Экономика и управление народным хозяйством. — 2016. — № 5 (138). — С. 21—24.
11. *Романовская О. В.* Принцип сорегулирования в конституционном праве // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. — 2017. — № 1 (41). — С. 26—39.
12. *Тихомиров Ю. А.* Государственно-правовое регулирование: основания и пределы // Журнал российского права. — 2017. — № 9 (249). — С. 5—16.

Материал поступил в редакцию 4 февраля 2019 г.

PARTICIPATORY MANAGEMENT AS A SPECIAL ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIME OF BUSINESS ACTIVITY

SOLOVYOVA Olesya Anatolievna, PhD (Economics), Master of Laws, Associate Professor, of the Department of Economic Theory and Social Policy of St. Petersburg State University (SPbSU)
o.solovyeva@spbu.ru
199034, Russia, Saint-Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9

Abstract. *The article investigates the economic and legal transformation in the direction of participatory interaction of entrepreneurship with state institutions. The author analyzes peculiarities and determines target and functional burdens of the administrative and legal regime regulating the activity of economic entities under the conditions of market competition. The author proposes to expand the differentiation of directions of administrative and legal regime in relation to the type of economic relations between economic entities on the basis of systematization of principles of administrative and legal regulation of entrepreneurship into strategic, tactical, and forward-current. The paper investigates participatory management as a special administrative and legal regime of entrepreneurial activity implemented by means of two forms: public — private partnership and co — regulation. Such an approach to the consideration of participatory management has allowed the author to clarify the concept of “co-regulation” using it as a form of participatory management implementation. The research presented is intended for undergraduates, postgraduate students, government bodies and other persons whose scientific interests are concentrated in the field of administrative and legal regulation of the business community.*

Keywords: *administrative and legal regime, business community, public-private partnership, state, concession, participatory management, entrepreneurship, public administration, co-regulation, economy.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Teoriya gosudarstva i prava / otv. red. V. D. Perevalov. — M., 2011. — 495 s.
2. Bahrah D. N. Administrativnoe pravo. — M., 2011. — 622 s.
3. Dolgoplov A. A., Belokon' A. V. Funkcii administrativnogo prava v gosudarstvennom upravlenii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. — 2017. — № 4 (38). — S. 86—90.
4. Epinina V. S. Realizaciya principov formirovaniya i razvitiya partisipativnogo mekhanizma v sisteme publicnogo upravleniya // Strategiya razvitiya ekonomiki. — 2013. — № 1 (190). — S. 21—27.
5. Kozlov Yu. M. Administrativnoe pravo. — M., 2007. — 554 s.
6. Lunev A. E. Vospitatel'noe i pravoohranitel'noe znachenie administrativnoj otvetstvennosti (fragmeny) // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kytaфafina (MGYuA). — 2014. — № 2. — S. 221—237.
7. Mal'ko A. V. Pravovaya zhizn' v sovremennoj Rossii: osnovnye tendencii razvitiya // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. — 2017. — № 2. — S. 8—16.
8. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava. — M., 2014. — 108 s.
9. Nozdrachev A. F., Kabytov P. P. Problemy sovershenstvovaniya administrativnogo zakonodatel'stva v kontekste obespecheniya effektivnosti i rezul'tativnosti gosudarstvennogo upravleniya // Zhurnal rossijskogo prava. — 2017. — № 9 (249). — S. 151—155.
10. Panova T. V. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v sisteme pereraspredeleniya pravomochij sobstvennosti // Ekonomika i upravlenie narodnym hozyajstvom. — 2016. — № 5 (138). — S. 21—24.
11. Romanovskaya O. V. Princip soregulirovaniya v konstitucionnom prave // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. — 2017. — № 1 (41). — S. 26—39.
12. Tihomirov Yu. A. Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie: osnovaniya i predely // Zhurnal rossijskogo prava. — 2017. — № 9 (249). — S. 5—16.

Понятие и субъекты оценочной деятельности: вопросы правовой регламентации

Аннотация. Проанализирован Закон об оценочной деятельности в различных редакциях, а также прослеживается динамика его развития и совершенствования применительно к субъектам оценочной деятельности. Проводится сравнительно-правовой анализ различных статей данного Закона. Исследуются теоретические работы, посвященные правовому регулированию субъектов оценочной деятельности. Вносятся отдельные предложения, направленные на совершенствование нормативного правового регулирования субъектов оценочной деятельности. В частности, отмечается, что структура правоотношения предполагает наличие корреспондирующих прав и обязанностей, т.к. право — это мера должного, а обязанность — мера возможного поведения. С учетом сказанного законодательное закрепление прав и обязанностей оценщиков должно находиться в логической взаимосвязи, а не быть произвольным и теоретически необоснованным.

Ключевые слова: оценочная деятельность, оценщик, рыночная стоимость, объект оценки, саморегулируемая организация оценщиков, страхование профессиональной деятельности.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.090-096

С становление оценочной деятельности в России в 1990-х гг. как вида профессиональной деятельности было связано с рыночными реформами, которые способствовали появлению специалистов-оценщиков, обеспечивающих независимую оценку различных материальных и нематериальных активов, являющихся объектом разнообразных гражданско-правовых сделок.

За прошедший период с момента принятия Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее — Закон об оценочной деятельности) существенно обновилось зако-

нодательство об оценочной деятельности, что повлекло существенные изменения в регулировании оценочной деятельности. Многие институты подверглись кардинальному обновлению: например, саморегулирование оценочной деятельности, отдельные институты прекратили существование, в частности институт лицензирования оценочной деятельности, изменились требования к субъектам оценочной деятельности и т.д.

В соответствии со ст. 3 Закона об оценочной деятельности, под оценочной деятельностью понимается профессиональная деятельность субъектов оценочной деятельности, направ-

© Ручкина М. О., 2019

* Ручкина Маргарита Олеговна, студент юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации¹

jurfak@fa.ru

125581, Россия, г. Москва, ул. Фестивальная, д. 22, корп. 7

¹ Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ Максим Владимирович Демченко.

ленная на установление в отношении объектов оценки рыночной, кадастровой, ликвидационной, инвестиционной или иной предусмотренной федеральными стандартами оценки стоимости. В Законе об оценочной деятельности раскрываются понятия рыночной, кадастровой, ликвидационной и инвестиционной стоимости.

Отсылка в ст. 3 Закона об оценочной деятельности к федеральным стандартам оценки, а конкретно к Федеральному стандарту оценки «Цель оценки и виды стоимости» (ФСО № 2) как источнику иного вида стоимости является несостоятельной. В абзаце 5 ФСО № 2 отмечается, что при использовании понятия стоимости объекта оценки при осуществлении оценочной деятельности указывается конкретный вид стоимости, который определяется предполагаемым использованием результата оценки.

При этом ФСО № 2 указывает на использование следующих видов стоимости объекта оценки:

- рыночная стоимость;
- инвестиционная стоимость;
- ликвидационная стоимость;
- кадастровая стоимость.

Логическая связь на этом прерывается, т.к. в стандарте отмечается, что представленный перечень видов стоимости не является исчерпывающим, а оценщик вправе использовать другие виды стоимости в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, а также международными стандартами оценки.

Получается, что Закон об оценочной деятельности при определении видов стоимости, помимо закрепленных в законе, отсылает к федеральным стандартам оценки, которые не содержат иных видов стоимости, помимо закрепленных в Законе об оценочной стоимости. ФСО, не раскрывая иных видов стоимости, отсылают к действующему законодательству Российской Федерации, т.е. к Закону об оценочной деятельности, а также международным стандартам оценки.

Нам представляется, что необходимо привести Закон об оценочной деятельности и феде-

ральные стандарты оценки к общему содержанию относительно видов стоимости, используемых при осуществлении оценочной деятельности, при этом в Законе закрепить лишь название видов стоимости, содержание которых раскрыть в федеральных стандартах оценки.

Анализ изменений законодательной регламентации понятия «субъект оценочной деятельности»

Представляют определенный теоретический интерес анализ изменений, связанных с понятием «субъект оценочной деятельности», которые можно проследить в таблице 1.

В первоначальной редакции к субъектам оценочной деятельности относились как оценщики, так и потребители их услуг, что противоречило здравому смыслу, так как по смыслу закона на потребителя должны были распространяться положения Закона об оценочной деятельности как на субъекта указанных отношений. Помимо этого, оценщиками могли быть только индивидуальные предприниматели и юридические лица, требования к осуществлению деятельности которых были представлены в предыдущей таблице.

В настоящее время субъектами оценочной деятельности выступают физические лица, являющиеся членами саморегулируемой организации оценщиков и застраховавшие свою профессиональную ответственность. Указанное положение продублировано в ст. 15 Закона об оценочной деятельности, но уже в качестве обязанностей оценщика. Допускается осуществление оценочной деятельности как самостоятельно, в рамках частной практики, так и на основании трудового договора между оценщиком и юридическим лицом. Следует согласиться с авторами, отмечающими, что физическому лицу, имеющему профессию оценщика, в императивном порядке необходимо состоять в СРО².

Дискуссионным является вопрос о возможности осуществлять оценочную деятельность физическому лицу, имеющему статус индивидуального предпринимателя³.

² Березин Д. А., Маркина М. В. Корпорация СРО // Юрист. 2016. № 11. С. 8—12.

³ См.: Пергушев А. А. Оценщик — индивидуальный предприниматель: налоговые преимущества и правовая допустимость // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 3. С. 14—20.

Таблица 1

Сравнение ст. 4 Закона об оценочной деятельности в первоначальной и актуальной редакции

Субъекты оценочной деятельности (в ред. Федерального закона от 27.02.2003 № 135-ФЗ)	Субъекты оценочной деятельности (в ред. Федерального закона от 27.07.2006 № 157-ФЗ)
Первоначальная редакция	Актуальная редакция
Субъектами оценочной деятельности признаются, с одной стороны, юридические лица и физические лица (индивидуальные предприниматели), деятельность которых регулируется настоящим Федеральным законом (оценщики), а с другой - потребители их услуг (заказчики).	Субъектами оценочной деятельности признаются физические лица, являющиеся членами одной из саморегулируемых организаций оценщиков и застраховавшие свою ответственность в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона (далее - оценщики).

Основанием для данной дискуссии являются положения ст. 15 Закона об оценочной деятельности, которые допускают осуществление оценочной деятельности самостоятельно, в рамках частной практики, но с членством в саморегулируемой организации. Правовая неопределенность указанного положения основывается на частнопроводимом регулировании, когда можно осуществлять все, что прямо не запрещено. Прямых запретов на осуществление оценочной деятельности индивидуальным предпринимателем законодательство не содержит. Понятие физического лица, используемое Законом об оценочной деятельности, включает в себя и индивидуального предпринимателя. Оценка объекта оценки основывается на возмездном гражданско-правовом договоре. Одним из прав оценщика, закрепленным в законе, является требование возмещения расходов, связанных с проведением оценки объекта оценки, и денежного вознаграждения за проведение оценки объекта оценки по определению суда, арбитражного суда или третейского суда.

Актуальность данного вопроса связана в том числе и с налогообложением профессиональной оценочной деятельности. Как небезоснователь-

но отмечает А. А. Пергушев, разница в том, что физические лица, занимающиеся оценкой, как частнопрактикующие лица уплачивают почти в 2,5 раза больше налогов, чем индивидуальные предприниматели⁴.

А. Н. Борисов более категоричен в своем мнении, он отмечает, что осуществление оценочной деятельности в рамках частной практики безусловно подразумевает необходимость государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя. В силу очевидности данного требования в Законе об этом даже не упоминается. В ранее же действовавшей редакции данной статьи прямо указывалось, что оценщиками являются физические лица — индивидуальные предприниматели. Более того, в ч. 1 ст. 24 данного Закона в прежней редакции в качестве одного из требований к осуществлению оценочной деятельности для физического лица предусматривалась его государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя⁵.

По нашему мнению, в данном неоднозначном вопросе необходимо разъяснение судебных органов, которые необходимо дать в рамках обзора практики применения Закона об оценочной деятельности.

⁴ Пергушев А. А. Указ. соч. С. 15—16.

⁵ Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (постатейный). М. : Юстицинформ, 2015. 476 с.

Таблица 2

Сравнительно-правовая характеристика прав оценщика в динамике законодательства

Права оценщика, закрепленные в ст. 14 Закона об оценочной деятельности	Права оценщика закрепленные в ст. 14 Закона об оценочной деятельности
Первоначальная редакция	Актуальная редакция
<p>применять самостоятельно методы проведения оценки объекта оценки в соответствии со стандартами оценки;</p> <p>требовать от заказчика при проведении обязательной оценки объекта оценки обеспечения доступа в полном объеме к документации, необходимой для осуществления этой оценки;</p> <p>получать разъяснения и дополнительные сведения, необходимые для осуществления данной оценки;</p> <p>запрашивать в письменной или устной форме у третьих лиц информацию, необходимую для проведения оценки объекта оценки, за исключением информации, являющейся государственной или коммерческой тайной; в случае, если отказ в предоставлении указанной информации существенным образом влияет на достоверность оценки объекта оценки, оценщик указывает это в отчете;</p> <p>привлекать по мере необходимости на договорной основе к участию в проведении оценки объекта оценки иных оценщиков либо других специалистов;</p> <p>отказаться от проведения оценки объекта оценки в случаях, если заказчик нарушил условия договора, не обеспечил предоставление необходимой информации об объекте оценки либо не обеспечил соответствующие договору условия работы.</p>	<p>применять самостоятельно методы проведения оценки объекта оценки в соответствии со стандартами оценки;</p> <p>требовать от заказчика при проведении обязательной оценки объекта оценки обеспечения доступа в полном объеме к документации, необходимой для осуществления этой оценки;</p> <p>получать разъяснения и дополнительные сведения, необходимые для осуществления данной оценки;</p> <p>запрашивать в письменной или устной форме у третьих лиц информацию, необходимую для проведения оценки объекта оценки, за исключением информации, являющейся государственной или коммерческой тайной; в случае, если отказ в предоставлении указанной информации существенным образом влияет на достоверность оценки объекта оценки, оценщик указывает это в отчете;</p> <p>привлекать по мере необходимости на договорной основе к участию в проведении оценки объекта оценки иных оценщиков либо других специалистов;</p> <p>отказаться от проведения оценки объекта оценки в случаях, если заказчик нарушил условия договора, не обеспечил предоставление необходимой информации об объекте оценки либо не обеспечил соответствующие договору условия работы;</p> <p>требовать возмещения расходов, связанных с проведением оценки объекта оценки, и денежного вознаграждения за проведение оценки объекта оценки по определению суда, арбитражного суда или третейского суда;</p> <p>добровольно приостанавливать право осуществления оценочной деятельности по личному заявлению, направленному в саморегулируемую организацию оценщиков, в порядке, который установлен внутренними документами саморегулируемой организации оценщиков.</p>

Анализ изменений законодательно установленных прав и обязанностей оценщика

Представляет определенный интерес анализ изменения прав и обязанностей оценщика, которые можно увидеть в таблицах 2, 3.

Как видно из таблицы 2, за достаточно долгий период действия Закона об оценочной деятельности существенно не трансформировалось законодательное регулирование прав оценщика. В актуальной редакции Закона появилось два новых права оценщика, что связано с привлечением оценщиков к проведению оценки объекта оценки по определению суда, арбитражного суда или третейского суда.

Второе закрепленное право — добровольного приостановления осуществления оценочной деятельности по личному заявлению, направ-

ленному в саморегулируемую организацию оценщиков, связано с развитием и совершенствованием института саморегулируемых организаций оценщиков.

Применительно к закрепленным в Законе об оценочной деятельности обязанностям оценщиков следует отметить существенное возрастание их количества. По нашему мнению, возросшее количество обязанностей оценщиков связано с совершенствованием законодательства об оценочной деятельности и дальнейшим развитием саморегулирования. Расширение полномочий саморегулируемых организаций оценщиков, регламентация деятельности оценщиков с учетом внутренних стандартов и этических правил поведения закономерно возлагает на субъектов оценочной деятельности новые обязанности.

Таблица 3

Сравнительно-правовая характеристика обязанностей оценщика в динамике законодательства

Обязанности оценщика, закрепленные в ст. 15 Закона об оценочной деятельности	Обязанности оценщика закрепленные в ст. 15 Закона об оценочной деятельности
Первоначальная редакция	Актуальная редакция
<p>соблюдать при осуществлении оценочной деятельности требования настоящего Федерального закона, а также принятых на его основе нормативных правовых актов Российской Федерации и нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации;</p> <p>сообщать заказчику о невозможности своего участия в проведении оценки объекта оценки вследствие возникновения обстоятельств, препятствующих проведению объективной оценки объекта оценки;</p> <p>обеспечивать сохранность документов, получаемых от заказчика и третьих лиц в ходе проведения оценки объекта оценки;</p>	<p>быть членом одной из саморегулируемых организаций оценщиков;</p> <p>соблюдать требования настоящего Федерального закона, федеральных стандартов оценки, иных нормативных правовых актов Российской Федерации в области оценочной деятельности, а также требования стандартов и правил оценочной деятельности, утвержденных саморегулируемой организацией оценщиков, членом которой он является;</p> <p>соблюдать правила деловой и профессиональной этики, установленные саморегулируемой организацией оценщиков (далее - правила деловой и профессиональной этики), членом которой он является, а также уплачивать взносы, установленные такой саморегулируемой организацией оценщиков;</p> <p>сообщать заказчику или юридическому лицу, с которым он заключил трудовой договор, о невозможности своего участия в проведении оценки вследствие возникновения обстоятельств, препятствующих проведению объективной оценки;</p> <p>обеспечивать сохранность документов,</p>

Окончание таблицы 3

<p>предоставлять заказчику информацию о требованиях законодательства Российской Федерации об оценочной деятельности, об уставе и о кодексе этики соответствующей саморегулируемой организации (профессионального общественного объединения оценщиков или некоммерческой организации оценщиков), на членство в которой ссылается оценщик в своем отчете;</p> <p>предоставлять по требованию заказчика документ об образовании, подтверждающий получение профессиональных знаний в области оценочной деятельности;</p> <p>не разглашать конфиденциальную информацию, полученную от заказчика в ходе проведения оценки объекта оценки, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации;</p> <p>хранить копии составленных отчетов в течение трех лет;</p> <p>в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, предоставлять копии хранящихся отчетов или информацию из них правоохранительным, судебным, иным уполномоченным государственным органам либо органам местного самоуправления по их законному требованию.</p>	<p>получаемых от заказчика и третьих лиц в ходе проведения оценки;</p> <p>предоставлять заказчику информацию о членстве в саморегулируемой организации оценщиков;</p> <p>предоставлять саморегулируемой организации оценщиков информацию о юридическом лице, с которым он заключил трудовой договор, в том числе информацию о соответствии такого юридического лица условиям, установленным статьей 15.1 настоящего Федерального закона, а также сведения о любых изменениях этой информации в течение десяти дней с даты заключения трудового договора и (или) возникновения изменений;</p> <p>предоставлять ежеквартально в порядке, установленном внутренними документами саморегулируемой организации оценщиков, информацию о подписанных им в указанный период отчетах с указанием даты составления отчета и его порядкового номера, объекта оценки, вида определенной стоимости;</p> <p>предоставлять по требованию заказчика страховой полис и подтверждающий получение профессиональных знаний в области оценочной деятельности документ об образовании;</p> <p>не разглашать информацию, в отношении которой установлено требование об обеспечении ее конфиденциальности и которая получена от заказчика в ходе проведения оценки, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации;</p> <p>хранить копии подписанных им отчетов, а также копии документов и материалов, на основании которых проводилась оценка, на бумажных или электронных носителях либо в форме электронных документов в течение трех лет с даты составления отчета;</p> <p>в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, предоставлять копии хранящихся отчетов или содержащуюся в них информацию правоохранительным, судебным, иным уполномоченным государственным органам по их требованию;</p> <p>по требованию заказчика предоставлять заверенную саморегулируемой организацией оценщиков выписку из реестра членов саморегулируемой организации оценщиков, членом которой он является.</p>
---	---

Введение института страхования профессиональной ответственности делает необходимым соблюдать законодательно установленное требование.

Учитывая развитие отношений, связанных с регулированием различных конфиденциальных сведений, требований о защите информации, об охране различных видов тайн (банковской, государственной, коммерческой и др.) наблюдается и возложение на оценщиков дополнительных обязанностей.

Следует учитывать, что структура правоотношения предполагает наличие корреспондирующих прав и обязанностей, т.к. право — это мера должного, а обязанность — мера возможного поведения.

С учетом сказанного законодательное закрепление прав и обязанностей оценщиков должно находиться в логической взаимосвязи, а не быть произвольными и теоретически необоснованными.

Материал поступил в редакцию 15 февраля 2019 г.

THE CONCEPT AND SUBJECTS OF ESTIMATING ACTIVITY: ISSUES OF LEGAL REGULATION

RUCHKINA Margarita Olegovna, Student of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation⁶

jurfak@fa.ru

125581, Russia, Moscow, ul. Festivalnaya, d. 22, corp. 7

Abstract. *The paper analyzes The Law on Estimating Activities in various editions, as well as the dynamics of its development and improvement in the context of participants of estimating activity. The author carries out the comparative legal analysis of various articles of the Law under consideration; theoretical works devoted to legal regulation of participants of estimating activity are investigated. Certain proposals are made aimed at improving the normative legal regulation of participants of evaluation activity. In particular, it is noted that the structure of legal relations presupposes the existence of correlative rights and obligations, since law is a measure of the due, and a duty is a measure of possible behavior. In view of this, the legislative consolidation of the rights and obligations of estimators should be in a logical relationship, and not arbitrary and theoretically unreasonable.*

Keywords: *estimating activity, appraiser, market value, object of evaluation, self-regulating organization of estimators, insurance of professional activity.*

---

⁶ Scientific Advisor — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation Maxim V. Demchenko.

Итоговые и промежуточные судебные решения в контексте единства и дифференциации судебных производств в уголовном процессе

***Аннотация.** В статье исследуются нормативно-правовые понятия итогового и промежуточного судебного решения в уголовном судопроизводстве. Проведя словесно-смысловую и предметно-содержательный анализ данных определений, автор выявляет их порочность в части используемой терминологии и фиктивность по содержанию. Констатируется, что под понятие промежуточных судебных решений попадают разнородные судебные акты, принципиально различающиеся по своей сути и назначению. На основе положений теории дифференциации уголовных производств и применения метода системно-структурного анализа процессуальной деятельности уголовного суда делается вывод о том, что судебные акты, выносимые по результатам рассмотрения дел судебного контроля и по вопросам исполнения приговора, а также конечные решения судов вышестоящих инстанций имеют общие признаки итоговых судебных решений и не должны причисляться к категории промежуточных, т.е. вспомогательных. Предлагается ограничить понятие промежуточного судебного решения совокупностью подготовительных, обеспечительных и организационных решений, принимаемых судом в ходе подготовки и проведения судебного разбирательства любых дел, рассматриваемых в порядке уголовного судопроизводства.*

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, суд, судебные инстанции, судебное разбирательство, итоговое судебное решение, промежуточное судебное решение, судебные акты, постановление суда, определение, судебные производства, дифференциация уголовного производства.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.097-105

Понятия итогового и промежуточного судебных решений по уголовным делам прочно вошли в юридический обиход после принятия Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ¹ (далее — ФЗ № 433), которым нормативные определения данных

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

© Бурмагин С. В., 2019

* Бурмагин Сергей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Северного института предпринимательства, федеральный судья в отставке
serburmagin@yandex.ru
163045, Россия, г. Архангельск, ул. Суворова, д. 2

понятий были закреплены в уголовно-процессуальном законе. Согласно п. 53.2 и 53.3 ст. 5 УПК РФ, итоговым судебным решением является приговор и иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу, а промежуточным — все иные определения и постановления суда. Анализ приведенных определений в совокупности с понятиями «процессуальное решение» (п. 33 ст. 5 УПК РФ) и «судебное решение» (п. 53.1 ст. 5 УПК РФ) приводит к выводу о том, что все процессуальные решения суда (приговоры, постановления, определения), которые только возможны в уголовном процессе, попадают в какую-либо из двух указанных групп.

Исходя из позиции законодателя, определенного итогового решения как результат рассмотрения исключительно уголовного дела, Пленум Верховного Суда РФ в п. 4 постановления от 27 ноября 2012 г. № 26² разъяснил, что под итоговым судебным решением помимо приговора следует понимать определение, постановление суда, которыми уголовное дело разрешено по существу, либо определение или постановление суда, вынесением которых завершено производство по уголовному делу в отношении конкретного лица, а к промежуточным решениям, помимо прочего, отнес все решения суда в ходе досудебного производства по делу, а также в процессе исполнения итоговых судебных решений.

Как известно, выделение из общей массы судебных решений в группу итоговых тех из них, которые завершают рассмотрение уголовного дела по существу в суде первой инстанции, и отграничение их от всех остальных решений суда, не обладающих этим свойством, было произведено в УПК РФ в целях законодательного закрепления дифференцированного порядка обжалования судебных решений в уголовном судопроизводстве (ст. 389.2) и оптимального распределения нагрузки по рассмотрению по-

данных жалоб между вышестоящими судами разного уровня внутри одной (апелляционной или кассационной) инстанции (ст. 389.3 и 401.3). В этом отношении используемые дефиниции имеют свой конкретный смысл и важное регулятивное и практическое значение, которые невозможно отрицать.

Вместе с тем разделение судебных решений на итоговые и промежуточные в том виде, в каком оно получило юридическое закрепление в УПК РФ, нельзя признать оптимальным и безупречным ни с точки зрения соответствия используемой терминологии сущности раскрываемых в законе понятий, ни с позиции доктрины дифференциации уголовного судопроизводства.

Не вполне удачным, некорректным применительно к судебному решению представляется использование самого наименования «промежуточное», которое позволяет воспринимать обозначенное этим термином решение как неокончательное или неполное, в то время как уголовно-процессуальное право не знает института предварительных судебных решений, и каждое решение, выносимое в ходе судебного производства, является окончательным в том смысле, что полностью разрешает тот или иной частный правовой вопрос на определенном этапе судебного рассмотрения дела³.

Кроме того, в противопоставлении со словом «итоговое» термин «промежуточное» обретает значение текущего события (действия), возникающего в ходе длящегося явления (незавершенного процесса) и предшествующего его окончанию (итогу). Промежуточное подразумевает четко ограниченные временные рамки между двумя фактами, применительно к юридическому процессу — между фактами юридическими. В этом аспекте, с учетом содержания данного в УПК РФ определения итогового судебного решения, понятие промежуточного решения должно охватывать лишь судебные решения, вынесенные в ходе производства по уголовному делу в суде первой инстанции с момента

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм УПК РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 1.

³ Подробнее об этом см.: Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам. М., 2013. С. 73—75.

поступления дела в суд до момента вынесения приговора или иного итогового решения суда.

На деле присутствующий в смысловом значении слова «промежуточное» временной фактор явно проигнорирован законодателем, в результате в группу промежуточных решений зачислены судебные решения, принимаемые после провозглашения приговора или вынесения иного итогового решения суда по уголовному делу, включая решения судов вышестоящих контрольных инстанций и судебные решения по вопросам исполнения приговора. Такое словесно-смысловое несоответствие внешне создает впечатление незавершенности и алогичности уголовно-процессуальной деятельности суда и уголовного производства в целом. Действительно, можно ли считать логически выверенным и завершенным производство, выстроенное по схеме: промежуточные (текущие) решения суда → итоговое судебное решение → промежуточные (текущие) решения суда?

Вопрос о недостатках рассматриваемых дефиниций, с учетом их роли в регламентации порядков пересмотра судебных решений, возможно, не заслуживал бы столь пристального внимания и критики, если ограничивался только неудачным использованием терминологии. Однако при обращении к системе процессуальных полномочий уголовного суда и их сопоставлении с исследуемыми правовыми понятиями становится ясно, что основная проблема имеет гораздо более глубокие корни, кроется в неверной оценке существенных свойств и функционально-целевого назначения целого ряда судебных решений, волею законодателя отнесенных к категории промежуточных, и заключается в смешении в одной группе судебных актов без учета принципиальных различий между ними.

В основу разграничения судебных решений на итоговые и промежуточные положен такой отличительный признак (свойство) итогового акта суда как отражение в нем результатов рассмотрения уголовного дела. С учетом приведенных интерпретаций Пленума Верховного Суда РФ таким результатом может явиться: 1) разрешение уголовного дела по существу главного вопроса, который дифференцируется

по содержанию в зависимости от вида поступившего в суд уголовного дела (с обвинительным заключением, актом или постановлением, с постановлением о направлении уголовного дела для применения принудительной меры медицинского характера; с постановлением о прекращении уголовного преследования и возбуждении ходатайства о применении к несовершеннолетнему принудительной меры воспитательного воздействия; с постановлением о возбуждении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа); 2) иное завершение производства по уголовному делу в отношении конкретного лица (прекращение уголовного дела или уголовного преследования по различным основаниям). Обратим внимание на то, что и при расширенном толковании понятия итогового судебного решения Верховный Суд РФ ведет речь о завершении производства лишь в суде первой инстанции и только по уголовному делу, тогда как по первой инстанции суды помимо уголовных дел в порядке уголовного судопроизводства рассматривают множество иных дел (материалов).

По остаточному принципу в группу промежуточных решений оказались включены абсолютно все остальные, совершенно разноплановые по своему содержанию и по функционально-целевому назначению виды судебных решений, причем из всех стадий уголовного процесса, сущностные различия которых более весомы и значимы, чем единственный объединяющий их признак, заключающийся в том, что они не разрешают уголовное дело по существу и не завершают каким-либо иным образом производство по уголовному делу в суде первой инстанции.

Данное обстоятельство как с позиции теоретических соображений, так и практических потребностей диктует необходимость детальной научной классификации промежуточных судебных решений, но одновременно вызывает сложности при дальнейшем их разграничении на подвиды и в выборе конкретных параметров и характеристик в качестве критериев разграничения.

Не прибавляет ясности и стройности введенной законодателем классификации судебных решений и использование в УПК РФ разных наименований (форм) к однотипным по сути и содержанию решениям суда. Речь об определениях и постановлениях, которыми названы решения и итоговые, и промежуточные, как первой инстанции, так и вышестоящих. При этом заложенный в норме закона формальный критерий деления судебных решений на постановления и определения — количественный состав суда (п. 23 и 25 ст. 5 УПК РФ) — последовательно и до конца в УПК РФ не выдержан.

Видимо, указанными причинами объясняется тот факт, что исследователи данного вопроса, как правило, ограничивают понятие промежуточных решений и их классификацию решениями суда первой инстанции⁴, оставляя в стороне акты судов вышестоящих судебных инстанций, которые плохо, а точнее, совсем не вписываются в законодательно установленную дилемму «итоговое-промежуточное». Но и при обращении к уголовно-процессуальной деятельности суда первой инстанции обнаруживаем, что она не однородна и выходит далеко за рамки рассмотрения уголовного дела. Та ее часть (виды), которая осуществляется за пределами подготовки и проведения судебного разбирательства уголовного дела, не только не укладывается в его промежуток (временные рамки), но и не подчинена ему, поскольку имеет собственный предмет и самостоятельное значение.

Один из активных исследователей проблематики промежуточных решений судья Верховного

Суда РФ А. С. Червоткин в своей диссертационной работе разделяет промежуточные судебные решения на основные виды в зависимости от стадии уголовного процесса, на которой они вынесены:

- 1) решения на досудебных стадиях;
- 2) решения, выносимые в ходе судебного рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции;
- 3) решения, выносимые в порядке исполнения итогового судебного решения.

При этом автор определяет промежуточные судебные решения в уголовном процессе как «вспомогательные решения суда, имеющие целью создание надлежащих условий для осуществления судопроизводства, принятые с соблюдением предусмотренных законом процедур в ходе производства по уголовным делам, зафиксированные в процессуальной форме, не разрешающие уголовные дела по существу и подлежащие, как правило, немедленному исполнению»⁵.

Если проанализировать сущность и назначение перечисленных выше видов решений, то станет ясно, что под цели «создания надлежащих условий для осуществления судопроизводства» подпадает только вторая группа решений, именуемая А. С. Червоткиным «промежуточными решениями в собственном смысле». Сам автор в одной из своих работ делится сомнениями относительно принадлежности решений по итогам рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, к категории промежуточных и, подчеркивая их своеобразие,

⁴ Червоткин А. С. Признаки понятия промежуточного судебного решения в уголовном процессе // Государство и право. 2011. № 11. С. 68—75; Пальчикова М. В. Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе : монография. М., 2013. С. 87—94; Бозров В. М., Костовская Н. В. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу : монография. М., 2013. С. 21—23; Азаров В. А., Константинова В. А. Указ. соч. С. 70—107; Константинова В. А. Понятие и классификация промежуточных решений суда первой инстанции в уголовном процессе : учеб. пособие. Омск, 2017. С. 6—29, 60—75; Беляев М. В. Критерии дифференциации судебных решений в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 6. С. 9—19.

Исключением является позиция Н. С. Ершовой: автор предлагает выделять итоговые и промежуточные решения судов вышестоящих судебных инстанций (Ершова Н. С. Итоговые и промежуточные уголовно-процессуальные решения // Актуальные проблемы уголовного процесса. 2012. № 3. С. 198—205).

⁵ Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 9.

высказывается о целесообразности выделения этих решений в самостоятельный вид («дополнительные к итоговым»)⁶.

Другой представитель судейского корпуса, М. В. Беляев, при разработке критериев дифференциации решений уголовного суда, соглашаясь в целом со вспомогательной ролью промежуточных судебных решений по отношению к «основным», обращает внимание, что «в ряде случаев промежуточные решения выходят за пределы данного (вспомогательного). — Прим. С. Б.) значения и имеют самостоятельную ценность». К имеющим «самостоятельную ценность» и сопоставимое с итоговым судебным решением значение указанный автор относит решения суда, принимаемые в рамках судебного контроля в досудебном производстве и в стадии исполнения приговора⁷. Несмотря на признание самостоятельного значения этих актов, М. В. Беляев, как и другие авторы, видимо, не желая выходить за пределы законодательных дефиниций и интерпретаций Верховного Суда РФ, в конечном итоге включает решения по делам судебного контроля и вопросам исполнения приговора в разряд промежуточных решений⁸.

Отмеченные нами изъяны законодательных определений итогового и промежуточного судебных решений позволяют заключить об их фиктивности: понятие итогового судебного решения явно заужено, понятие промежуточного — искусственно и чрезмерно расширено. Такое положение не только препятствует построению стройной системы судебных решений в уголовном процессе на доктринальном уровне, но и приводит к искаженному пониманию правоприменителем (прежде всего судьями), да и самим законодателем, действительного смысла и значения судебных решений, выносимых по результатам рассмотрения дел (ма-

териалов) судебного контроля и по вопросам исполнения приговора, к занижению их роли в осуществлении правосудия, что, в свою очередь, отражается на полноте и качестве регламентации судебных процедур и эффективности уголовного судопроизводства в целом.

Основанный на решениях Конституционного Суда РФ⁹ и поддержанный Верховным Судом РФ подход законодателя к разграничению итоговых и промежуточных решений базируется на представлении (восприятии) уголовного судопроизводства как единого, целого и неделимого производства по уголовному делу, охватывающего всю уголовно-процессуальную деятельность суда без остатка. При таком взгляде на судопроизводство процессуальная деятельность уголовного суда сводится главным образом к рассмотрению и разрешению уголовного дела, а вся остальная деятельность суда воспринимается как побочная, второстепенная и подчиненная общей задаче — разрешению уголовно-правового конфликта. Как следствие — итоговые судебные решения связываются только с результатом рассмотрения по существу уголовного дела, а прочим решениям суда приписывается служебная роль и исключительно вспомогательное значение.

При всем уважении к высшим судебным органам, внесшим главный вклад в разработку современной концепции итоговых и промежуточных судебных решений, нацеленной на решение важной практической задачи упорядочения процедур обжалования судебных решений, позволим себе заметить, что избранный ими и законодателем методологический подход не учитывает объективно существующую дифференциацию судебных производств и разделение уголовно-процессуальной деятельности суда на виды по предметно-целевому признаку (критерию).

⁶ Червоткин А. С. Развитие понятия промежуточного судебного решения в современном уголовном процессе // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 33—34.

⁷ Беляев М. В. Указ. соч. С. 11—12.

⁸ Беляев М. В. Указ. соч. С. 17.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 УПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 1998. № 28. Ст. 3393 ; определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 286-0 «Об отказе

В российском уголовном процессе, помимо основных производств по рассмотрению уголовных дел, присутствуют производные от уголовного дела, но вполне самостоятельные и обособленные от него иные судебные производства: судебно-контрольные (в досудебных стадиях) и производства по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора и иных решений суда (ст. 397 УПК РФ). Каждая из указанных групп судебных производств занимает собственное важное место в системе уголовного правосудия, а количественное соотношение этих производств само по себе указывает на их значимость. Так, например, в 2017 г. российские суды рассмотрели по первой инстанции: 917 423 уголовных дела (31,6 % от общего количества дел в порядке уголовного судопроизводства), 1 198 844 судебно-контрольных дел (41,4 %) и 781 033 дела по вопросам, связанным с исполнением приговора (27 %)¹⁰.

Присутствие в уголовном процессе выделенных нами судебных производств в качестве отдельных структурных образований общей системы уголовно-процессуальной деятельности суда подтверждается наличием присущих отдельным уголовным производствам признаков:

- 1) конкретных, специфических целей и задач, вытекающих из общего предназначения уголовного судопроизводства;
- 2) особых правил подсудности разрешаемых вопросов;
- 3) собственного предмета судебного рассмотрения;
- 4) специфического предмета доказывания;
- 5) процессуальной и внешне-организационной автономности;

- б) полистадийности;
- 7) нормативной регламентации особенностей процедуры производства;
- 8) собственный перечень заключительных (финальных) судебных решений.

Помимо дифференциации по предметному критерию, процессуальная деятельность уголовного суда вследствие общего разделения уголовного процесса «по горизонтали» на уголовно-процессуальные стадии¹¹ раскладывается на имеющие определенную автономность и организационную обособленность производства в судах первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях, а также производство по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, что нашло прямое отражение в названии соответствующих глав УПК РФ.

Структурное разделение уголовно-процессуальной деятельности суда на судебные производства не умаляет единства ее процессуальной формы. Все выделенные нами виды судебных производств: а) подчинены целям и задачам, производным от общего назначения уголовного правосудия; б) имеют общие процедурные правила, часть которых объединяется в единый процессуальный механизм принятия судебных решений, единые принципы и общие условия, по которым осуществляется разбирательство судебных дел, и в) строятся по общей, присущей всем судебным производствам логической схеме: поступление обращения (дела с обвинительным процессуальным актом, представления, жалобы, ходатайства и т.п.) → назначение и подготовка судебного разбирательства → собственно судебное разбирательство → разрешение обращения по существу. В то же время

в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каримова В. Ф. на нарушение его конституционных прав статьями 5, 125, 359, 391 УПК РФ» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 524-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семенова Е. А. на нарушение его конституционных прав положениями части седьмой статьи 236, статьями 359, 391 и пунктом 9 части первой статьи 448 УПК РФ» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Данные приведены по отчету Судебного департамента при Верховном Суде РФ «О работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» (форма № 1) за 2017 г. // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> (дата обращения: 20.01.2019).

¹¹ Якимович Ю. К. Структура уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства // Избранные труды. СПб., 2011. С. 144.

разнородные судебные производства имеют собственную специфику и обладают существенными особенностями, которыми наполняется содержание вышеперечисленных признаков¹². Главные из них — собственный, обусловленный назначением конкретного судебного производства предмет судебного разбирательства и соответствующий ему набор заключительных, финальных решений.

В рамках судебного-контрольных производств и производств по рассмотрению вопросов в порядке исполнения приговоров, так же как и в основном производстве по уголовному делу, направленное в суд обращение, породившее судебное производство, рассматривается по существу поставленного в нем вопроса посредством судебного разбирательства, проводимого в форме судебного заседания с участием заинтересованных сторон и сопряженного с исследованием доказательств и установлением фактических обстоятельств. По результатам каждого такого разбирательства суд выносит финальное решение, которое разрешает по существу основной вопрос судебного дела, завершает соответствующее производство и может быть обжаловано в вышестоящие судебные инстанции независимо от состояния уголовного дела, вынесения и обжалования итогового решения по нему.

По нашему убеждению, все решения, которыми завершаются судебного-контрольные производства (в досудебных стадиях) и производства по вопросам, связанным с исполнением приговора, а также производства в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, обладают всеми свойствами итоговых судебных решений наравне с итоговыми решениями суда первой инстанции по уголовному делу, существенно отличаясь от последних только содержанием разрешаемых ими правовых вопросов и сутью властных повелений суда, поэтому должны охватываться общим понятием.

К общим признакам (свойствам) итогового судебного решения в уголовном процессе сле-

дует отнести: а) разрешает по существу основной вопрос судебного производства по конкретному обращению и завершает его; б) выносится только в письменной форме в виде отдельного процессуального акта (приговора, постановления, определения) и постановляется в совещательной комнате; в) свободно обжалуется в установленном законом порядке в вышестоящую судебную инстанцию независимо от иных судебных решений.

Следуя изложенной позиции, к промежуточным судебным решениям следует относить лишь постановления и определения, выносимые на этапах подготовки и проведения судебного заседания в рамках любого судебного производства, не касающиеся основного вопроса рассматриваемого дела и не разрешающие его по существу, а предназначенные для решения частных, чаще процедурных вопросов. Эти решения реализуют обеспечительные и организационно-распорядительные полномочия суда, направлены на организацию судебного разбирательства и обеспечение надлежащих условий его проведения, поэтому действительно носят вспомогательный характер и выполняют служебную роль.

Наибольшее количество промежуточных решений (по подсчетам некоторых исследователей — 50 и более видов¹³) принимается в ходе разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции, и применительно к этому (основному) производству они регламентированы в УПК РФ. Однако ввиду общих правил и закономерностей построения судебных производств, продиктованных единой природой и механизмом реализации судебной власти, ни одно судебное разбирательство по любому делу не обходится без вспомогательных, промежуточных решений. К наиболее характерным, встречающимся во всех видах судебных производств можно отнести: постановления о назначении судебного заседания, о разрешении отводов и иных ходатайств участников судебного

¹² Ввиду ограничений по объему настоящей статьи содержание этих признаков предполагаем изложить в отдельной публикации.

¹³ Пальчикова М. В. Указ. соч. С. 38 ; Бозров В. М., Костовская Н. В. Указ. соч. С. 6.

заседания, об отложении судебного заседания, о приобщении к делу представленных сторонами документов и т.п.

В заключение необходимо констатировать, что правовые понятия итогового и промежуточного судебных решений, закрепленные в УПК РФ, нуждаются в существенной корректи-

ровке по содержанию и объему охватываемых ими судебных актов. Разработка обновленных нормативных определений, терминологически выверенных и согласующихся с действующими порядками обжалования судебных решений, требует взвешенного подхода и заслуживает отдельного обсуждения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам : монография. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 216 с.
2. Беляев М. В. Критерии дифференциации судебных решений в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2017. — № 6. — С. 9—19.
3. Бозров В. М., Костовская Н. В. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу : монография. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 160 с.
4. Ершова Н. С. Итоговые и промежуточные уголовно-процессуальные решения // Актуальные проблемы уголовного процесса. — 2012. — № 3. — С. 198—205.
5. Константинова В. А. Понятие и классификация промежуточных решений суда первой инстанции в уголовном процессе : учебное пособие. — Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2017. — 88 с.
6. Пальчикова М. В. Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе : монография. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 216 с.
7. Червоткин А. С. Признаки понятия промежуточного судебного решения в уголовном процессе // Государство и право. — 2011. — № 11. — С. 68—75.
8. Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014. — 26 с.
9. Червоткин А. С. Развитие понятия промежуточного судебного решения в современном уголовном процессе // Российская юстиция. — 2011. — № 11. — С. 31—34.
10. Якимович Ю. К. Структура уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства // Якимович Ю. К. Избранные труды. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2011. — С. 142—281.

Материал поступил в редакцию 30 января 2019 г.

FINAL AND INTERIM COURT DECISIONS IN THE CONTEXT OF UNIFICATION AND DIFFERENTIATION OF COURT PROCEEDINGS IN CRIMINAL PROCEDURE

BURMAGIN Sergey Viktorovich, PhD in Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Northern Institute of Entrepreneurship, Judge Emeritus
 serburmagin@yandex.ru
 163045, Russia, Arkhangelsk, ul. Suvorova, d. 2

Abstract. *The paper investigates normative-legal concepts of final and intermediate court decisions in criminal proceedings. Having carried out verbal and semantic and subject-content analysis of these definitions, the author reveals their drawbacks in terms of the terminology used and fictitiousness in terms in the context of their subject matter. It is stated that the concept of an interim court decisions includes heterogeneous judicial acts fundamentally*

different in their nature and purpose. On the basis of the provisions of the theory of differentiation of criminal proceedings and the application of the method of systemic and structural analysis of the procedural activity of the criminal court, it is concluded that judicial acts and the final decisions of higher courts have common characteristics of final court decisions and should not be classified as interim, i.e. auxiliary. It is proposed to limit the concept of an interim judgment to a set of preparatory decisions, decisions to enforce and organizational decisions taken by the court in the course of preparation and conduct of a trial in any criminal proceedings.

Keywords: *criminal proceedings, court, judicial instances, judicial proceedings, final court decision, interim court decision, judicial acts, court decision, court order, judicial proceedings, differentiation of criminal proceedings.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Azarov V. A., Konstantinova V. A. *Promezhutochnye resheniya suda pervoj instancii pri osushchestvlenii pravosudiya po ugovolnym delam* : monografiya. — M. : Yurlitinform, 2013. — 216 s.
2. Belyaev M. V. *Kriterii differenciacii sudebnyh reshenij v ugovolnom processe* // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. — 2017. — № 6. — S. 9—19.
3. Bozrov V. M., Kostovskaya N. V. *Sudebnoe reshenie i ocenka dokazatel'stv po ugovolnomu delu* : monografiya. — M. : Yurlitinform, 2013. — 160 s.
4. Ershova N. S. *Itogovye i promezhutochnye ugovolno-processual'nye resheniya* // Aktual'nye problemy ugovolnogo processa. — 2012. — № 3. — S. 198—205.
5. Konstantinova V. A. *Ponyatie i klassifikaciya promezhutochnyh reshenij suda pervoj instancii v ugovolnom processe* : uchebnoe posobie. — Omsk : Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 2017. — 88 s.
6. Pal'chikova M. V. *Opredeleniya i postanovleniya suda pervoj instancii v rossijskom ugovolnom processe* : monografiya. — M. : Yurlitinform, 2013. — 216 s.
7. Chervotkin A. S. *Priznaki ponyatiya promezhutochnogo sudebnogo resheniya v ugovolnom processe* // Gosudarstvo i pravo. — 2011. — № 11. — S. 68—75.
8. Chervotkin A. S. *Promezhutochnye sudebnye resheniya i poryadok ih peresmotra v rossijskom ugovolnom processe* : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2014. — 26 s.
9. Chervotkin A. S. *Razvitie ponyatiya promezhutochnogo sudebnogo resheniya v sovremennom ugovolnom processe* // Rossijskaya yusticiya. — 2011. — № 11. — S. 31—34.
10. Yakimovich Yu. K. *Struktura ugovolnogo processa: sistema stadij i sistema proizvodstv. Osnovnye i dopolnitel'nye proizvodstva* // Yakimovich Yu. K. *Izbrannye trudy*. — SPb. : Yuridicheskij centr-Press, 2011. — S. 142—281.

К. А. Таболина*,
З. Р. Джейранова**

Совершенствование процедуры применения принудительных мер воспитательного воздействия

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме совершенствования процедуры применения принудительных мер воспитательного воздействия при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Отсутствие должной регламентации порядка применения принудительных мер воспитательного воздействия и существующие законодательные пробелы определяют необходимость внесения изменений и дополнений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Предлагается предоставить право решения вопроса о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении принудительной меры воспитательного воздействия прокурору по поступившему к нему уголовному делу с обвинительным заключением либо обвинительным актом. Для решения вопроса о возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия представляется необходимым исследование его психики с использованием специальных знаний, что предполагает наличие в материалах дела заключения эксперта. Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних по правилам ст. 90 УК РФ должно быть не правом, а обязанностью правоприменителя. Формулируются подходы к решению проблемы, связанной с исполнением принудительных мер воспитательного воздействия.*

***Ключевые слова:** уголовный процесс, принудительные меры воспитательного воздействия, производство в отношении несовершеннолетних, прокурор, специальные знания, эксперт, прекращение уголовного преследования, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, исполнение принудительных мер воспитательного воздействия.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.106-114

© Таболина К. А., Джейранова З. Р., 2019

* Таболина Ксения Андреевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

kysi-kyss@yandex.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

** Джейранова Зоя Робертовна, студент Института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

zdzheir@yandex.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Порядок производства по делам в отношении несовершеннолетних не должен быть тождественным общему порядку производства по уголовным делам, что обусловлено психофизическими и социальными особенностями развития детей и подростков, характеризующимися чрезмерной подверженностью внешнему воздействию, особым восприятием действительности.

Уголовное законодательство Российской Федерации (ч. 2 ст. 87, ст. 90—92 УК РФ) в отношении несовершеннолетних, совершивших преступление, предусматривает возможность применения специального института — принудительных мер воспитательного воздействия. Содержательная составляющая данных мер предполагает их воспитательную направленность, нацелена на исправление несовершеннолетнего лица, обеспечение возможности его позитивной социализации, развитие у него положительных навыков и привычек.

Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия на основании ст. 90 УК РФ — это специальное условие, позволяющее отойти от традиционной схемы «преступление — наказание — судимость». В данном случае цели уголовной ответственности достигаются путем применения мер, альтернативных или компромиссных назначению наказания¹.

Прекращение уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего возможно на любой стадии уголовного судопроизводства. Рассмотрим механизм реализации данного института на стадии предварительного расследования.

В соответствии с ч. 1 ст. 427 УПК РФ следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора вправе вынести постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной

меры воспитательного воздействия, предусмотренной ч. 2 ст. 90 УК РФ. Но указанные право и обязанность должностных лиц возникают при условии, что в ходе предварительного расследования уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести будет установлена возможность исправления несовершеннолетнего без применения наказания.

Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, должно осуществляться, как и установление иных фактических обстоятельств, посредством доказывания.

Необходимо определить психологические особенности личности конкретного подростка, что требует использования специальных знаний в области психологии и педагогики и предполагает проведение исследования, результатом которого станет формулирование прогноза на будущее.

Практика показывает, что следователи, вынося на основании ч. 1 ст. 427 УПК РФ постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия, зачастую в постановлении не производят анализ доказательств, подтверждающих, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто без применения наказания². При этом суд ставится в неоднозначное положение: расследование по делу не окончено, однако необходимо применить принудительную меру к несовершеннолетнему фактически без исследования обстоятельств дела. Данный механизм не в полной мере соответствует теоретическим основам уголовно-процессуального права: принудительные меры воспитательного воздействия — альтернатива уголовной ответственности, их применение целесообразно лишь после окончания деятельности органов предварительного расследования.

¹ Волков К. А. Специальный вид освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних: вопросы теории и судебной практики // Российский следователь. 2015. № 9. С. 15—17.

² Овсянников И. В. Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовное право. 2016. № 5. С. 113—120.

Это должно являться и особой гарантией прав несовершеннолетнего, так как не допускает применения к нему принудительных мер без полноценно проведенного расследования, доказывания всех обстоятельств не только совершенного преступления, но и характеризующих личность подростка.

Как видится, принудительные меры воспитательного воздействия могут быть применены к несовершеннолетнему только в связи с установлением факта совершения им преступления, что предопределяет необходимость поступления дела в суд с обвинительным заключением и полноценную процедуру судебного разбирательства, позволяющую установить событие преступления и виновность несовершеннолетнего в его совершении.

Вместе с тем искоренение применения принудительных мер воспитательного воздействия в досудебном производстве нецелесообразно, однако действующий порядок требует некоторой корректировки.

Одним из путей совершенствования данного института является предоставление права решения вопроса о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении принудительной меры воспитательного воздействия не следователю, а прокурору, но только по поступившему к нему уголовному делу с обвинительным заключением либо обвинительным актом.

Следует отметить, что практика применения ч. 1 ст. 427 УПК РФ в настоящее время малочисленна, поскольку решение вопроса о возможности достижения исправления несовершеннолетнего путем применения принудительной меры воспитательного воздействия вызывает затруднения³. Несмотря на то что еще в 2003 г. в гл. 14 УК РФ, регламентирующей особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, законодателем был подчеркнут приоритет принудительных мер воспитательного воздействия перед наказанием, уголовная юстиция по отношению к несовершеннолетним по-прежнему выпол-

няет карательную функцию в ущерб функциям воспитания и ресоциализации.

К тому же органы предварительного расследования не заинтересованы прекращать уголовное преследование, им выгоднее в целях улучшения статистических показателей направить уголовное дело в суд. Предоставление прокурору данного права по результатам предварительного расследования, вероятнее всего, повысило бы статистику прекращения уголовного преследования с применением принудительных мер воспитательного воздействия в досудебном производстве. Прокурор в настоящее время не заинтересован в статистических показателях раскрываемости преступлений и не связан количеством возбужденных и направленных в суд уголовных дел. Также прокурор, выступая гарантом законности, объективно может оценить возможность исправления подростка.

Возможность исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия — это обстоятельство, установление которого наиболее специфично по сравнению с иными фактами, подлежащими доказыванию по уголовному делу. Прогнозирование будущего поведения подростка, а в частности, установление вероятности его исправления, осложнено физиологическими и психологическими особенностями развития несовершеннолетнего. Активная перестройка личности не позволяет дать однозначный ответ на вопрос об эффективности применения принудительных мер воспитательного воздействия. Не случайно закон требует устанавливать уровень психического развития несовершеннолетнего и иные особенности его личности (п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ).

В этой связи представляется необходимым исследование психики несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) с использованием специальных знаний, что предполагает наличие в материалах уголовного дела заключения эксперта по рассматриваемому вопросу. При этом эксперту следует предоставлять материалы дела, содержащие сведения об особенностях личности несовершеннолетнего.

³ Овсянников И. В. Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия. С. 113—120.

С учетом соответствующей компетенции и способности эксперта сформулировать отвечающие требованию достоверности ответы на поставленные перед ним вопросы, полагаем, что специалисты в области психиатрии, психологии, педагогики смогут спрогнозировать будущее поведение подростка. Притом заключение эксперта, содержащее вывод о возможности достижения исправления несовершеннолетнего без применения наказания, посредством применения к нему принудительной меры воспитательного воздействия, следует рассматривать как весомое доказательство данного обстоятельства.

Примечательно, что в некоторых регионах России суды уже истребуют и используют заключение эксперта о возможности исправления несовершеннолетнего. К примеру, судья Ростовского областного суда Е. Л. Воронова на основании сложившейся в Ростовской области практики полагает, что «назначению принудительной меры воспитательного воздействия должно предшествовать проведение по поручению суда специалистом-психологом психологической диагностики несовершеннолетнего, в заключении которого должна быть подтверждена возможность повлиять на его исправление именно путем применения такой меры»⁴.

Подобная практика представляется в целом разумной. Однако процедура видится более эффективной, если к помощи специалистов-психологов будет обращаться не суд, а следователь или дознаватель на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Кроме того, дополнительное общение с психологом может положительно отразиться и на исправлении оступившегося подростка.

Прокурор, получив уголовное дело уже с заключением эксперта, сможет оценить возможные перспективы прекращения уголовного преследования и возбуждения перед судом хо-

датайства о применении принудительной меры воспитательного воздействия.

Согласно ч. 1 ст. 92 УК РФ и корреспондирующим ей нормам УПК РФ с применением принудительных мер воспитательного воздействия возможно освобождение не только от уголовной ответственности, но и от наказания.

Вместе с тем правовое регулирование вопроса о том, в каких случаях судье надлежит прекращать уголовное преследование с применением принудительных мер воспитательного воздействия, а когда выносить обвинительный приговор с освобождением от наказания, отсутствует.

Сложившаяся практика свидетельствует о том, что даже в редких случаях применения принудительных мер воспитательного воздействия судьи практически не прибегают к освобождению от уголовной ответственности, предпочитая ему постановление обвинительного приговора с освобождением от наказания.

В юридической литературе высказано мнение, что ст. 90 УК РФ указывает на право следователя, дознавателя или суда применять принудительные меры воспитательного воздействия к несовершеннолетним, совершившим преступления⁵. Так, в диспозиции статьи сказано, что «несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, *может быть* освобожден от уголовной ответственности».

Полагаем, что освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности по правилам ст. 90 УК РФ должно быть обязанностью правоприменителя, а не правом. Данная точка зрения основывается на правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой «суды *не должны* назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступление небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достиг-

⁴ Воронова Е. Л., Шипшин С. С. Методические рекомендации. Руководство по судебному процессу в рамках кейс-менеджмента (Технология сбора и анализа юридически значимой информации о несовершеннолетнем подсудимом в соответствии со статьей 421 Уголовно-процессуального кодекса РФ) // Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних в ювенальной юстиции. Ростов н/Д, 2009.

⁵ Овсянников И. В. Установление возможности исправления несовершеннолетнего без применения уголовного наказания: право или обязанность? // Уголовное право. 2015. № 1. С. 135—138.

нуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных статьей 90 УК РФ»⁶. Проведенный в 2015 г. опрос показал, что 96 % респондентов из 23 судей будут освобождать несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия при наличии соответствующих оснований согласно ст. 90 УК РФ⁷.

С учетом вышеуказанного представляется необходимым изложить ч. 1 ст. 90 УК РФ в следующей редакции: «Несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, *освобождается* от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия».

Однако указанных изменений недостаточно для реального увеличения практики применения принудительных мер воспитательного воздействия. Мы полагаем, что применение принудительных мер воспитательного воздействия должно быть основанием именно освобождения от уголовной ответственности, а не от наказания. Без предоставления нецелесообразных и дискреционных альтернатив.

В таком случае у судьи не будет выбора: освободить несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия или вынести обвинительный приговор и освободить только от наказания. В каждом случае судья будет обстоятельно рассматривать возможность применения принудительных мер воспитательного воздействия, так как при назначении наказания такого варианта уже не будет. Соответственно, воспитательные меры станут первостепенными по отношению к уголовному наказанию, а практика вынесения обвинитель-

ных приговоров с освобождением несовершеннолетнего от наказания изживется.

При этом освобождение от наказания в виде лишения свободы с помещением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа следует оставить в силе.

Таким образом, в законодательстве должна сложиться конкретная безальтернативная процедура: применение принудительных мер воспитательного воздействия — основание освобождения исключительно от уголовной ответственности, только от наказания в виде лишения свободы возможно освободить с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение.

Существенной проблемой является тот факт, что немалую долю преступлений, совершаемых несовершеннолетними, составляют корыстные, тяжкие преступления, совершенные группой лиц. Вместе с тем во многих преступных группах есть подростки, случайным образом вовлеченные в преступную деятельность близким окружением.

В связи с этим думается, что основания назначения принудительных мер воспитательного воздействия могут быть расширены. Условия применения принудительных мер воспитательного воздействия не должны быть чрезмерно формальными, в данной сфере необходим подход и с точки зрения целесообразности. Следует согласиться, что суды должны иметь возможность назначать вышеуказанные меры не только несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, но и несовершеннолетним, совершившим тяжкие преступления⁸.

Требует легального закрепления уже сложившаяся практика вынужденного изменения судом категории совершенного преступления

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. 11.02.2011. № 29.

⁷ Волков К. А. Специальный вид освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних: вопросы теории и судебной практики // Российский следователь. 2015. № 9. С. 15—17.

⁸ Макарова С. А. Некоторые аспекты применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 4. С. 21—24.

на менее тяжкую с целью получения возможности освобождения подростка от уголовной ответственности (либо наказания). В настоящий момент такое полномочие у суда отсутствует, поскольку изменение категории преступления на менее тяжкую, в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ, возможно только при назначении уголовного наказания. Полагаем, что право суда изменять категорию преступления на менее тяжкую необходимо распространить и на случаи освобождения от уголовной ответственности или наказания.

Привлекает внимание и проблема исполнения воспитательных мер, а именно пробел в законодательном регулировании данного вопроса. В статье 90 УК РФ имеется только упоминание о специализированном государственном органе.

Следует отметить, что единая система контроля и реализации принудительных мер воспитательного воздействия фактически отсутствует. Специализированным органом в данной сфере являются комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, которые зачастую не способны обеспечить реальный контроль за исполнением принудительных мер воспитательного воздействия. Согласно п. 8 Примерного положения о комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, утвержденного постановлением Правительства РФ от 06.11.2013 № 995⁹, членами комиссии могут быть руководители (их заместители) органов и учреждений системы профилактики, представители иных государственных (муниципальных) органов и учреждений, представители общественных объединений, религиозных конфессий, граждане, имеющие опыт работы с несовершеннолетними, депутаты соответствующих представительных органов, а также другие заинтересованные лица. Однако комиссия не является постоянно действующим органом, что позволяет сделать вывод об отсутствии реального механизма

контроля за исполнением назначенных судом несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия.

Вместе с тем в соответствии с приказом МВД России «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации»¹⁰ проведение индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними лицами, которым были назначены принудительные меры воспитательного воздействия, является обязанностью сотрудников таких подразделений. При этом индивидуально-профилактическая работа, проводимая сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел РФ с подростками, к которым были применены меры воспитательного воздействия, практически не отличается от методов, которые применяются к тем, кому назначены различные виды уголовного наказания.

Подобные пробелы в законодательном регулировании вопросов исполнения принудительных мер воспитательного воздействия являются существенной проблемой. Возложение на один орган обязанности исполнения как уголовных наказаний, так и принудительных мер воспитательного воздействия, — сомнительное решение.

Представляется, что исполнение принудительных мер воспитательного воздействия на настоящем этапе могло бы быть возложено совместно на комиссии по делам несовершеннолетних и подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел РФ. В перспективе же необходимо создание специального постоянно действующего органа, состав которого включал бы психологов, педагогов, общественных воспитателей, медиаторов.

Учреждение такого органа реализует положения Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до

⁹ СЗ РФ. 2013. № 45. Ст. 5829.

¹⁰ Приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» (зарегистрирован в Минюсте России 06.02.2014 № 31238) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 17.03.2014. № 11.

2020 года¹¹, где предполагается изменить подходы к осуществлению социальной, психологической и воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными путем создания *специализированных воспитательных центров*, в которых будут применяться индивидуальные формы воздействия, более широкое взаимодействие с общественностью.

Для более эффективного применения мер воспитательного воздействия требуется подготовка квалифицированных, специализирующихся на делах несовершеннолетних, кадров во всех органах, имеющих отношение к расследованию и рассмотрению дел в отношении несовершеннолетних, а также к исполнению судебных решений. Такие специалисты должны быть в судах, подразделениях и комиссиях по делам несовершеннолетних и других государственных органах.

Интересен в этой связи опыт судов Ростовской области¹², в которых учрежден институт помощника судьи с функциями социального работника. Работа такого сотрудника включает подготовку доклада для судьи о личности несовершеннолетнего, имеющих у семьи возможностях по его воспитанию и исправлению. Благодаря социальному работнику к участию в процессе активно привлекаются социальные службы, на которые суд возлагает проведение индивидуальной программы реабилитации с подростком после судебного разбирательства дела, а также оказание помощи семье подростка, находящейся в социально опасном положении.

Вышеуказанное предполагает также расширение полномочий по осуществлению контроля применения принудительных мер воспитательного воздействия. Необходимо закрепление права обращения в суд для корректировки решения о применении принудительной меры воспитательного воздействия в том случае, если

будет установлена невозможность достижения цели перевоспитания. При этом корректировка должна осуществляться не только путем отказа от применения принудительных мер воспитательного воздействия, но и в рамках законодательно установленной системы мер: как в сторону ужесточения, так и в сторону смягчения примененных ограничений. Например, учитывая вариативность видов и способов корректировки назначенного судом в приговоре наказания, можно сделать вывод, что возможности применения различных инструментов здесь гораздо шире, соответственно, больше шансов добиться целей наказания с их помощью. Применительно же к принудительным мерам воспитательного воздействия законодательно предусмотрена лишь возможность их отмены (ч. 5 ст. 427 УПК РФ), что не представляется целесообразным.

Следует предусмотреть возможность скорректировать назначенные судом принудительные меры воспитательного воздействия через их изменение. Наряду с внесением дополнительных ограничений и требований, необходимо закрепить возможное их снятие или смягчение. В частности, несовершеннолетний, добросовестно исполняющий в течение определенного срока назначенные судом меры воспитательного воздействия, должен иметь право на смягчение требований к его поведению или ограничению досуга. Такая поощрительная мера отвечает цели перевоспитания.

Отсутствие должной регламентации порядка применения принудительных мер воспитательного воздействия и существующие законодательные пробелы требуют совершенствования процедуры применения принудительных мер воспитательного воздействия, что определяет необходимость внесения изменений и дополнений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

¹² См.: *Ткачев В. Н.* Опытная модель ювенальной юстиции в Ростовской области и ее распространение в регионах России // Официальный сайт Ростовского областного суда. URL: http://oblsud.ros.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=162.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волков К. А. Специальный вид освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних: вопросы теории и судебной практики // Российский следователь. — 2015. — № 9. — С. 15—17.
2. Воронова Е. Л., Шипшин С. С. Методические рекомендации. Руководство по судебному процессу в рамках кейс-менеджмента (Технология сбора и анализа юридически значимой информации о несовершеннолетнем подсудимом в соответствии со статьей 421 Уголовно-процессуального кодекса РФ) // Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних в ювенальной юстиции. — Ростов н/Д, 2009.
3. Макарова С. А. Некоторые аспекты применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. — 2014. — № 4. — С. 21—24.
4. Овсянников И. В. Установление возможности исправления несовершеннолетнего без применения уголовного наказания: право или обязанность? // Уголовное право. — 2015. — № 1. — С. 135—138.
5. Овсянников И. В. Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовное право. — 2016. — № 5. — С. 113—120.
6. Ткачев В. Н. Опытная модель ювенальной юстиции в Ростовской области и ее распространение в регионах России // Официальный сайт Ростовского областного суда // URL: http://oblsud.ros.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=162 (дата обращения: 04.10.2018).

Материал поступил в редакцию 26 февраля 2019 г.

IMPROVEMENT OF THE PROCEDURE OF APPLICATION OF COMPULSORY MEASURES OF EDUCATIONAL IMPACT

TABOLINA Ksenia Andreevna, PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
kysi-kyss@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

DZHEYRANOVA Zoya Robertovna, Student of the Prosecutor's Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
zdzheir@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article is devoted to the problem of improvement of the procedure of application of compulsory educational measures in criminal proceedings against minors. The lack of proper regulation of the procedure for the application of compulsory educational measures and the existing legislative gaps determine the need for amendments and additions to the criminal law and criminal procedure law. It is proposed to grant the right to resolve the issue of termination of criminal prosecution and initiation of a petition for the application of a coercive measure of educational impact before the court to the prosecutor dealing with the criminal case brought before him with conviction or indictment. In order to resolve the question of the possibility of rehabilitating a minor through the use of compulsory educational measures, it is necessary to study his psyche using the specialized knowledge, which presupposes an expert opinion in the case. Exemption from criminal liability of minors under the rules of Article 90 of the Criminal Code of the Russian Federation should be treated as the duty rather than the right of the law enforcement agent. Approaches to the solution of the problem connected with execution of compulsory measures of educational impact have been formulated.*

Keywords: *criminal procedure, compulsory measures of educational impact, proceedings against minors, prosecutor, special knowledge, expert, termination of criminal prosecution, exemption from criminal liability, exemption from punishment, enforcement of compulsory educational measures.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Volkov K. A. Special'nyj vid osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih: voprosy teorii i sudebnoj praktiki // Rossijskij sledovatel'. — 2015. — № 9. — S. 15—17.
2. Voronova E. L., Shipshin S. S. Metodicheskie rekomendacii. Rukovodstvo po sudebnomu processu v ramkah kejs-menedzhmenta (Tekhnologiya sbora i analiza yuridicheski znachimoj informacii o nesovershennoletnem podsudimom v sootvetstvii so stat'ej 421 Ugolovno-processual'nogo kodeksa RF) // Sudebno-psihologicheskaya ekspertiza nesovershennoletnih v yuvenal'noj yusticii. — Rostov n/D, 2009.
3. Makarova S. A. Nekotorye aspekty primeneniya prinuditel'nyh mer vospitatel'nogo vozdejstviya v otnoshenii nesovershennoletnih // Voprosy yuvenal'noj yusticii. — 2014. — № 4. — S. 21—24.
4. Ovsyannikov I. V. Ustanovlenie vozmozhnosti ispravleniya nesovershennoletnego bez primeneniya ugolovnogo nakazaniya: pravo ili obyazannost'? // Ugolovnoe pravo. — 2015. — № 1. — S. 135—138.
5. Ovsyannikov I. V. Ustanovlenie vozmozhnosti ispravleniya nesovershennoletnego putem primeneniya prinuditel'nyh mer vospitatel'nogo vozdejstviya // Ugolovnoe pravo. — 2016. — № 5. — S. 113—120.
6. Tkachev V. N. Opytnaya model' yuvenal'noj yusticii v Rostovskoj oblasti i ee rasprostranenie v regionah Rossii // Oficial'nyj sajt Rostovskogo oblastnogo suda // URL: http://oblsud.ros.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=162 (data obrashcheniya: 04.10.2018).

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

И. Н. Подволоцкий*

Предварительное исследование видеоизображений человека в портретной экспертизе

Аннотация. В статье рассмотрены перспективные тенденции проведения предварительного изучения внешности человека, запечатленной с использованием видеозаписывающих устройств.

Особенность предварительного исследования носителей портретной информации, изъятых в ходе осмотра места происшествия, состоит в последовательном изучении их внешних характеристик и внутреннего содержания с целью дальнейшего решения диагностических задач, направленных на установление характеристик процесса съемки, качества изображения, отсутствия признаков изменения первоначального содержания видео- или фотоизображения. До настоящего времени изучается возможность диагностирования свойств человека по признакам возраста, телосложения, одежды, походки.

По результатам анализа научной литературы и практической деятельности экспертов можно сделать вывод о необходимости совершенствования методики портретной экспертизы за счет включения компьютерных технологий изучения параметров съемки и признаков возможного вмешательства в целостность записи. При этом для эффективного выявления свойств и состояний внешности людей, передаваемых с использованием современных носителей портретных изображений, требуется комплексное их изучение коллективом специалистов с учетом познаний в анатомии, антропологии, судебной медицине, компьютерных технологиях, математическом моделировании и др.

Ключевые слова: портретная экспертиза, видеотехническая экспертиза, криминалистика, видеозапись, идентификация личности, элементы внешности, свойства и признаки внешности.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.115-122

Предварительный анализ фото- или видеоизображений человека осуществляется на протяжении всего процесса расследования преступлений. Каждый раз, когда в распоря-

жение следователя попадают материалы видеозаписи с мест совершения правонарушений или они представляются сторонами в качестве иных доказательств, необходимо проводить всесто-

---

© Подволоцкий И. Н., 2019

* Подволоцкий Игорь Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Inpodvolockij@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

роннее изучение с целью определения возможности их приобщения в качестве доказательств по уголовным делам. Для того чтобы материалы видеозаписи стали полноценным доказательством, они оцениваются с учетом таких принципов, как относимость, допустимость и достоверность (ст. 88 УПК РФ)¹. Лицо, производящее расследование, оценивает доказательство по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном анализе всех обстоятельств получения видеозаписи, а также ее содержания в соответствии с общими правилами.

Специфика анализа видеоизображения, особенно того, которое передает многоплановую информацию о внешнем виде предполагаемого правонарушителя, его действиях на месте происшествия, а также позволяет судить о квалификации состава правонарушения, требует специального подхода. Исходя из назначения и содержания представленной видеозаписи, следователь самостоятельно определяет ее относимость и допустимость в качестве доказательства к конкретному делу. Сведения, полученные от участников расследуемого события, дополняют представление о содержании кадров видеозаписи о месте, времени и последовательности совершаемых действий. Можно установить роль и характер поступков каждого индивида, различить персональные особенности участников, однако решить вопрос о достоверности отображенных событий можно только после проведения исследования с участием специалистов из разных областей знаний.

Следует отметить, что определение достоверности доказательственной информации, зафиксированной на представленной видеозаписи, зависит от целого ряда аспектов, которые не поддаются выявлению в результате простого созерцательного процесса. Каждая видеозапись отображает в себе как очевидную, так и скрытую часть содержания. С большой степенью очевидности можно определить время года, время суток, место происшествия, количество участников и некоторые другие данные. В скры-

той части содержится информация об условиях съемки, о технических настройках съемочной камеры, о неприкосновенности видеозаписи от несанкционированного вмешательства, о корректности воспроизведения записи, об адекватности отображения элементов внешности, о принадлежности отображения участника происшествия конкретному человеку и др.

Установить достоверность информации в скрытой части такого доказательства, как видеозаписи, невозможно без помощи специалистов. Специалист, основываясь на системе известных ему признаков, уже на стадии предварительного решения задач способен прояснить те или иные обстоятельства и высказать суждение по целому ряду факторов, способных подтвердить степень аутентичности информации, зафиксированной видеозаписывающим способом. В основном подобные задачи решаются специалистами в ходе производства комплекса экспертиз.

Сложность экспертного исследования состоит в том, что видеозапись как объект портретной экспертизы объединяет в себе целый конгломерат свойств и признаков, выявлением и использованием которых занимаются специалисты различных направлений. К примеру, техническими вопросами получения видеоизображений занимаются эксперты в области видеотехнических экспертиз. Идентификацией человека по элементам внешности — специалисты портретных экспертиз. Отождествлением личности по изображению трупа и его останкам — специалисты медико-криминалистических экспертиз. Эксперт каждой специальности имеет свою компетенцию, но при исследовании видеозаписи их интересы пересекаются. Подобное взаимопроникновение познаний способствует увеличению полноты изучения представленного объекта и, как следствие, большей объективности проведения исследования. К примеру, эксперт в области портретных экспертиз может провести идентификацию человека по изображению трупа с достаточной степенью сохранности его внешности, но если он не

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

будет учитывать мнение медика-криминалиста о посмертном изменении признаков внешности, ответ может быть ошибочным. Также если перед производством портретного исследования не будет выявлен факт монтажа видеозаписи специалистом-видеотехником, то выводы портретной экспертизы не будут соответствовать действительности.

Главной задачей портретной экспертизы является установление тождества конкретного лица по отображению его облика и решение вопроса: «Одно и то же лицо изображено на представленных видеозаписях или портретах?» Подобная задача в большей степени интересует инициатора назначения исследования. Но следует заметить, что значительный объем деятельности эксперта связан с решением промежуточных диагностических задач, распространенных и в практике производства портретных экспертиз. Обычно диагностические задачи являются составной частью идентификационной задачи, поскольку осуществляются для получения важной сопутствующей информации, к примеру о системе факторов, влияющих на изменение элементов внешности.

Фото- и видеопортреты подвергаются воздействию комплекса факторов, изменяющих наше представление о достоверности отображения признаков внешности человека. Среди ключевых можно выделить следующие:

- 1) факторы технических характеристик видеозаписывающих устройств;
- 2) факторы процесса видеозаписи;
- 3) факторы процесса воспроизведения видеозаписи;
- 4) факторы эксплуатации носителя видеозаписи.

Иная точка зрения на дифференциацию факторов, влияющих на отображение внешности человека с учетом особенностей фотографических и видеографических изображений, содержится в работах Т. Г. Шаовой, Т. И. Исмаковой², а также Н. Н. Ильина³. Авторы первой класси-

фикации делят факторы на три группы, в том числе связанные с процессом осуществления съемки, состоянием внешности фотографируемого и условиями использования и хранения фотоизображений. Следует обратить внимание на то, что эта классификация разрабатывалась для фотографических изображений, когда процесс воспроизведения фотоснимка не оказывал влияния на восприятие запечатленного человека.

По мнению Н. Н. Ильина, вышеназванная классификация не отражает специфики процесса видеозаписи. Ученый предлагает разделить факторы, влияющие на видеоизображение, таким образом: 1) факторы материальной части средств видеозаписи; 2) факторы процесса записи видеоизображения на носитель; 3) факторы условий видеозаписи; 4) факторы состояния внешности объекта запечатления; 5) факторы условий хранения видеозаписей.

Обзор содержания групп факторов позволяет заметить наличие ряда важных обстоятельств, влияющих на полноту и достоверность отображения внешности на видеозаписи. Среди недостатков классификации обращает на себя внимание излишнее выделение «факторов условий получения видеозаписи», поскольку они поглощаются «факторами процесса видеофиксации». Представляется, что группу «факторов условий хранения видеозаписей» следует дополнить сведениями о параметрах использования носителя видеозаписи, который можно переименовать в эксплуатационный фактор, объединяющий в себе и использование, и хранение носителя видеозаписи.

Объективность процесса отождествления человека во многом зависит от правильности оценки выявленных признаков внешности при соответствующем алгоритме воспроизведения видеозаписи. В экспертной практике нередки случаи отказа от производства исследований на том основании, что не удастся адекватно вос-

² Шаова Т. Г., Исмакова Т. И. Система факторов, влияющих на внешний облик изображенного на фотоснимке лица // Криминалистическая экспертиза документов : межвуз. сб. науч. статей. Саратов, 1999. С. 49—50.

³ Ильин Н. Н. Судебно-портретная идентификация человека по видеоизображениям : монография. М. : Проспект, 2018. С. 5—6.

произвести запись с места происшествия или выделить сопоставимые стоп-кадры.

В ходе предварительного изучения поступившие видеоматериалы анализируются параллельно с постановлением следователя о назначении экспертизы. Во-первых, их упаковка, состояние и количество должны соответствовать описанию в постановлении. Во-вторых, сопоставляются технические параметры, указанные на носителе видеoinформации (тип устройства, формат записи, время и место съемки и т.п.). В-третьих, определяется потенциальная возможность экспертной лаборатории в изучении содержания видеозаписи (наличие воспроизводящего запись оборудования и программ). В такой же последовательности изучаются представленные сравнительные образцы, которые дополнительно оцениваются на предмет их сопоставимости с исследуемыми видеодоказательствами.

Специфика устройств современного видеозаписывающего оборудования состоит в оснащении их дополнительными интеллектуальными системами, позволяющими проводить автоматическую оценку условий съемки (освещенность, яркость, контраст, фокусировка), выбор объекта съемки, определение его персональных данных и пространственных координат. Подобная информация сопровождает получение каждого кадра фотосъемки или фрагмента видеозаписи. Дополнительно к этому микропроцессорные блоки сохраняют сведения о самом техническом устройстве, его владельце и настройках⁴. Эту информацию специалист обязан извлечь из сопроводительных метаданных путем программного исследования файлов.

В отношении объема изучения метаданных следует согласиться с И. И. Черкашиной, по мнению которой «...метаданные содержат всю возможную информацию о файле, обусловленную программным продуктом, при помощи которого

был создан файл, поэтому включать в экспертизу или ссылаться на все метаданные не имеет смысла»⁵.

Информация, сопровождающая электронные файлы, важна для проверки достоверности представленных на экспертизу материалов. Поскольку, если она не соответствует данным, описанным в постановлении или имеет внутренние противоречия, следует усомниться в неприкосновенности конкретного файла, а значит, потребуются предварительное изучение материалов специалистами в сфере видеотехнических экспертиз.

Зафиксированные в заключении эксперта ссылки на изучение технических параметров представленных объектов исследования будут свидетельствовать о полноте проведения предварительного изучения материалов экспертизы, проверке качества изображения и степени воздействия негативных факторов на достоверность отображения признаков внешности. Прежде всего это касается исследуемых объектов, изымаемых из архивов камер видеонаблюдения спустя некоторый промежуток времени, в течение которого они могли подвергнуться умышленному искажению.

Зачастую для сравнения портретов, проверяемых лиц эксперту представляются распечатки видеок кадров. Подобная практика допустима, но только в качестве предварительного анализа возможности дальнейшего исследования. На экспертизу следует представлять оригиналы видеозаписей, изъятых с места расследования. Еще раз отметим: не электронные копии, а сами оригиналы. При некомпетентном копировании файлов происходит потеря части видеoinформации вследствие оптимизации настроек копирующих устройств или неверно выбранного алгоритма копирования. Современные алгоритмы копирования в абсолютном большинстве запрограммированы на создание копий с уменьшени-

⁴ См.: Газизов В. А., Душеин С. В., Иванов П. Ю. и соавт. Криминалистическая видеозапись : курс лекций по специальности 350600 «Судебная экспертиза» / Московский университет, Саратовский юридический институт. М., 2004. С. 28 ; Шамаев Г. П. Судебная фотография и видеозапись : учебник. М. : Норма, Инфра-М, 2017. С. 201—218.

⁵ Черкашина И. И. Особенности производства портретных экспертиз по видеозаписи. М. : ЭКЦ МВД России, 2013. С. 12.

ем объема записи для удобства хранения. При этом происходит создание «опорных» кадров с максимальным содержанием, а остальные, «вспомогательные» обедняются за счет сокращения их содержания. Поэтому эксперту важно использовать для исследования только опорные кадры, содержащие полную и достоверную информацию о внешности запечатленных лиц.

Известно, что оригиналы всегда лучше копий, выше качество отображения совокупности признаков внешности, хорошо заметны мелкие детали лица, а в продолжительных видеозаписях можно выявить особенности проявления динамических характеристик внешности человека. Чем длиннее записанный фрагмент, тем больше вероятность обнаружения экспертом наиболее сопоставимого по ракурсу и положению отождествляемого лица со сравнительными материалами.

В последующем отобранные экспертом кадры подвергаются дополнительной обработке с целью подготовки для сравнительного исследования и могут включать в себя процессы улучшения качества визуального восприятия элементов внешности с применением методов программной фильтрации с обязательной фиксацией производимых манипуляций в заключении эксперта⁶.

Актуальной задачей предварительного изучения портретной видеозаписи, полученной с использованием цифровых технологий съемки и обработки файлов, является обнаружение признаков и установление факта умышленного вмешательства в оригинал. По сути, это задача равноценна определению факта изменения первоначального содержания электронного документа. Современные средства цифрового монтажа позволяют ретушировать не только статические фотопортреты, но и целые фильмы, где совмещаются фрагменты, записанные в разной обстановке и в разное время. При этом будет создаваться полное впечатление подлинности событий, запечатленных с участием проверяемого лица.

Подобные примеры с фотографическими изображениями встречались в экспертной практике 1990-х гг. вследствие увеличения миграции беженцев из неблагополучных регионов бывшего Советского Союза. При этом необходимо было удостоверить личность человека, о котором не сохранились сведения, и тогда к экспертам обращались за решением вопроса о тождественности внешности человека на фотоснимке в документе, удостоверяющем личность, и фотографии предъявителя данного документа. Подобную задачу обязательно следовало решать совместно с экспертом в области технико-криминалистической экспертизы документов. В противном случае можно было не заметить признаки переклейки фотографии и фактически удостоверить личность человека по поддельному документу.

Доступность и простота технологий обработки современных портретных изображений, помноженная на коммерческий интерес владельцев фотосалонов, порождают повседневную практику ретуширования исходных портретов клиентов, обратившихся за фотографической услугой. Монтажу подвергаются портреты сотрудников силовых структур за счет совмещения головы человека с частью туловища, одетую в установленную форму с конкретным воинским званием, но без учета комплекции человека. Для придания симметрии лица может производиться совмещение вертикальной копии половины головы. Зачастую удаляются заметные дефекты внешности человека (бородавки, шрамы, папилломы, припухлости, кожные складки и т.п.). Таким образом, производятся значительные изменения индивидуальных особенностей внешности человека, недопустимые на документах, удостоверяющих личность и призванных для отождествления предъявителя документа. Сложность выявления факта цифрового ретуширования заключается в отсутствии явных признаков изменения естественного рельефа кожного покрова, различия тональности фрагментов изображения, размерных и ракурсных

⁶ См.: Суржиков М. Л., Поставнин В. И., Иванов П. Ю. Обработка изображений, полученных телевизионными системами наблюдения, с целью выявления идентификационных признаков. Методические рекомендации. М., 2002. С. 7—10.

несовпадений. При наличии у эксперта подозрений о возможном вмешательстве в фотоизображение следует принять меры к получению оригинальных электронных файлов с фиксацией процедур изменения элементов внешности. Решением этой проблемы могла бы стать процедура государственного контроля за получением фотоизображений для документов, удостоверяющих личность человека (с фиксацией биометрических параметров).

Интересный пример выявления ретуши приводит профессор А. М. Зинин, который сравнивал фотоизображения мужчины в форме красноармейца, сфотографированного в январе 1924 г., с более поздним изображением известного командира Красной Армии. Требовалось определить наличие или отсутствие тождества между людьми. Анализ признаков внешности красноармейца был затруднен тем, что на нем был головной убор, закрывавший верхнюю и боковые части головы. Изображение было недостаточно резкое, но на подбородке отчетливо просматривалась вертикальная складка. На фотоснимке командира этот признак выражен не был, однако исследование показало, что он подвергнулся художественной ретуши, в ходе которой было устранено изображение складок кожи, в том числе и на подбородке, а также смягчен рельеф лица. На дополнительных представленных фотоснимках устанавливаемого человека, при изготовлении которых ретушь не применялась, нашли отображение и особенности складок кожи лица, в том числе на подбородке. Вывод по результатам исследования был положительным⁷.

Этот и другие примеры практической деятельности специалистов в области портретной экспертизы говорят о необходимости тщательного изучения свойств современных средств фиксации информации, особенно на стадии предварительного изучения электронных носителей, содержащих отображение внешности человека.

Круг диагностических задач, решаемых в ходе предварительного исследования портретных изображений, постоянно расширяется за счет познания закономерностей отображения на видеозаписи явлений, свойств и признаков, способствующих установлению времени, механизма и способа осуществления поступков и личностных качеств человека.

К особой группе диагностических задач можно отнести определение значимых комплексных признаков с учетом индивидуализирующих особенностей половой, возрастной и расовой принадлежности, типа телосложения. По мнению Е. В. Давыдова и В. Ф. Финогенова, «диагностические задачи многообразны и от правильного их решения во многом зависит объективность результатов портретной экспертизы. При решении диагностических задач перед экспертом могут ставиться следующие вопросы: пригодны ли представленные на экспертизу фотоснимки (видеокадры, видеозапись) для идентификационного исследования изображенных на них лиц? К какому антропологическому типу принадлежит человек, изображенный на фотоснимке (видеокадре, видеозаписи), представленном на исследование? Каков возраст лиц, изображенных на фотоснимке (видеокадре, видеозаписи), представленном на исследовании?»⁸. Представляется, что перечень задач диагностического характера можно существенно расширить, если учесть, что современные изображения внешности человека, по своей сути, являются «электронными документами», а значит, объем их исследования увеличивается.

Л. Ю. Захарова в своей аналитической работе рассматривает «возрастную» характеристику человека как идентификационный признак. Автор отмечает, что имеющиеся сегодня наработки в области судебной медицины подразделяют возрастные группы человека по состоянию его кожного покрова, а знание закономерностей возрастных изменений способствует проведе-

⁷ Зинин А. М. Загадки портретов (заметки криминалиста). М.: Щит-М., 2012. С. 32—38.

⁸ Давыдов Е. В., Финогенов В. Ф. Задачи и виды судебно-портретных экспертиз // Сб. трудов VII Международной науч.-практ. конф. «Наука и инновации в XXI веке». С. 113—114.

нию объективного анализа направлений и пределов трансформации признаков внешности, что способствует отождествлению личности⁹. Хотелось бы задать автору вопрос: а какова степень идентификационной значимости данного признака? Если под идентификационными признаками понимать совокупность групповых и индивидуальных признаков внешности, тогда справедливо, что «возраст человека» является идентификационным, но насколько он значим для установления индивидуального тождества, вот это большой вопрос. Даже если исходить из крайностей, то на нашей планете где-то живет самый старый человек, он будет в единственном числе. Однако каждая из стран может претендовать на право утверждать, что этот человек живет именно у них, и мы опять не сможем говорить об индивидуальном тождестве. Представляется, что решать задачу с помощью признаков возраста при индивидуальной идентификации можно, только если мы с помощью группового признака исключаем проверяемое лицо из числа подозреваемых на том основании, что вследствие его возрастных характеристик оно не может быть отображено на данной фотографии.

Сегодня до конца не решены диагностические задачи по определению информативной значимости признаков внешности, позволяющих судить о функциональных особенностях и о состоянии здоровья человека путем выявления хронических заболеваний, а также принадлежности человека к отдельной социальной или профессиональной группе. Для решения подобных задач требуется использование математических алгоритмов.

Таким образом, задачи проведения предварительного изучения объектов судебных портретных экспертиз концентрируются вокруг диагностирования природы качественных и количественных характеристик носителей портретной информации, данных о внешности человека, свойств и признаков, не поддающихся непосредственному восприятию, а также времени, способа и последовательности действий, событий, явлений, запечатленных на видеозаписи, и об их взаимной связи. Увеличение степени категоричности диагностических выводов эксперта будет зависеть от вовлечения в процесс исследования специалистов разных направлений и применения математических методов объективного контроля за качеством исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Газизов В. А., Душеин С. В., Иванов П. Ю. и др. Криминалистическая видеозапись : курс лекций по специальности 350600 «Судебная экспертиза» / Московский университет, Саратовский юридический институт. — М., 2004. — 207 с.
2. Давыдов Е. В., Финогенов В. Ф. Задачи и виды судебно-портретных экспертиз // Сборник трудов VII Междунар. науч.-практ. конференции «Наука и инновации в XXI веке». — 2017. — С. 113—115.
3. Захарова Л. Ю. «Возраст человека» как идентификационный признак // Энциклопедия судебной экспертизы. — 2017. — № 2 (13). — С. 88—94.
4. Зинин А. М. Загадки портретов (заметки криминалиста). — М. : Щит-М, 2012. — 80 с.
5. Ильин Н. Н. Судебно-портретная идентификация человека по видеоизображениям : монография. — М. : Проспект, 2018. — 128 с.
6. Суржииков М. Л., Поставнин В. И., Иванов П. Ю. Обработка изображений, полученных телевизионными системами наблюдения, с целью выявления идентификационных признаков : методические рекомендации. — М., 2002. — 24 с.
7. Черкашина И. И. Особенности производства портретных экспертиз по видеозаписи. — М. : ЭКЦ МВД России, 2013. — 17 с.

⁹ Захарова Л. Ю. «Возраст человека» как идентификационный признак // Энциклопедия судебной экспертизы. № 2 (13) 2017. С. 92—93. URL: www.proexpertizu.ru/.

8. Шаова Т. Г., Исмадова Т. И. Система факторов, влияющих на внешний облик изображенного на фотоснимке лица // Криминалистическая экспертиза документов : межвуз. сб. науч. статей. — Саратов, 1999. — С. 49—50.
9. Шамаев Г. П. Судебная фотография и видеозапись : учебник. — М. : Норма Инфра-М, 2017. — 544 с.

Материал поступил в редакцию 28 января 2019 г.

PRELIMINARY STUDY OF VIDEO IMAGES OF HUMANS IN PORTRAIT EXAMINATION

PODVOLOTSKIY Igor Nikolaevich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Forensic Expertise of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Inpodvolockij@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The paper discusses the promising trends of a preliminary study of a person's appearance captured using video recording devices.*

A characteristic of the preliminary study of the portrait data storage device seized during the inspection of the accident location is a sequential study of their external characteristics and internal content in order to further solve diagnostic problems aimed at establishing the characteristics of the surveying, image quality, and lack of signs of changing the initial content of the video or photo image. To date, the possibility of diagnosing human characteristics by age, physique, clothing, and manner of walking is being studied.

According to the results of the analysis of scientific literature and practical activities of experts, it can be concluded that it is necessary to improve the methodology of portrait examination by including computer technologies for studying surveying parameters and signs of possible interference with the recording integrity. At the same time, to effectively identify the characteristics and states of people's appearance transmitted by means of modern storage devices of portrait images, it is important that a team of experts conduct a comprehensive study of the images taking into account the knowledge in anatomy, anthropology, forensic medicine, computer technology, mathematical modeling, etc.

Keywords: *portrait examination, video technical examination, forensic science, video recording, personality identification, appearance elements, properties and marks of appearance.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gazizov V. A., Dushein S. V., Ivanov P. Yu. i dr. Kriminalisticheskaya videozapis' : kurs lekcij po special'nosti 350600 «Sudebnaya ekspertiza» / Moskovskij universitet, Saratovskij juridicheskij institut. — M., 2004. — 207 s.
2. Davydov E. V., Finogenov V. F. Zadachi i vidy sudebno-portretnyh ekspertiz // Sbornik trudov VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii «Nauka i innovacii v XXI veke». — 2017. — S. 113—115.
3. Zaharova L. Yu. «Vozrast cheloveka» kak identifikacionnyj priznak // Enciklopediya sudebnoj ekspertizy. — 2017. — № 2 (13). — S. 88—94.
4. Zinin A. M. Zagadki portretov (zametki kriminalista). — M. : Shchit-M., 2012. — 80 s.
5. Il'in N. N. Sudebno-portretnaya identifikaciya cheloveka po videoizobrazheniyah : monografiya. — M. : Prospekt, 2018. — 128 s.
6. Surzhikov M. L., Postavnin V. I., Ivanov P. Yu. Obrabotka izobrazhenij, poluchennyh televizionnymi sistemami nablyudeniya, s cel'yu vyavleniya identifikacionnyh priznakov : metodicheskie rekomendacii. — M., 2002. — 24 s.
7. Cherkashina I. I. Osobennosti proizvodstva portretnyh ekspertiz po videozapisi. — M. : EKC MVD Rossii, 2013. — 17 s.
8. Shaova T. G., Ismatova T. I. Sistema faktorov, vliyayushchih na vneshnij oblik izobrazhennogo na fotosnimke lica // Kriminalisticheskaya ekspertiza dokumentov : mezhvuz. sb. nauch. statej. — Saratov, 1999. — S. 49—50.
9. Shamaev G. P. Sudebnaya fotografiya i videozapis' : uchebnik. — M. : Norma Infra-M, 2017. — 544 s.

Е. Г. Белякова*

Актуальные проблемы судебной финансово-экономической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц

***Аннотация.** Статья посвящена обзору наиболее серьезных проблем, возникающих при производстве судебных финансово-экономических экспертиз по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц. Автор рассмотрены основные нормативные акты, которыми руководствуются при проведении экспертных исследований в рамках судебных финансово-экономических экспертиз по делам о преднамеренном банкротстве. Обращается внимание на отсутствие единого экспертного мнения в отношении выбора методик финансового анализа деятельности юридических лиц при проведении судебных экономических экспертиз. Автор отмечает, что на сегодняшний день отсутствует единый терминологический аппарат, в том числе в понимании такой категории, как «признаки преднамеренного банкротства организации». Поднимается актуальная проблема, связанная с необходимостью формирования перечня нормативных финансовых коэффициентов, ориентируясь на специфику вида деятельности юридического лица. Сделан вывод о необходимости решения ряда данных проблем для улучшения качества расследования и рассмотрения дел в судопроизводстве.*

***Ключевые слова:** преднамеренное банкротство, банкротство, экономические преступления, анализ банкротства, диагностика банкротства, судебная экономическая экспертиза, финансово-экономическая экспертиза, финансово-аналитическая экспертиза*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.123-129

В настоящее время вопрос банкротства набирает большую популярность в Российской Федерации. С каждым годом возрастает число арбитражных споров на основании заявления о признании должника (организации) банкротом, несмотря на то что количество дел, по которым выносятся обвинительные приговоры, является ничтожно малым. Так, в 2017 г. из 24 374 дел, в рамках которых были составлены заключения арбитражных управляющих

на предмет установления наличия/отсутствия признаков преднамеренного банкротства, лишь 1 636 заключений арбитражных управляющих установили факт наличия признаков преднамеренного банкротства юридических лиц, что составляет 6,7 % от общего количества. Почти 3,5 трлн руб. требований кредиторов включены в реестр по делам о банкротстве, находящимся в производстве, а сумма удовлетворенных требований составляет всего 2,2 млрд руб., что

© Белякова Е. Г., 2019

* Белякова Елизавета Геннадьевна, аспирант кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), эксперт экспертного центра АНО «СОДЭКС МГЮА имени О.Е. Кутафина»

belyakova.yel@gmail.com

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

более чем в 1,5 тысячи раз меньше заявленного. При этом статистика по уже завершенным делам о банкротстве свидетельствует о большем проценте удовлетворенных требований: при заявленных требованиях в размере 1,865 трлн руб. фактически удовлетворенными оказались требования кредиторов в размере 103 млрд руб., что меньше в 18 раз¹. Одновременно с этим возрастает необходимость в проведении судебных финансово-экономических экспертиз, позволяющих оценить финансовое состояние должника, а также выявить возможные признаки наличия (отсутствия) должника. Возрастающая потребность в проведении судебных финансово-экономических экспертиз в рамках рассмотрения дел о банкротстве юридических лиц ставит перед собой цель — улучшение качества проводимых исследований. Однако имеется ряд существенных проблем, которые затрудняют проведение судебных финансово-экономических экспертиз по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц, поскольку они вносят в экспертную деятельность элемент неопределенности и неоднозначности. Единство отсутствует и в порядке проведения исследований с использованием различных методик и в нормативном регулировании.

Одним из ведомств, наиболее тщательно урегулировавшим вопрос проведения судебных финансово-экономических экспертиз, является Министерство внутренних дел РФ, в частности экспертное подразделение системы МВД РФ — Экспертно-криминалистический центр ФГКУ «ЭКЦ МВД России». Основными нормативными актами в деятельности экспертов МВД являются: — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ²; — Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебной экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ О ГСЭД)³;

— приказ Минэкономразвития РФ от 05.02.2009 № 35 «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению финансово-экономической экспертизы, назначенной в ходе предварительного следствия, судебного разбирательства уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного статьей 196 Уголовного кодекса Российской Федерации, и Методических рекомендаций для специалистов, привлекаемых к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, при проверке следователем сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 196 Уголовного кодекса Российской Федерации»⁴.

Необходимо подчеркнуть, что последний документ носит рекомендательный характер для сотрудников МВД. Иные документы, на которые эксперты МВД ссылаются в своих заключениях, обычно имеют гриф «для служебного пользования» и, как правило, отсутствуют в открытом доступе, что исключает возможность проверки заключения эксперта на предмет методических нарушений экспертами иных ведомств и негосударственных экспертных учреждений. Согласно ст. 6 ФЗ О ГСЭД «заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных». Соответственно, отсутствие общепринятых методик проведения судебных экономических экспертиз (и их наличие только в ведомственном доступе) не позволяет в полной мере реализовывать положения, установленные законодательством.

Ввиду отсутствия единства в методике проведения судебной финансово-экономической экспертизы эксперты, проводя исследования

¹ Федресурс; Результаты процедур в делах о банкротстве за 2017 г. // URL: <https://fedresurs.ru/news/6d6f73ad-9bac-4e15-a8c5-8899f7d05a9c?attempt=2> (дата обращения: 8 ноября 2018 г.).

² СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

³ СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

⁴ Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: <http://economy.gov.ru/minec/documents/doc1242743707264/>.

«с использованием современных достижений науки и техники» согласно ст. 4 ФЗ О ГСЭД, выбирают наиболее предпочтительные научные методики финансового анализа, описанные известными учеными-экономистами, которые используют для проведения судебных финансово-экономических экспертиз, в частности по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц. Подобный подход к проведению исследований, на наш взгляд, крайне неправильный.

Так, ряд экспертов при составлении экспертных заключений используют методики зарубежных авторов при прогнозировании банкротства, например пятифакторную модель Альтмана, несмотря на то что экономические условия в РФ и других странах имеют кардинальные различия. Используемые при расчетах коэффициенты, бухгалтерская отчетность также носят различный характер. Так, в РФ бухгалтерская отчетность составляется в соответствии с приказом Минфина России от 29.07.1998 № 34н (ред. от 11.04.2018) «Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации»⁵ и Международными стандартами финансовой отчетности (IFRS). В США отчетность формируется на основе национальных стандартов бухгалтерского учета GAAP и IFRS. Например, в ходе анализа моделей прогнозирования банкротства Альтмана было установлено, что «диагностика банкротства сельскохозяйственных организаций Омской области с наивысшим уровнем рентабельности от реализации продукции в 2003 г. на основе показателя Альтмана подтверждает их финансовое благополучие, тогда как применение двух моделей Альтмана (1968, 1983) при прогнозе дало противоречивые результаты»⁶. Аналогичная ситуация складывается и при анализе иных методик прогнозирования банкротства. Так, при сопоставлении моделей Альтмана,

модели Лиса, модели Таффлера, четырехфакторной модели Иркутской ГЭА, пятифакторной модели Сайфулина и Калыкона, методики скоринговой оценки Бобрышева и Дебелого первые две оценили вероятность банкротства как высокую, четырехфакторная модель Иркутской ГЭА показала минимальную вероятность банкротства организации, а оставшиеся сообщили об удовлетворительном состоянии предприятия⁷. Таким образом, наблюдается расхождение результатов оценки вероятности банкротства на основании существующих методик анализа до диаметрально противоположных. Подобное положение приводит к тому, что судебные эксперты при решении задачи оценки финансового состояния предприятия и причин его изменения при проведении судебной финансово-экономической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц используют разные модели и приходят к совершенно различным выводам. Разумеется, что в соответствии со ст. 7 ФЗ О ГСЭД эксперт независим в выборе методик исследования. Однако существующие методики ученых-экономистов разрабатываются для иных целей, не являющихся экспертными, например для инвесторов, которые имеют возможность оценить финансовое состояние организации и принять решение о целесообразности финансовых вложений в предприятие. Однако для целей судебной экспертизы подобная вариативность моделей и, как следствие, результатов является неприемлемой. Ввиду отсутствия единых паспортизированных методик судебных финансово-экономических экспертиз нарушаются принципы объективности, всесторонности исследований судебно-экспертной деятельности. Поэтому представляется необходимым разработать в Российской Федерации единую методику проведения судебных финансово-экономических экспертиз по делам о преднамеренном банкротстве юридических

⁵ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1998. № 23.

⁶ Патласов О. Ю., Сергиенко В. Ю. Множественный дискриминантный анализ в моделях прогнозирования банкротства Альтмана: интерпретация и ограничения использования // Экономический анализ. 2007. № 1. С. 79.

⁷ Бобрышев А. Н., Дебелый Р. В. Методы прогнозирования вероятности банкротства организации // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2010. № 1. С. 17—22.

лиц, которая бы устранила имеющиеся противоречия. По мнению автора, решение данной проблемы имеет важнейшее значение для целей расследования преднамеренных банкротств юридических лиц.

Ученые-экономисты, стремясь внести свой вклад в развитие науки, при создании методик анализа финансового состояния организации разрабатывают авторские финансовые коэффициенты, в которых различаются как формулы расчета, так и нормативные значения. Например, в российской литературе и нормативных правовых актах для анализа финансового состояния и определения признаков преднамеренного банкротства юридических лиц существуют разные мнения, в соответствии с которыми производится расчет сравнительных финансовых коэффициентов.

Согласно постановлению Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства»⁸ (далее — Временные правила) и постановлению Правительства РФ от 25.06.2003 № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа»⁹ (далее — Правила проведения арбитражным управляющим финансового анализа) рассчитываются три группы показателей, объединяющие 10 коэффициентов:

- 1) коэффициенты, характеризующие платежеспособность должника:
  - коэффициент абсолютной ликвидности;
  - коэффициент текущей ликвидности;
  - показатель обеспеченности обязательств должника его активами;
  - степень платежеспособности по текущим обязательствам;
- 2) коэффициенты, характеризующие финансовую устойчивость должника:
  - коэффициент автономии (финансовой независимости);

- коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами (доля собственных оборотных средств в оборотных активах);
  - доля просроченной кредиторской задолженности в пассивах;
  - показатель отношения дебиторской задолженности к совокупным активам;
- 3) коэффициенты, характеризующие деловую активность должника:
    - рентабельность активов;
    - норма чистой прибыли.

Согласно постановлению Правительства РФ от 30.01.2003 № 52 «О реализации Федерального закона “О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей”» (вместе с Методикой расчета показателей финансового состояния сельскохозяйственных товаропроизводителей, Требованиями к участнику программы финансового оздоровления сельскохозяйственных товаропроизводителей)¹⁰ предусмотрены следующие 6 коэффициентов:

- коэффициент абсолютной ликвидности;
- коэффициент критической оценки;
- коэффициент текущей ликвидности;
- коэффициент обеспеченности собственными средствами;
- коэффициент финансовой независимости;
- коэффициент финансовой независимости в отношении формирования запасов и затрат.

При этом в ходе оценки финансового состояния предприятия значение каждого из коэффициентов оценивается в баллах, предусмотренных методикой. Общая сумма баллов позволяет отнести должника к одной из 5 групп финансовой устойчивости и позволяет оценить общую картину его финансового состояния.

При решении большинства экспертных задач сотрудники ЭКЦ МВД используют следующие финансовые показатели¹¹:

- коэффициент текущей ликвидности;
- коэффициент быстрой ликвидности;

⁸ СЗ РФ. 2004. № 52 (ч. II). Ст. 5519.

⁹ Постановление Правительства РФ от 25.06.2003 № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа» // СЗ РФ. 2003. № 26. Ст. 2664.

¹⁰ СЗ РФ. 2003. № 6. Ст. 523.

¹¹ Мусин Э. Ф. Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе : учеб. пособие для вузов. М., 2018. С. 195.

- коэффициент абсолютной ликвидности;
- коэффициент обеспеченности собственными средствами;
- коэффициент обеспеченности обязательств должника всеми его активами;
- коэффициент обеспеченности обязательств должника его оборотными активами;
- величина чистых активов;
- коэффициент оборотных средств в расчетах;
- коэффициент автономии;
- рентабельность продаж.

Из этого вытекает проблема различия в формулах расчета финансовых коэффициентов, которые имеют идентичные названия, но при расчете учитываются различные показатели. Например, согласно Правилам проведения арбитражным управляющим финансового анализа, к коэффициентам, характеризующим деловую активность должника, относятся рентабельность активов и норма чистой прибыли. Однако ученые в области теории экономического анализа, в частности Л. В. Донцова и Н. А. Никифорова, отмечают, что деловую активность предприятия характеризуют показатели оборачиваемости, прежде всего скорости оборота средств¹². Таким образом, на примере коэффициентов деловой активности можно заметить противоречия, связанные с использованием различных показателей в рамках одного коэффициента (показатели как оборачиваемости, так и рентабельности).

Перед экспертами в рамках судебной финансово-экономической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц часто ставится вопрос: «Имеются ли признаки преднамеренного банкротства организации?» Возникает логичный вопрос, что следует понимать под признаками преднамеренного банкротства. На сегодняшний день единственным документом, который так или иначе определяет наличие/отсутствие признаков преднамеренного банкротства, являются Временные правила. Этот документ является адресным

и предназначен для составления отчетов арбитражным управляющим. Однако на практике при определении признаков преднамеренного банкротства эксперты, ввиду отсутствия каких-либо иных законодательно закрепленных определений, руководствуются данными Временными правилами, что не совсем корректно.

В рамках рассмотрения дел о банкротстве юридических лиц распространенным является вопрос: «Соответствует ли сделка рыночным условиям?» По мнению автора, данный вопрос входит в компетенцию судебного эксперта-экономиста, проводящего исследование в рамках судебной финансово-экономической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц. Автор не согласен с позицией, согласно которой данный вопрос надлежит относить к компетенции эксперта, проводящего судебную оценочную экспертизу¹³. В данном случае эксперт не определяет рыночную стоимость какого-либо актива предприятия. При ответе на данный вопрос эксперт проверяет сделку юридического лица на предмет наличия какого-либо из следующих признаков:

- сделки по замещению имущества менее ликвидным (не являющиеся сделками купли-продажи);
- сделки купли-продажи на заведомо невыгодных условиях, осуществляемые с имуществом и исключающие возможность осуществления основной деятельности;
- сделки, связанные с приобретением неликвидного имущества;
- сделки по замене обязательств на заведомо невыгодных условиях (новация);
- соглашения об обеспечении исполнения обязательств;
- договоры купли-продажи имущества с использованием в расчетах простых и переводных векселей;
- договоры купли-продажи-векселей;
- выдача, передача, акцепт и оплата векселей, дача авалья на векселе.

¹² Донцова Л. В., Никифорова Н. А. Анализ финансовой отчетности : учебное пособие. М., 2005. С. 149.

¹³ Соколова Н. В. Методика финансово-экономической экспертизы, назначаемой по делам о преднамеренных банкротствах // Современные проблемы права глазами молодых ученых : сборник материалов научно-практического семинара с международным участием. Арзамас, 2016. С. 227.

В ходе экспертного исследования эксперту по возможности следует принимать во внимание цену имущества, работ и услуг, вида и срока платежа по сделкам, которые могли быть заключены на заведомо невыгодных условиях.

На сегодняшний день банкротства организаций происходят в различных отраслях экономики (строительство, торговля, сельскохозяйственные организации и т.д.). Деятельность организаций в каждой отрасли экономики носит свой специфический характер. Следовательно, при анализе финансовых коэффициентов следует учитывать ряд значимых для организации факторов, например сезонность в сельскохозяйственном бизнесе, преобладание заемного капитала над собственным в строительном бизнесе. Необходимо учитывать, что изменения в отношении долевого строительства, которые закреплены Федеральным законом от 01.07.2018 № 175-ФЗ¹⁴: с 1 июля 2019 г. застройщики переходят на новые правила финансирования строительства жилых объектов и будут получать денежные средства дольщиков только через эскроу-счета в уполномоченных банках, что может оказать влияние на деятельность строительных предприятий. Застройщики будут вынуждены привлекать большее количество заемных средств для обеспечения основной деятельности, что повлияет на формирование

краткосрочных и долгосрочных обязательств и, как следствие, финансовых коэффициентов. В целом сделки будут проводиться только с участием банков, что вызвано переходом на новую модель привлечения денежных средств на строительство — проектное финансирование. В свою очередь, постепенное введение нового механизма отменит доленое строительство в том виде, в котором оно существовало до первого полугодия 2018 г. Такое положение вещей может оказать влияние на формирование активов и пассивов организации. Следовательно, по мнению автора, не исключается вариант того, что при расчете финансовых коэффициентов предприятия по имеющимся методикам анализ может показать, что у организации имеется ухудшение финансового состояния, хотя фактически предприятие будет финансово благополучным.

Данные проблемы являются одними из наиболее значимых, однако не представляют собой закрытый перечень. Считаем необходимым разрабатывать пути решения данных проблем для улучшения качества проведения судебных финансово-экономических экспертиз по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц и оказания серьезного содействия следствию и суду при рассмотрении и расследовании преступлений, связанных с преднамеренным банкротством юридических лиц.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бобрышев А. Н., Дебелый Р. В. Методы прогнозирования вероятности банкротства организации // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. — 2010. — № 1. — С. 17—22.
2. Донцова Л. В., Никифорова Н. А. Анализ финансовой отчетности : учебное пособие. — М. : Дело и сервис, 2005. — 336 с.
3. Мусин Э. Ф. Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе : учеб. пособие для вузов. — М., 2018. — 273 с.
4. Патласов О. Ю., Сергиенко В. Ю. Множественный дискриминантный анализ в моделях прогнозирования банкротства Альтмана: интерпретация и ограничения использования // Экономический анализ. — 2007. — № 1. — С. 76—80.

¹⁴ Федеральный закон от 01.07.2018 № 175-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 28. Ст. 4139.

5. Соколова Н. В. Методика финансово-экономической экспертизы, назначаемой по делам о преднамеренных банкротствах // Современные проблемы права глазами молодых ученых : сборник материалов научно-практического семинара с международным участием. — Арзамас, 2016. — С. 227.

Материал поступил в редакцию 12 января 2019 г.

CURRENT ISSUES OF JUDICIAL FINANCIAL AND ECONOMIC EXPERTISE IN CASES OF INTENTIONAL BANKRUPTCY OF LEGAL ENTITIES

BELYAKOVA Elizaveta Gennadyevna, Post-graduate of the Department of Forensic Expertise of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Expert of the Expert Center of Autonomous Non-Commercial Organization «SODEKS Kutafin Moscow State Law University».
belyakova.yel@gmail.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The paper is devoted to the review of the most serious problems arising in the performance of judicial financial and economic examinations in cases of intentional bankruptcy of legal entities. The author considers the main regulatory acts that guide the conduct of expert studies in the framework of judicial financial and economic examinations in cases of intentional bankruptcy. Attention is given to the lack of a single expert opinion regarding the choice of methods for financial analysis of the activities of legal entities during judicial economic examinations. The author notes that today there is no single terminological apparatus, including in the understanding of such a category as “signs of intentional bankruptcy of an organization”. An urgent issue is being raised related to the need to formulate a list of regulatory financial ratios, focusing on the specifics of the type of activity of a legal entity. It is concluded that it is necessary to solve a number of these problems in order to improve the quality of investigation and consideration of cases in legal proceedings.*

Keywords: *intentional bankruptcy, bankruptcy, economic crimes, bankruptcy analysis, bankruptcy diagnostics, forensic economic examination, financial and economic examination, financial and analytical examination.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bobryshev A. N., Debelyj R. V. Metody prognozirovaniya veroyatnosti bankrotstva organizacii // Finansovyj vestnik: finansy, nalogi, strahovanie, buhgalterskij uchet. — 2010. — № 1. — S. 17—22.
2. Doncova L. V., Nikiforova N. A. Analiz finansovoj otchetnosti : uchebnoe posobie. — M. : Delo i servis, 2005. — 336 s.
3. Musin E. F. Sudebno-ekonomicheskaya ekspertiza v ugolovnom processe : ucheb. posobie dlya vuzov. — M., 2018. — 273 s.
4. Patlasov O. Yu., Sergienko V. Yu. Mnozhestvennyj diskriminantnyj analiz v modelyah prognozirovaniya bankrotstva Al'tmana: interpretaciya i ogranicheniya ispol'zovaniya // Ekonomicheskij analiz. — 2007. — № 1. — S. 76—80.
5. Sokolova N. V. Metodika finansovo-ekonomicheskoy ekspertizy, naznachaemoj po delam o prednamerennyh bankrotstvah // Sovremennye problemy prava glazami molodyh uchenyh : sbornik materialov nauchno-prakticheskogo seminar s mezhdunarodnym uchastiem. — Arzamas, 2016. — S. 227.

Понятие, признаки и правовая природа глобальной исследовательской инфраструктуры¹

***Аннотация.** Термин «уникальная научная установка класса “мегасайенс”» прочно вошел в оборот правовых актов программного характера, что вызывает необходимость его изучения с правовой точки зрения, определения соотношения этого понятия с находящим широкое международное признание термином «глобальная исследовательская инфраструктура». На основе проведенного анализа правовых актов, программных документов и доктринальных источников можно выделить два ключевых признака «уникальных научных установок класса «мегасайенс»»: крупный масштаб (физический, финансовый, технологический) и особая значимость для науки, позволяющая осуществить определенный прорыв в той или иной области знаний.*

Исследование сущности глобальных исследовательских инфраструктур позволяет предложить следующее определение: это сооружаемые и эксплуатируемые в порядке международного сотрудничества (коллаборации) государств, международных организаций и иных акторов, не обладающих международной правосубъектностью (государственные агентства, научные институты, финансирующие учреждения), физически крупные, дорогостоящие, уникальные по своим техническим характеристикам комплексы оборудования, предназначенные для долгосрочных научных исследований, направленных на получение новых прорывных знаний, существенно дополняющих или изменяющих представления о действительности.

Отечественный термин «уникальная научная установка класса “мегасайенс” (международного класса)» имеет наибольшее совпадение с таким видом глобальной исследовательской

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта 18-29-15045 «Модели научного и научно-технического сотрудничества: особенности и перспективы международно-правового регулирования».

© Кожеуров Я. С., Теймуров Э. С., 2019

* Кожеуров Ярослав Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
jskozheurov@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

** Теймуров Эльвин Сахават оглы, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

esteymurov@gmail.com

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

инфраструктуры, как географически локализованные (single-sited) крупные исследовательские инфраструктуры. В целях приведения в соответствие юридической терминологии в области «мегасайенс» с общемировой следует внести изменения в проект федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности».

Ключевые слова: мегасайенс, уникальная научная установка, проекты класса «мегасайенс», глобальная исследовательская инфраструктура, распределенная исследовательская инфраструктура, международное научное сотрудничество, международная научная коллаборация.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.130-141

Введение

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 01.12.2016 № 642, предусматривает в числе основных направлений и мер реализации государственной политики в области научно-технологического развития Российской Федерации поддержку создания и развития *уникальных научных установок класса «мегасайенс», крупных исследовательских инфраструктур* на территории Российской Федерации (п. 32 «б»).

Ускорение научно-технологического развития Российской Федерации является одной из национальных целей, провозглашенных в Указе Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (п. 1 «е»). Наука стала одним из направлений, по которому Правительству РФ поручено разработать (скорректировать) национальные проекты (п. 2 «б»), исходя в том числе из того, что в 2024 г. необходимо обеспечить решение задачи создания передовой инфраструктуры научных исследований и разработок, инновационной деятельности, включая созда-

ние и развитие сети уникальных научных установок класса «мегасайенс» (п. 10).

В утвержденных Правительством РФ 29.09.2018 во исполнение Указа Президента РФ № 204 Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации запланировано, что в целях развития современной инфраструктуры для исследований и разработок, инжиниринговой деятельности будет в том числе начато проведение международных исследований на уникальных научных установках класса «мегасайенс» в Международном центре нейтронных исследований на базе высокопоточного реактора ПИК, Комплексе сверхпроводящих колец на встречных пучках тяжелых ионов НИКА, источнике синхротронного излучения 4-го поколения ИССИ-4, Сибирском кольцевом источнике фотонов СКИФ (п. 2.2.2).

Именно эти 4 мегапроекта² в конце 2018 г. были включены в национальный проект «Наука»³. Общий объем финансирования проекта в 2019—2024 гг. — 635 959,9 млн руб., в том числе из средств федерального бюджета — 404 787,6 млн руб.⁴

Россия как государство и ее научные организации принимают активное участие в реализации проектов «мегасайенс» за рубежом.

---

² Подробную информацию о технической уникальности и прорывном характере ожидаемых результатов научных экспериментов см.: Портал «Научно-технологическая инфраструктура Российской Федерации». Каталог установок класса «мегасайенс». URL: <http://skp-rf.ru/megaanu/> (дата обращения: 27.07.2019).

³ Паспорт национального проекта «Наука», утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16 // URL: <http://government.ru/projects/selection/740/35565/> (дата обращения: 27.07.2019).

⁴ Не вошли в национальный проект «Наука» ранее одобренные Правительственной комиссией по высоким технологиям и инновациям в рамках реализации Стратегии научно-технологического развития 2016 г.

Несмотря на то что Россия не является членом Европейского центра ядерных исследований (ЦЕРН), она активно участвовала в создании Большого адронного коллайдера и участвует в экспериментах, проводимых на 4 в его детекторах на основе двусторонних соглашений с этой международной организацией⁵. Россия является второй после Германии по величине вклада в два проекта класса «мегасайенс», реализуемых на территории этой страны, — Европейский рентгеновский лазер на свободных электронах (XFEL)⁶, Европейский центр по исследованию ионов и антипротонов (FAIR)⁷. В 2014 г. Россия присоединилась к мегапроекту на территории Франции — Европейскому центру синхротронного излучения (ESRF)⁸. Наконец, Россия принимает активное участие в возведении Международного термоядерного экспериментального реактора (ITER)⁹.

Осуществление подобных мегапроектов невозможно без привлечения огромных ре-

сурсов, причем не только финансовых, но и — в первую очередь — интеллектуальных, без организации исследований широким международным фронтом: «Тут необходим плюрализм знаний, мнений, технологий, менталитетов, только так можно получить интересные, яркие результаты», — отметил Владимир Кекелидзе, вице-директор Объединенного института ядерных исследований, руководитель проекта NICA¹⁰. В подобно рода мегапроектах имманентно заключена необходимость международного сотрудничества, которое, в свою очередь, требует своего нормативно-организационного оформления.

Перед правовой наукой в этой связи встает актуальная задача исследования юридического феномена «мегасайенс» и глобальной исследовательской инфраструктуры, правовой природы международных научных коллабораций, правовых моделей международного научного сотрудничества в этой сфере, выявления их пре-

---

проекты класса «мегасайенс»: Токамак с сильным магнитным полем (Игнитор, г. Троицк); Ускорительный комплекс со встречными электрон-позитронными пучками (Супер Чарм-Тау фабрика, г. Новосибирск); Международный центр исследований экстремальных световых полей (ЦИЭС, Нижегородская обл.) (см.: URL: <http://www.sib-science.info/ru/grants/sbor-predlozheniy-po-sozdaniyu-proektov-29032018> (дата обращения: 27.07.2019)). Тем не менее данные проекты продолжают оставаться перспективными.

⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейской организацией ядерных исследований (ЦЕРН) о дальнейшем развитии научно-технического сотрудничества в области физики высоких энергий 1996 г., Протокол об участии в проекте «Большой адронный коллайдер» (БАК) к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Европейской организацией ядерных исследований (ЦЕРН) о дальнейшем развитии научно-технического сотрудничества в области физики высоких энергий от 30 октября 1993 г.

В 2019 г. подписано новое соглашение Россия — ЦЕРН, которое предусматривает не только участие России в экспериментах ЦЕРН, но и участие специалистов ЦЕРН в российских мегапроектах (см.: распоряжение Правительства РФ от 15.04.2019 № 751-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Европейской организацией ядерных исследований (ЦЕРН) о научно-техническом сотрудничестве в области физики высоких энергий и иных сферах взаимного интереса и Протокола к нему»).

⁶ Конвенция о строительстве и эксплуатации Установки Европейского рентгеновского лазера на свободных электронах 2009 г.

⁷ Конвенция о сооружении и эксплуатации Центра по исследованию ионов и антипротонов в Европе 2010 г.

⁸ Протокол к Конвенции от 16 декабря 1988 г. о строительстве и эксплуатации установки «Европейский центр синхротронного излучения» о присоединении к ней Правительства Российской Федерации 2014 г.

⁹ Соглашение о создании Международной организации ИТЭР по термоядерной энергии для совместной реализации проекта ИТЭР 2006 г.

¹⁰ На NICA: коллайдер строится, состоялись выборы руководителей коллабораций MPD и BM@N. 01.11.2018 // Официальный видеопортал Объединенного института ядерных исследований. URL: <http://science-tv.jinr.ru/?p=4756> (дата обращения: 27.07.2019).

имущества и недостатков, выработки предложений по их развитию и совершенствованию, оценки возможностей применения и адаптации к проектам «мегасайенс» на территории России.

В рамках настоящей статьи предпринята попытка изучить формирующиеся в российской доктрине и практике подходы к пониманию того, что представляет собой с правовой точки зрения «уникальная научная установка класса “мегасайенс”», определить соотношение этого понятия с находящим широкое международное признание термином «глобальная исследовательская инфраструктура», проанализировать правовую природу глобальной исследовательской инфраструктуры, ее виды и отличительные черты, на основе чего выработать некоторые рекомендации в отношении обсуждаемого проекта федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности».

Понятие уникальной научной установки класса «мегасайенс» в российской доктрине и практике

Действующее законодательство Российской Федерации не дает легального определения понятия «уникальная научная установка класса “мегасайенс”», хотя сам термин уже прочно вошел в оборот правовых актов программного характера, начиная со Стратегии научно-технологического развития РФ 2016 г. Содержащееся в Федеральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» определение уникальной научной установки (далее — УНУ) не учитывает специфику, добавляемую установке признаком «класса “мегасайенс”», к тому же с точки зрения логики не может служить родовым понятием, поскольку ограничивает «уникальность» уста-

новки отсутствием аналогов внутри Российской Федерации.

В паспорте национального проекта «Наука», в разделе «Термины и определения», поясняется: «Создание и развитие сети УНУ класса “мегасайенс” — создание и развитие сети физических исследовательских установок, превосходящих по техническим характеристикам, параметрам и достижимым возможностям существующие в мире. Создание и эксплуатация их может происходить на основе международного научно-технического сотрудничества. Необходимым условием для того, чтобы проект отнесли к классу “мегасайенс”, является наличие научной программы, позволяющей выйти за рамки современных знаний в области фундаментальных наук и открывающей новые возможности в развитии технологий».

Разработанный Министерством образования и науки РФ проект нового Федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации», помимо определения УНУ, содержал определение уникальной научной установки международного класса (класса «мегасайенс»)¹¹. В более поздней версии законопроекта слова «класса “мегасайенс”» исключены, однако само определение осталось¹². Итак, согласно последней версии законопроекта, который на момент подготовки статьи еще не внесен в Государственную Думу, уникальной научной установкой международного класса является УНУ, не имеющая аналогов в мире и созданная в целях обеспечения исполнения международных обязательств Российской Федерации. Как видно, отличий УНУ международного класса два: повышен уровень уникальности — с российского на мировой, а также содержится привязка к международным обязательствам Российской Федерации. С одной сто-

¹¹ Проект Федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации». Ст. 57. ID проекта 01/05/07-17/00069845. Версия от 31 июля 2017 г. // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=69845> (дата обращения: 27.07.2019).

¹² Проект федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации». Ст. 53. ID проекта 04/13/03-18/00079415. Версия от 28 марта 2018 г. // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=79415> (дата обращения: 27.07.2019).

роны, последнее является важным уточнением, поскольку особенностью мегасайенс-проектов является международное научное сотрудничество, с другой стороны, формулировка выглядит не совсем удачной: во-первых, как представляется, научные установки создаются (и эксплуатируются) с целью получения новых научных знаний, а международные обязательства принимаются в целях содействия такой деятельности, а не наоборот; во-вторых, международное научное сотрудничество, будучи неотъемлемым следствием необходимости создать установку класса «мегасайенс», не обязательно включает в себя *межгосударственное* взаимодействие, хотя, как правило, без этого не обойтись.

В российской доктрине феномен мегасайенс становится важным объектом исследования, причем в междисциплинарном плане. Например, экономисты рассматривают «мегасайенс-центры или центры меганауки» как «новую организационную форму трансформации мировой экономики». По мнению Е. Иншаковой и А. Волошиной, «их можно определить как мегаэкономическую форму производства интеллектуальных продуктов всемирного значения, основанную на межнациональном или транснациональном капитале в соответствии с принципом международной коллаборации»¹³.

Масштабное исследование существующих в зарубежной юридической науке и практике подходов к понятию «мегасайенс» провел А. О. Четвериков¹⁴. Автор подчеркивает, что термином «мегасайенс» стало принято обозначать все рассчитанные на получение прорывных

знаний проекты, «точнее, лежащие в их основе сооружения, приборы и иную инфраструктуру»¹⁵. Здесь же автор отмечает, что «наиболее распространенной юридической категорией, корреспондирующей мегасайенс в официальных документах, служит выражение “крупные исследовательские инфраструктуры”»¹⁶. Раскрывая крупный / крупномасштабный / очень крупный / знаковый характер объектов мегасайенс, отличающий их от прочих исследовательских инфраструктур (научных установок), автор пишет: «Речь идет прежде всего о значительных масштабах подобных объектов — причем не только исходя из их размеров (обычно больших и очень больших), но и с точки зрения трудоемкости их создания, сложности эксплуатации, а также, что особенно важно для государства, величины требуемых для этого бюджетных инвестиций. Другими критериями служат новаторский характер объектов мегасайенс, ожидаемые от них существенные продвижения в научном познании и, отсюда, их повышенная значимость для общества в целом»¹⁷. Таким образом, автор подчеркивает два ключевых признака: крупный масштаб (физический, финансовый, технологический) и особая значимость для науки.

Глобальная исследовательская инфраструктура

В иностранных юридических текстах гораздо чаще используется термин «исследовательская инфраструктура» (с различными эпитетами —

¹³ Иншакова Е., Волошина А. Роль мегасайенс-центров в развитии мегапроектов // Наука и инновации. 2013. № 11 (128). С. 32.

¹⁴ Четвериков А. О. Организационно-правовые формы большой науки (мегасайенс) в условиях международной интеграции: сравнительное исследование. Часть I. Мегасайенс как научное и правовое явление. Правовые аспекты функционирования мегасайенс в форме международных межправительственных организаций и национальных юридических лиц // Юридическая наука. 2018. № 1. С. 14.

¹⁵ Четвериков А. О. Указ. соч. С. 14.

¹⁶ Четвериков А. О. Указ. соч. С. 14.

Автор приводит и другие встречающиеся в документах термины: «крупномасштабная исследовательская инфраструктура» (Нидерланды), «крупные инфраструктуры для исследований, экспериментальных разработок и инноваций», «очень крупные исследовательские инфраструктуры» (Франция), «знаковая и глобальная исследовательская инфраструктура» (Австралия).

¹⁷ Четвериков А. О. Указ. соч. С. 15.

крупная, крупномасштабная, знаковая, глобальная и пр.), «мегасайенс» больше характерен для литературы¹⁸, чаще неюридической. Наиболее известные международные институции, созданные для изучения этих проблем и выработки рекомендаций, — Глобальный научный форум Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)¹⁹, созданная G8 в 2008 г. Группа высших должностных лиц по глобальным исследовательским инфраструктурам²⁰, функционирующий в рамках ЕС Европейский стратегический форум по исследовательским инфраструктурам²¹, даже исходя из их названий, оперируют термином «исследовательская инфраструктура».

Как соотносятся понятия «мегасайенс» и «крупная (глобальная) исследовательская инфраструктура»? Безусловно, эти понятия тесно взаимосвязаны, но их нельзя отождествлять. Наука — это «сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности»²². Инфраструктура (лат. *infra* — под ниже + *structura* — строение, сооружение) — составные части общего устройства экономической или политической жизни, носящие вспомогательный характер, но обеспечивающие нормальную деятельность системы в целом²³. Таким образом, наука — это деятельность (сфера деятельности), а инфраструктура — это объекты материального мира, которые эту деятельность обеспечивают. Безусловно, осо-

бенности самой науки определяют и особенности ее инфраструктуры.

Особенностью мегасайенс (большой науки, от греч. *mega* и англ. *science*) является то, что в ее задачу входит получение принципиально новых фундаментальных знаний, существенно дополняющих или даже меняющих наши представления об окружающем мире, существенно, даже скачкообразно, продвигающие человечество в его познании действительности. Состояние современной науки таково, что этого невозможно добиться без международного научного сотрудничества, коллаборации, обеспечивающей интеллектуальный обмен в плане как уже имеющегося опыта, так и полученных результатов. Ярким примером такого нового знания является открытие в 2012 г. бозона Хиггса во время экспериментов на БАК в ЦЕРН. Таким образом, характеристика «прорывной характер получаемых результатов» корреспондирует в первую очередь понятию «мегасайенс» как деятельности.

С другой стороны, «мегазадачи» требуют для их решения и особой «мегаинфраструктуры», отличительными признаками которой, в свою очередь, выступают масштаб, трудоемкость, необходимость привлечения для ее создания и эксплуатации максимально возможных ресурсов, от интеллектуальных до материальных и финансовых. Или, как сказано в австралийской Национальной дорожной карте исследовательской инфраструктуры 2016 г. — это «многонациональная, совместная и масштабная

¹⁸ См., например: *Ramamurthy V. S. Global partnerships in scientific research and international mega-science projects // Current Science. 2011. Vol. 100. No. 12. Pp. 1783—1785 ; Lami S. Challenges and New Requirements for International Mega-Science Collaborations // Science & Diplomacy, 27.06.2017. URL: www.sciencediplomacy.org/article/2017/megascience-collaborations* (дата обращения: 27.07.2019).

¹⁹ OECD Global Science Forum. URL: <http://www.oecd.org/sti/inno/global-science-forum.htm> (дата обращения: 27.07.2019).

²⁰ Group of Senior Officials (GSO) on global Research Infrastructure. URL: https://ec.europa.eu/info/research-and-innovation/strategy/european-research-infrastructures/group-senior-officials-gso_en#publications (дата обращения: 27.07.2019).

²¹ European Strategy Forum on Research Infrastructures. URL: <https://www.esfri.eu/forum> (дата обращения: 27.07.2019).

²² *Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. С. 403.*

²³ *Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М., 2006. URL: https://dic.academic.ru* (дата обращения: 27.07.2019).

инфраструктура, стоимость создания которой выходит за рамки ресурсов или опыта одной страны»²⁴.

Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»²⁵ не содержит понятия исследовательской инфраструктуры. В проекте федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации»²⁶ инфраструктура научной, научно-технической и инновационной деятельности определяется как совокупность субъектов и инструментов, обеспечивающих материально-техническое, финансовое, организационно-методическое, информационное, консультационное и иное сопровождение научной, научно-технической, инновационной деятельности, так и объектов, используемых для указанного обеспечения (п. 8 ст. 2).

В правовых актах Европейского Союза содержится несколько определений исследовательской инфраструктуры. Например, это понятие «означает установки, ресурсы и связанные с ними услуги, которые используются научным сообществом для проведения исследований в их соответствующих областях, и охватывает научное оборудование или наборы инструментов,

ресурсы, основанные на знаниях... или любой другой объект уникального характера, необходимый для проведения исследований»²⁷.

Однако это, так сказать, «обычная» исследовательская инфраструктура, нас же интересует такая, которая способна обеспечить решение задач мегасайенс. Например, в Регламенте ЕС, учредившем исследовательскую и инновационную программу Horizon-2020, в последнем предложении определения содержится существенное дополнение: «любая инфраструктура уникального характера, *существенно необходимая для достижения превосходного качества результатов исследования*» (essential to achieving excellence in research)²⁸. Наконец, в Регламенте, учреждающем особую европейско-правовую организационную форму, специально предназначенную для реализации интегрированных научно-инфраструктурных проектов, — Европейский консорциум исследовательской инфраструктуры (European Research Infrastructure Consortium, ERIC)²⁹, к указанному определению добавляется, что такая инфраструктура используется для проведения исследований «высочайшего уровня» (top-level) и охватывает «крупное» (major) научное оборудование³⁰. Данное

²⁴ 2016 National Research Infrastructure Roadmap. P. 13 // URL: https://docs.education.gov.au/system/files/doc/other/ed16-0269_national_research_infrastructure_roadmap_report_internals_acc.pdf (дата обращения: 27.07.2019).

²⁵ Содержится лишь понятие «инновационная инфраструктура».

²⁶ Проект федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации». Ст. 53. ID проекта 04/13/03-18/00079415. Версия от 28 марта 2018 г. // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=79415> (дата обращения: 27.07.2019).

²⁷ Commission Regulation (EU) No 651/2014 of 17 June 2014 declaring certain categories of aid compatible with the internal market in application of Articles 107 and 108 of the Treaty, para 91 // OJ L 187, 26.6.2014, Pp. 1—78. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014R0651&from=EN> (дата обращения: 27.07.2019).

²⁸ Regulation (EU) No 1291/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 establishing Horizon 2020 — the Framework Programme for Research and Innovation (2014—2020), art. 2 (6) // Official Journal of the European Union. 2013. L 347. Pp. 104—117. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013R1291&from=EN> (дата обращения: 27.07.2019).

²⁹ Об этой уникальной организационно-правовой форме см. подробнее: Четвериков А. О. Европейские консорциумы исследовательской инфраструктуры: международные организации по европейскому праву или юридические лица sui generis? // Lex Russica. 2019. № 7. С. 141—150.

³⁰ Council Regulation (EC) No 723/2009 of 25 June 2009 on the Community legal framework for a European Research Infrastructure Consortium (ERIC), art. 2(a) // Official Journal of the European Union. 2009. L 206.

определение интересно тем, что оно сформулировано в акте, причиной принятия которого стало, в частности, то, что исследовательские инфраструктуры «становятся все более сложными и дорогими, что зачастую делает их недостижимыми для одного государства-члена или даже континента» (п. 6 преамбулы).

В 2010 г. группа экспертов Глобального научного форума, действующего в рамках ОЭСР, подготовила доклад, посвященный созданию крупных международных исследовательских инфраструктур. Объясняя принципы своего исследования, эксперты подчеркнули, что оно касается только инфраструктур, которые являются «подлинно международными», то есть такими, которые «созданы на основе формального соглашения между правительствами, агентствами или исследовательскими организациями из более чем одного региона»³¹.

В подготовленном в 2014 г. Группой старших должностных лиц по глобальным исследовательским инфраструктурам рамочном документе выделяется 14 критериев отнесения инфраструктуры к глобальной, и первый из них гласит, что «глобальные исследовательские инфраструктуры должны решать наиболее существенные глобальные исследовательские задачи, т.е. задачи на таких рубежах знаний, где требуются глобальные усилия критической массы для достижения прогресса»³², при этом относя к ним те инфраструктуры, управление которыми является «в корне международным по характеру»³³.

Заканчивая обзор подходов к понятию глобальной исследовательской инфраструктуры, не-

обходимо отметить, что сейчас принято выделять два типа исследовательской инфраструктуры, в том числе глобальной: 1) находящиеся в одном месте, географически локализованные инфраструктуры (установки) — single-sited research infrastructures (facilities) и 2) международные распределенные (international distributed) исследовательские инфраструктуры, состоящие из расположенных в разных странах установок и другого оборудования, объединенные в одну сеть для реализации конкретных научных проектов.

Согласно определению, разработанному экспертами Глобального научного форума ОЭСР, международная распределенная исследовательская инфраструктура (МРИФ) — это «многонациональная ассоциация географически разделенных отдельных субъектов, которые совместно выполняют, содействуют или спонсируют фундаментальные или прикладные научные исследования»³⁴.

Согласно определению Европейского стратегического форума по исследовательской инфраструктуре, расположенные в одном месте исследовательские инфраструктуры — это централизованные объекты, географически локализованные в одном месте или на нескольких выделенных дополнительных участках, предназначенных для доступа пользователей, управление которыми является европейским или международным. А распределенная исследовательская инфраструктура «состоит из центрального хаба и взаимосвязанных национальных узлов». Распределенная РИ должна, в частности, иметь: уникальное конкретное название, правовой ста-

Пп. 1—8. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009R0723&from=EN> (дата обращения: 27.07.2019).

³¹ Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Global Science Forum. Establishing Large International Research Infrastructures: Issues and Options. December, 2010. P. 3 // URL: <http://www.oecd.org/sti/inno/47057832.pdf> (дата обращения: 27.07.2019).

³² Group of Senior Officials (GSO) on global Research Infrastructures. Framework Criteria. 2014 // URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/research_and_innovation/framework_criteria.pdf (дата обращения: 27.07.2019).

³³ URL: https://ec.europa.eu/info/research-and-innovation/strategy/european-research-infrastructures/group-senior-officials-gso/gso-toolkit_en (дата обращения: 27.07.2019)

³⁴ Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Global Science Forum. International Distributed Research Infrastructures: Issues and Options. 2014. P. 7 // URL: <http://www.oecd.org/sti/inno/international-distributed-research-infrastructures.pdf> (дата обращения: 27.07.2019).

тус и структуру управления с четкими обязанностями и отчетностью, включая международные надзорные и соответствующие внешние консультативные органы; центральный узел должен иметь юридически обязательные координационные компетенции и ресурсы³⁵.

По мнению экспертов ОЭСР, МРИФ *должна* иметь:

- 1) конкретное наименование;
- 2) пул международных партнеров, которые, как правило, являются финансовыми учреждениями, научно-исследовательскими институтами, академическими учреждениями, фондами или другими научно ориентированными организациями из государственного или частного секторов;
- 3) официальное соглашение партнеров о предоставлении ресурсов, экспертных знаний, оборудования, услуг или персонала для достижения общей научной цели; соглашение не обязательно должно определять новое юридическое лицо или быть юридически обязательным;
- 4) стратегический план или программу работы;
- 5) органы управления (как минимум для принятия решений) и набор должностных лиц (не обязательно штатных сотрудников) с четко определенными обязанностями;
- 6) акцент на предоставлении услуг своим членам и пользователям³⁶.

Примером служит Европейская очень большая базовая интерферометрическая сеть

(European very Large Baseline Interferometry (VLBI) Network)³⁷. Представляется, что по похожей схеме будет организовываться Сибирский кольцевой источник фотонов (СКИФ) как сетевая инфраструктура с пилотной машиной в Новосибирске, головной машиной в Московской области, источником синхротронного излучения во Владивостоке.

Эти особенности указывают на отличие распределенных исследовательских инфраструктур от координированной исследовательской сети (международные коллаборации полностью независимых научно-исследовательских организаций).

Суммируя вышеизложенное относительно глобальной исследовательской инфраструктуры, можно выделить следующие ее отличительные черты:

1. *Физически крупный размер*³⁸. Например, диаметр тоннеля Большого адронного коллайдера (БАК) — 27 км, он проходит под землей на территории двух стран, только один из его детекторов (CMS) весит 12 500 т.³⁹
2. *Высокая стоимость*. Например, затраты только на постройку БАК и его детекторов составили 4 332 млн швейцарских франков⁴⁰. А затраты на постройку Международного термоядерного экспериментального реактора (ИТЭР), первоначально планировавшиеся на уровне 6 млрд евро, в настоящее время оцениваются в 17 млрд евро⁴¹, и это еще не предел. Расходы на строительство Евро-

³⁵ ESFRI. Strategy Report on Research Infrastructures and Roadmap 2018. P. 12 // URL: <http://roadmap2018.esfri.eu/media/1048/rm2018-part1-20.pdf> (дата обращения: 27.07.2019).

³⁶ Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Global Science Forum. International Distributed Research Infrastructures: Issues and Options. 2014. Pp. 7—8 // URL: <http://www.oecd.org/sti/inn/international-distributed-research-infrastructures.pdf> (дата обращения: 27.07.2019).

МРИФ *может* иметь: 1) независимый правовой статус (или эквивалентное юридическое лицо в соответствии с условиями существующего межправительственного соглашения); 2) общий фонд и финансовые правила; 3) секретариат; 4) принимающее учреждение.

³⁷ URL: <https://www.evlbi.org/> (дата обращения: 27.07.2019).

³⁸ Данный признак является важным, присущим большинству объектов, особенно географически локализованных, однако могут быть и исключения.

³⁹ LHC the guide. CERN-brochure. 2017. Pp. 18, 40 // URL: <https://home.cern/sites/home.web.cern.ch/files/2018-07/CERN-Brochure-2017-002-Eng.pdf> (дата обращения: 27.07.2019).

⁴⁰ LHC the guide. P. 17.

⁴¹ URL: http://www.iter.org/faq#Do_we_really_know_how_much_ITER_will_cost (дата обращения: 27.07.2019).

пейского центра синхротронного излучения (ESRF) составили более 3,5 млрд евро⁴². Стоимость постройки установки Европейского рентгеновского лазера на свободных электронах (XFEL) запланирована в сумме более 1 млрд евро⁴³.

3. *Долгосрочность*. Например, проектирование ИТЭР началось еще в 1980-х гг., в 2006 г. подписана Конвенция о его строительстве, которое началось в 2010 г. На сегодня ориентировочный срок получения первой плазмы — 2025 г.⁴⁴
4. *Научная, техническая, инженерная уникальность*. Каждый из таких объектов не имеет аналогов в мире. В них воплощены наиболее передовые научные достижения и разработки. Ожидаемые научные результаты не могут быть получены иным образом, на ином оборудовании.
5. *Направленность на получение новаторских прорывных знаний*, существенно дополняющих или изменяющих представления о действительности, раздвигающие границы человеческого разума в его стремлении познать окружающий мир, ожидание серьезного, подчас скачкообразного продвижения в научном познании.

И наконец, самая главная особенность, предопределяемая изложенными выше, — *международное научное сотрудничество и международное управление деятельностью по созданию и эксплуатации глобальной исследовательской инфраструктуры*, которая в силу своих характеристик объективно требует объединения интеллектуальных, материальных, финансовых и иных⁴⁵ усилий различных

государств, агентств, научных и финансирующих организаций. В этом сотрудничестве участвуют и субъекты международного права — государства и международные межправительственные организации⁴⁶, а также иные акторы, не обладающие международной правосубъектностью — в первую очередь, научные институты, государственные агентства, финансирующие организации, а также специально создаваемые на основе межправительственных соглашений юридические лица по национальному⁴⁷ или европейскому праву⁴⁸. Правовые модели организации такой научной кооперации многообразны и сложны, носят комплексный характер, сочетают в себе международно-правовое и национально-правовое регулирование, а также саморегулирование в рамках международных научных коллабораций (меморандумы о взаимопонимании), юридически обязательные нормы и нормы «мягкого права».

Итак, можно предложить следующее определение глобальной исследовательской инфраструктуры: это сооружаемые и эксплуатируемые в порядке международного сотрудничества (коллаборации) государств, международных организаций и иных акторов, не обладающих международной правосубъектностью (государственные агентства, научные институты, финансирующие учреждения) физически крупные, дорогостоящие, уникальные по своим техническим характеристикам комплексы оборудования, предназначенные для проведения долгосрочных научных исследований, направленных на получение новых прорывных знаний, существенно дополняющих или изменяющих представления о действительности. Такая ин-

⁴² Приложение № 3 к Конвенции от 16 декабря 1988 г. о строительстве и эксплуатации установки «Европейский центр синхротронного излучения» // URL: <http://www.esrf.eu/files/live/sites/www/files/about/organisation/ESRF-convention-annex3.pdf> (дата обращения: 27.07.2019).

⁴³ Технический документ № 2. Приложение 3 к Конвенции о строительстве и эксплуатации Установки Европейского рентгеновского лазера на свободных электронах 2009 г. // URL: https://www.xfel.eu/organization/company/index_eng.html (дата обращения: 27.07.2019).

⁴⁴ URL: <https://www.iter.org/construction/construction> (дата обращения: 27.07.2019).

⁴⁵ Например, уникальное географическое расположение.

⁴⁶ ЦЕРН (БАК), ОИЯИ (NICA), Организация ИТЭР и др.

⁴⁷ ESFR (Франция), FAIR и XFEL (Германия).

⁴⁸ ERIC.

фраструктура может быть географически локализованной в одном месте в виде крупной установки либо быть распределенной (быть сетью взаимосвязанных установок в рамках реализации одного управляемого централизованно научного проекта).

Представляется, что отечественный термин «уникальная научная установка класса “мегасайенс” (международного класса)» имеет наибольшее совпадение с таким видом глобальной исследовательской инфраструктуры, как географически локализованные (single-sited) крупные исследовательские инфраструктуры. В целях приведения в соответствие юридической терминологии в области мегасайенс с общемировой

следует рассмотреть возможность включения в проект федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности», наряду с определением «инфраструктура научной, научно-технической и инновационной деятельности» (ст. 2), понятия «глобальная исследовательская инфраструктура» («глобальная инфраструктура научной, научно-технической и инновационной деятельности»), а в гл. 8 («Научное и технологическое оборудование, оборудование коллективного пользования») разместить статьи, посвященные двум видам глобальной исследовательской инфраструктуры — географически локализованной и распределенной.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Иншакова Е., Волошина А.* Роль мегасайенс-центров в развитии мегапроектов // Наука и инновации. — 2013. — № 11 (128). — С. 32—34.
2. *Четвериков А. О.* Организационно-правовые формы большой науки (мегасайенс) в условиях международной интеграции: сравнительное исследование. Часть I. Мегасайенс как научное и правовое явление. Правовые аспекты функционирования мегасайенс в форме международных межправительственных организаций и национальных юридических лиц // Юридическая наука. — 2018. — № 1. — С. 13—27.
3. *Lami S.* Challenges and New Requirements for International Mega-Science Collaborations // Science & Diplomacy. — 27.06.2017. — URL: www.sciencediplomacy.org/article/2017/megascience-collaborations.
4. *Ramamurthy V. S.* Global partnerships in scientific research and international mega-science projects // Current Science. — 2011. — Vol. 100. — No. 12. — Pp. 1783—1785.

Материал поступил в редакцию 27 июля 2019 г.

CONCEPT, FEATURES AND LEGAL NATURE OF GLOBAL RESEARCH INFRASTRUCTURE⁴⁹

KOZHEUROV Yaroslav Sergeevich, PhD in Law, Docent, Associate Professor of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

jskozheurov@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

TEYMUROV Elvin Sahavat ogly, PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

esteymurov@gmail.com

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The term “unique scientific installation of the mega-science class” has firmly entered the circulation of legal acts of a program nature, which makes it necessary to study it from a legal point of view, to determine the relationship of this concept with the widely recognized term “global research infrastructure”. Based on the analysis of legal acts, program documents and doctrinal sources, two key features of “unique scientific installations of the mega-science class” can be distinguished: large scale (physical, financial, technological) and special significance for science, which allows for a certain breakthrough in a particular field of knowledge.*

The study of the essence of global research infrastructures suggests the following definition. It is constructed and operated through international cooperation (collaboration) of states, international organizations and other actors that do not have an international legal personality (government agencies, scientific institutions, funding institutions), physically large, expensive, unique in terms of technical characteristics equipment sets intended for long-term scientific research aimed at obtaining new breakthrough knowledge, significantly supplementing or changing ideas about the reality.

Domestic term “unique scientific installation of “mega-science” (international) class” has the longest match with such global research infrastructure as geographically localized (single-sited) major research infrastructure. In order to bring legal terminology on “mega-science” into line with the global one, amendments should be made to the draft federal law “On Scientific, Scientific and Technical and Innovative Activities”.

Keywords: «mega-science», unique scientific installation, mega-science projects, global research infrastructure, distributed research infrastructure, international scientific cooperation, international scientific collaboration.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Inshakova E., Voloshina A. Rol' megasajens-centrov v razvitii megaproektov // Nauka i innovacii. — 2013. — № 11 (128). — S. 32—34.
2. Chetverikov A. O. Organizacionno-pravovye formy bol'shoj nauki (megasajens) v usloviyah mezhdunarodnoj integracii: sravnitel'noe issledovanie. Chast' I. Megasajens kak nauchnoe i pravovoe yavlenie. Pravovye aspekty funkcionirovaniya megasajens v forme mezhdunarodnyh mezhpripravitel'stvennyh organizacij i nacional'nyh yuridicheskix lic // Yuridicheskaya nauka. — 2018. — № 1. — S. 13—27.
3. Lami S. Challenges and New Requirements for International Mega-Science Collaborations // Science & Diplomacy. — 27.06.2017. — URL: www.sciencediplomacy.org/article/2017/megascience-collaborations.
4. Ramamurthy V. S. Global partnerships in scientific research and international mega-science projects // Current Science. — 2011. — Vol. 100. — No. 12. — Pp. 1783—1785.

---

⁴⁹ This paper is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Research Project No. 18-29-15045 «Models of Scientific and Scientific-Technical Cooperation: Features and Prospects of International Legal Regulation».

Формирование европейского исследовательского пространства в контексте эволюции правового регулирования проведения европейских исследований¹

***Аннотация.** С конца XX в. в Европе прослеживается тенденция к аккумулярованию научного знания, повышению уровня конкурентоспособности европейских исследований и мобильности самих ученых. Реализация целей и задач, поставленных Европейским Союзом, ведется посредством создания единого Европейского исследовательского пространства и реализации специальных рамочных программ.*

Определено, что на сегодняшний день Европейский Союз является одним из мировых лидеров в области исследований и инноваций. Именно научные знания, опыт, высокие стандарты проведения исследований, развитая научно-исследовательская инфраструктура являются гарантией многолетнего успешного сотрудничества ЕС с другими странами. Контакты России и ЕС в области научно-технического сотрудничества развиваются достаточно активно. Как в ЕС, так и в России важное место занимает разработка эффективной инновационной политики и программ для развития экономики, основанной на знаниях, и повышения эффективности инвестиций в исследования и разработки.

***Ключевые слова:** европейское исследовательское пространство, право ЕС, Европейский исследовательский совет, Горизонт 2020, грантовое финансирование науки.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.142-152

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-29-15028 «Сравнительный анализ лучших практик нормативно-правового регулирования грантового (проектного) финансирования научных исследований и разработок на национальном и международном уровнях».

© Слепак В. Ю., Ариянец А. А., 2019

* *Слепак Виталий Юрьевич*, кандидат юридических наук, доцент кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
vitaliy.slepak@gmail.com

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

** *Ариянец Анна Ашотовна*, аспирант кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
anna.ariyants@mail.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

На сегодняшний день совершенно очевидно, что государства — члены Европейского Союза вне рамок скоординированной политики не могут справиться с конкуренцией в сфере научных исследований, в связи с чем предложенная Европейской комиссией концепция единого Европейского исследовательского пространства — ERA (European Research Area), понимаемого прежде всего как «зона свободного перемещения исследователей и технологий с целью повышения уровня сотрудничества научных центров и университетов, стимулирования конкуренции между ними и достижения лучшего распределения интеллектуальных ресурсов»², позволяет создать конкурентоспособную, динамичную экономику, основанную на основной ценности информационного общества — знаниях.

Отправной точкой европейской интеграции в области науки и технологий было введение так называемых рамочных программ. Вышеуказанные программы Европейского Союза по развитию научных исследований и технологий представляют собой программы финансирования, целью которых являются поддержка и поощрение исследований в едином Европейском исследовательском пространстве.

За последние десятилетия институты Европейского Союза приняли восемь рамочных программ, для каждой из которых можно условно выделить 4 этапа принятия.

Первый этап включает фазу «непосредственного» принятия: это консультация по структуре и объему следующей программы, подготовка предложения Комиссией.

Второй этап — этап реализации: принятие рабочих программ и рабочих планов по реали-

зации программы, подача предложений и отбор проектов.

Третий этап — исполнение : проведение необходимых мероприятий по выбранным для финансирования проектов.

Четвертый, заключительный этап — этап оценки. Данный этап подразумевает мониторинг, промежуточную оценку и последующую оценку выбранных проектов. Каждая рамочная программа подразумевает также принятие новых соответствующих законодательных актов.

Первая рамочная программа (1984—1988 гг.) была принята в 1984 г.³ Приоритетами данной программы служили исследования в сфере энергетики, особенно ядерная энергетика. Расходы на исследования составляли более половины бюджета программы. Единый европейский акт 1986 г. установил, что рамочные программы являются главной формой проведения научно-исследовательской политики⁴.

В 1985 г. на заседании Совета Европейского Союза было решено, что в будущем затраты на научно-исследовательскую политику будут составлять около 6 % общего бюджета Сообщества. В связи с этим комиссар ЕС К. Х. Нарьес предоставил новый план следующей рамочной программы с бюджетом 10 млрд ЭКЮ, сниженный впоследствии до 5,4 млрд ЭКЮ. Вторая рамочная программа существовала с 1987 по 1991 г.⁵ В этот период приоритетом служили исследования информационных и коммуникационных технологий.

Третья рамочная программа действовала с 1990 по 1994 г. с бюджетом 5,7 млрд ЭКЮ. Исследовательская деятельность в рамках программы осуществлялась в форме «внутренних»

² Жарова А. К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере : монография. М. : Янус-К, 2016. 248 с.

³ Council resolution of 25 July 1983 on framework programmes for Community research, development and demonstration activities and a first framework programme 1984 to 1987 // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.C_.1983.208.01.0001.01.ENG&toc=OJ:C:1983:208:TOC (дата обращения: 01.02.2019).

⁴ Единый европейский акт (Люксембург, 17 февраля 1986 г. — Гаага, 28 февраля 1986 г.) // Единый европейский акт. Договор о Европейском Союзе. М. : Право, 1994. С. 7—43.

⁵ 87/590/EEC: Council Decision of 14 December 1987 relating to a research and development programme in the field of science and technology for development (1987—91) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A31987D0590> (дата обращения: 01.02.2019).

исследований, проводимых Объединенным исследовательским центром совместных или контрактных исследований и координации исследований. Поощрялось создание или расширение деятельности национальных и региональных ретрансляционных центров для обеспечения более легкого доступа к информации для малых и средних предприятий, а также для частных и государственных исследовательских лабораторий. Маастрихтский договор внес важное дополнение, а именно была снята проблема обоснования исследовательских программ, напрямую не связанных с производством, в частности медицинских и экологических, а также была открыта дорога поддержке социогуманитарных исследований⁶.

Четвертая рамочная программа, существовавшая в период с 1994 по 1998 г., уже с более значительным бюджетом — в 13,2 млрд ЭКЮ⁷, предполагала создание Института перспективных технологических исследований (IPTS), пробный проект по оценке перспектив реализации научно-исследовательской политики (ETAN). Именно тогда Российская Федерация впервые была допущена как полноценный участник программы.

Данная программа включала несколько основных направлений:

- 1) поддержка сотрудничества предприятий через исследования, технологические разработки и проекты;
- 2) сотрудничество с третьими странами и международными организациями;
- 3) распространение и использование научных результатов в Европейском Союзе;

- 4) заинтересованность в подготовке и мобильности кадров в Европейском Союзе.

Пятая программа действовала с 1998 по 2002 г. (бюджет около 15 млрд евро)⁸, среди направлений, освещенных в программе, можно выделить следующие:

- 1) уровень жизни, жизненно необходимые ресурсы;
- 2) технологии и новации информационного общества;
- 3) устойчивое развитие общества, энергетика и окружающая среда;
- 4) стабильный и конкурентоспособный рост ученых.

Помимо вышеперечисленных направлений, в пятую рамочную программу входили так называемые «горизонтальные» программы:

- 1) развитие инновационных групп, малых и средних предприятий;
- 2) обоснование международной значимости проводимых исследований в Сообществе;
- 3) формирование исследовательского потенциала, включая основы социально-экономических знаний.

Примечательно, что пятая рамочная программа отличалась от предыдущих тем, что результаты научных исследований, выполняемых в рамках научно-исследовательских программ, обязаны были иметь практическую значимость для обычных граждан, оказывать воздействие на их повседневную жизнь в различных сферах (образование, здравоохранение, занятость и др.).

Несмотря на то что с 1984 г., то есть с момента создания первой рамочной программы ЕС⁹,

⁶ Талагаева Д. А. История формирования европейского исследовательского пространства: от межправительственных соглашений до рамочных программ ЕС // Вестник Брянского госуниверситета. 2017. № 3.

⁷ Working document of the commission concerning the S&T content of the specific programmes implementing the 4th framework programme for community research and technological development (1994—1998) and the framework programme for community research and training for the European Atomic Energy Community (1994—1998) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51993DC0459&from=EN> (дата обращения: 01.02.2019).

⁸ 1999/168/EC: Council Decision of 25 January 1999 adopting a specific programme for research, technological development and demonstration on a userfriendly information society (1998 to 2002) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:31999D0168> (дата обращения: 01.02.2019).

⁹ Council resolution of 25 July 1983 on framework programmes for Community research, development and demonstration activities and a first framework programme 1984 to 1987 // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:31983R0100>.

были предприняты попытки достижения кооперации в данной области путем поощрения научных исследований, а также обмена информацией, на рубеже миллениума основная цель ЕС была еще малодостижима, что и послужило тому, что в 2000 г. было официально объявлено о создании на территории Европейского Союза единого Европейского исследовательского пространства¹⁰.

Сама предложенная концепция включала несколько основополагающих идей, достижение которых позволило бы повысить главным образом конкурентоспособность европейских научных исследований по сравнению, прежде всего, с американскими и японскими, и, как следствие, увеличить общий объем ВВП¹¹.

Так, среди первоочередных мер были выдвинуты следующие:

1. Оптимизация материальных ресурсов и возможностей на общеевропейском уровне включала в себя, во-первых, реформирование существующей инфраструктуры, в том числе привлечение внимания к европейским информационным центрам, во-вторых, повышение продуктивности европейских исследований путем широкого применения информационно-коммуникационных технологий и возможностей глобальной сети «Интернет» (среди прочего — создание виртуальных баз данных, электронного документооборота и др.).
2. Скоординированное использование государственных инструментов и ресурсов в части повышения кооперации между национальными и европейскими исследовательскими программами и установления более тесных связей между европейскими научно-техническими организациями, среди которых были упомянуты Европейское сотрудниче-

ство в области научно-технических исследований (European Cooperation in the Field of Scientific and Technical Research, COST), Европейское космическое агентство (European Space Agency, ESA), Европейское научное общество (European Science Foundation, ESF).

3. Увеличение динамики частных инвестиций путем косвенного поощрения инвесторов (в том числе фискального характера), а также венчурного финансирования. Одной из важнейших целей, на которую были направлены меры, была названа разработка эффективных инструментов защиты интеллектуальной собственности.
4. Создание единого механизма проведения научно-технических консультаций для реализации политики ЕС. Особо подчеркивалось, что наука и техника играют все более важную роль в осуществлении государственной политики, особенно политики ЕС, так как в различных формах оказывают влияние на разработку нормативных актов и все чаще встречаются в процессе выработки единой скоординированной политики как в области торговых интересов государств-членов, так и для поддержания общемировой безопасности и устойчивого развития. Предоставление наиболее полных и точных научно-технологических справок в ходе проведения консультаций позволило бы проводить более обоснованное и соразмерное экономико-правовое регулирование.
5. Повышение мобильности европейских исследователей и предоставление «свободы выбора». К решению проблемы, связанной с человеческими ресурсами, предлагалось подойти с четырех сторон одновременно. Во-первых, была поставлена задача повысить мобильность ученых-исследователей

europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.C_.1983.208.01.0001.01.ENG&toc=OJ:C:1983:208:TOC (дата обращения: 01.02.2019).

¹⁰ Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the Economic and Social Committee and the Committee of the Regions — Towards a European research area. COM/2000/0006 final // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A52000DC0006> (дата обращения: 01.02.2019).

¹¹ *Иншакова А. О., Кожемякин Д. В.* Рамочные программы Европейского Союза как правовая основа развития и финансирования инновационной экономики региона // *Гражданское право*. 2012. № 5.

(в том числе путем обмена опытом между представителями делового и академического круга). Во-вторых, подчеркивалась необходимость внедрения системы общеевропейских измерений и предоставление учетным из разных государств-членов возможности для реализации их профессионального роста. В-третьих, делался акцент на устранении гендерного дисбаланса и повышении роли и места женщин в научных исследованиях. И наконец, в-четвертых, — повышение интереса молодежи в осуществлении научных исследований.

6. Повышение привлекательности проводимых на территории Европейского Союза научных исследований, в том числе путем обеспечения интеграции научных сообществ Западной и Восточной Европы.
7. Выработка общей политики в отношении научно-этических дилемм: решение вопросов науки и общества в их европейском измерении и выработка общего видения этических вопросов, связанных с наукой и техникой.

В качестве основных финансовых и инструментальных механизмов претворения единого Европейского исследовательского пространства в жизнь стали две последующие рамочные программы, которые, на наш взгляд, имеет смысл осветить более подробно.

Так, Шестая рамочная программа (2002—2006 гг.)¹², бюджет которой составлял около 17,5 млрд евро, предусматривала реализацию мер, выдвинутых в предложении по созданию Европейского исследовательского пространства; среди прочего было предложено создать сеть ведущих исследовательских центров, которые должны были стать основной движущей силой единого европейского пространства; во-вторых, для согласования национальных и наднациональных исследовательских программ была создана специальная структура ERA-NET, которая интегрирует близкие по направленности

программы, в результате такого согласования могли возникать группы, имеющие заметное общественное воздействие; в-третьих, были приняты меры по совершенствованию механизмов защиты интеллектуальной собственности (упрощение процедуры выдачи патентов и т.д.); в-четвертых, был взят курс на активизацию регионов отдельных стран ЕС в сфере исследований и разработок¹³.

Следовательно, к характеристикам единого Европейского исследовательского пространства можно отнести эффективный обмен знаниями (в целом, а также между исследовательскими институтами и предприятиями); грамотно согласованные исследовательские программы и приоритеты (в том числе инициативы от третьих стран); исследовательская инфраструктура (в первую очередь высокоразвитая и доступная, научные «центры превосходства», привлеченные в эффективное частно-государственное партнерство); интенсивный приток компетентных исследователей (их мобильность между институтами, а также между областями и науками); открытость для всех (взаимодействие в решении проблем и с государствами — членами Европейского Союза, и с третьими странами).

К целям шестой рамочной программы можно отнести дальнейшее повышение конкурентоспособности, интегрирование европейской науки на локальном, национальном, международном и региональном уровнях.

Шестую (общую) рамочную программу можно условно подразделить дополнительно на три специальных:

- 1) интеграция и укрепление ERA;
- 2) создание структуры ERA;
- 3) укрепление основ ERA.

Седьмая рамочная программа (2007—2013 гг., бюджет около 53 млрд евро) тесно связана с Лиссабонским договором 2007 г. Договор ознаменовал, что научные исследования и разработки являются самостоятельным

¹² Council Decision of 30 September 2002 adopting a specific programme for research, technological development and demonstration: «Integrating and strengthening the European Research Area» (2002—2006) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32002D0834> (дата обращения: 01.02.2019).

¹³ Звягина Д. А. Научно-технологическое сотрудничество России и ЕС: проблемы и возможности // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2015.

направлением политики ЕС. Приоритетом значилось укрепление научно-технической базы посредством разработки Единого европейского исследовательского пространства¹⁴.

К целям программы относятся¹⁵: создание европейских полюсов научного совершенства благодаря сотрудничеству лабораторий; создание европейских технологических платформ в развивающихся отраслях промышленности; усиление координации между государственными и региональными исследовательскими программами; создание Европейского исследовательского совета для стимулирования креативности передовых исследований и передового опыта; сделать Европу более привлекательной для исследователей; развитие привлекательной европейской базы на основе трансевропейских сетей.

Седьмая рамочная программа вводила четыре основные программы:

1. *Программа «Сотрудничество»* предполагает финансирование проектов в рамках различных областей, а именно: здравоохранение, продовольственное снабжение, сельское хозяйство; информационные и коммуникационные технологии и др.
2. *Программа «Идеи»*. Целью данной программы являлось продвижение творчества, превосходства пограничных исследований. Превосходство должно было быть в центре европейских исследований.
3. *Программа «Люди»* предполагала укрепление человеческого потенциала в Европейском Союзе, расширение возможности передвижения европейских исследователей.

4. *Программа «Возможности»*. Целью программы являлось укрепление исследовательского, инновационного потенциала с помощью международного сотрудничества, поддержки развития исследовательской политики, внедрение науки в общество.

На сегодняшний день в рамках ЕС функционирует восьмая рамочная программа — «Горизонт 2020»¹⁶, способствующая экономическому росту и созданию рабочих мест в ЕС, а также решению основных социальных проблем. Конкурентоспособная экономика, характеризующаяся инновациями, является обязательным условием передачи новых научных знаний и технологических разработок в новые продукты, услуги и процессы.

Для данной программы были установлены нижеследующие приоритеты («специальные» программы)¹⁷:

1. *Передовая наука как основа экономического процветания и благополучия*, включая повышение уровня научных исследований в Европейском Союзе, поддержание конкурентоспособности. Данная специальная программа содержит четыре схемы финансирования, а именно:

— Европейский исследовательский совет: усиление и поддержание существующего научного потенциала европейских стран путем финансирования, выделяемого на конкурсной основе. Гранты Европейского исследовательского совета выделяются для реализации исследовательских проектов, выполняемых научными коллективами, которые включают исследователей из од-

¹⁴ Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества (2007/С 306/01) // URL: <http://eulaw.ru/treaties/teu> (дата обращения: 01.02.2019).

¹⁵ Decision No 1982/2006/EC of the European Parliament and of the Council of 18 December 2006 concerning the Seventh Framework Programme of the European Community for research, technological development and demonstration activities (2007—2013) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32006D1982> (дата обращения: 01.02.2019).

¹⁶ Council Decision of 3 December 2013 establishing the specific programme implementing Horizon 2020 — the Framework Programme for Research and Innovation (2014—2020) and repealing Decisions 2006/971/EC, 2006/972/EC, 2006/973/EC, 2006/974/EC and 2006/975/EC // OJ L 347, 20.12.2013. Pp. 965—1041.

¹⁷ *Кирабаев Н. С., Воробьев А. Е., Каукенова А. С.* Анализ новой рамочной программы Европейского Союза по научно-технологическому и инновационному развитию «Горизонт 2020» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Инженерные исследования. 2012.

- ной или нескольких стран, возглавляемых так называемым ведущим исследователем. Примечательно, что подать заявку на гранты могут как перспективные молодые ученые, так и уже состоявшиеся исследователи, то есть лидеры в своей научной области.
- Программа имени Марии Склодовской-Кюри нацелена на поддержку молодых и опытных исследователей для дальнейшего развития их карьеры с помощью обучения или стажировки за рубежом.
  - Будущие и возникающие технологии предполагают осуществление оптимальных условий для выполнения совместных исследований в новых перспективных областях науки и инноваций.
  - Исследовательская инфраструктура. Финансирование данного приоритета позволяет обеспечить необходимые ресурсы для масштабных проектов.
2. Индустриальное лидерство для поддержания промышленных исследований и специальных инноваций в данной области, а именно:
- облегчение доступа к управлению финансовыми рисками: кредитная линия и собственный капитал, финансирование исследовательских и инновационных проектов с высокой степенью риска, бенефициарами могут быть и компании, и другие юридические лица, находящиеся в государствах — членах ЕС либо ассоциированных государствах;
  - инновации на малых и средних предприятиях (МСП): стимулирование инноваций в малом и среднем бизнесе, технико-экономические обоснования, исследования и поддержка последующих этапов;
  - лидерство во внедрении промышленных технологий, включая ключевые технологии, которые важны для усиления конкурентоспособности промышленности. Это охватывает информационные и коммуникационные технологии, нанотехнологии, современные материалы, биотехнологии, передовые тех-

нологии производства и обработки, а также космос.

3. Социальные вызовы. Программа, направленная на решение основных социальных проблем, таких как:

- здоровье, демографические изменения и благополучие;
- продовольственная безопасность, устойчивое сельское и лесное хозяйство, исследования морских и морских внутренних вод и биоэкономика;
- безопасная, чистая и эффективная энергия;
- умный, зеленый и интегрированный транспорт;
- климатическое воздействие, окружающая среда, ресурсоэффективность и полезные ископаемые;
- инклюзивность, инновации и безопасность в интересах общества.

Общий бюджет «Горизонта 2020» составил около 80 млрд евро.

Как отмечает профессор А. Х. Абашидзе, «“Горизонт 2020” уделяет особое внимание коммерциализации результатов научно-исследовательских проектов. Впервые на европейском уровне представлена непрерывная поддержка разработок от идеи до рынка. Предпринята попытка создать единый механизм поддержки всех стадий инновационной цепочки с тем, чтобы максимально поддержать вывод продукта на рынок»¹⁸.

Немаловажной задачей «Горизонта 2020» является сотрудничество не только с государствами — членами Европейского Союза, но и с третьими странами. Во исполнение поставленной задачи Европейская комиссия в 2008 г. разработала Европейскую рамочную стратегию международной научно-технической кооперации для работы по стратегически важным направлениям с третьими странами. К таким направлениям относятся: бедность, изменение климата, безопасность людей, инфекционные болезни и многое другое. Реализацией данной задачи является создание двух новых институ-

¹⁸ Абашидзе А. Х. Право Европейского Союза. Ч. 2. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт, 2018. 105 с.

тов — Европейского партнерства в области международного сотрудничества и Стратегического форума по международному сотрудничеству в области науки и технологии.

Научно-техническое сотрудничество ЕС и России развивается достаточно динамично как на двусторонней, так и многосторонней основе¹⁹. В 1994 г. Россия и ЕС подписали Соглашение о партнерстве и сотрудничестве», а с 2007 г. данное Соглашение продлевается на 1 год. Именно вышеуказанное соглашение является первой правовой основой взаимоотношений между Россией и Европейским Союзом. В сфере науки и технологий в 2000 г. было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским Сообществом о сотрудничестве в области науки и технологий, а чуть позже, в 2005 г., — Дорожная карта по общему пространству науки и образования.

Россия активно поддерживает проекты Европейского Союза по развитию научно-технологических возможностей. Рамочные программы стали «важным механизмом взаимодействия Российской Федерации и Европейского Союза, позволив российской стороне стать частью инновационного пространства Европы и получить финансирование для лучших проектов»²⁰.

По мнению Д. В. Громовой, рамочные программы открывают для российской стороны такие перспективы, как повышение квалификации кадров; информационная коммуникация и обмен знаниями в сфере науки и технологий и т.д. Вместе с тем стоит согласиться с мнением Дарьи Владимировны о том, что существуют действительные проблемы в России, которые тормозят научное и технологическое развитие, укрепление сотрудничества Российской Феде-

рации с иностранными государствами, с некоторыми из которых приходилось сталкиваться и ЕС на начальных этапах реформирования. Так, можно отметить слабую фискальную политику (в аспекте недостаточности косвенного стимулирования частных инвестиций), явные недостатки в законодательной базе, в частности отсутствие эффективной законодательной базы в сфере авторского права, — очевидные факторы, затрудняющие развитие России.

Н. В. Шелюбская к недостаткам научного потенциала Российской Федерации относит отсутствие достаточно четкой позиции относительно национальных приоритетов инновационного развития, приоритетов в области международного сотрудничества, согласование внутриведомственной и межведомственной финансовой и организационной политики в области международного сотрудничества²¹. Кроме того, надлежит стимулировать российских исследователей к участию в европейских программах, а также улучшить привлекательность российских программ для европейских исследователей.

Подводя итоги, можно отметить, что на сегодняшний день Европейский Союз является одним из мировых лидеров в области исследований и инноваций. Именно научные знания, опыт, высокие стандарты проведения исследований, развитая научно-исследовательская инфраструктура являются гарантией многолетнего успешного сотрудничества ЕС с другими странами. Сотрудничество России и ЕС в области научно-технического сотрудничества развивается достаточно активно. Продуктивность взаимодействия ЕС и России во многом зависит от «реализации совместных проектов, направленных на разработку совместных образовательных

¹⁹ Лукша О. П., Пильнов Г. Б., Шписбергер М., Яновский А. Э. Новая модель многостороннего российско-европейского научно-технического сотрудничества по схеме ERA-Net // Инновации. 2013. № 5 (175).

²⁰ Громова Д. В. Рамочные программы как инструмент взаимодействия Европейского Союза и Российской Федерации в области научно-технологического сотрудничества // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 6 (32).

²¹ Шелюбская Н. В. Создание единого европейского научного пространства и роль государства // URL: <http://viperson.ru/articles/sozdanie-edinogo-evropeyskogo-nauchnogo-prostranstva-i-rol-gosudarstva> (дата обращения: 16.01.2019).

программ»²². Как в ЕС, так и в России разработка эффективной инновационной политики и программ для развития экономики, основанной на знаниях, и повышение эффективности инвестиций в исследования и разработки, и занимает важное место.

«Горизонт 2020» является крупнейшей на сегодняшний день в истории Европейского Союза

программой по исследованиям и инновациям с бюджетом около 80 млрд евро, рассчитанным на 7 лет (с 2014 г. по 2020 г.). «Горизонт 2020» полностью открыт для участия организаций со всего мира во всех частях программы, и многие темы отмечены как имеющие особое значение для сотрудничества с партнерами и за пределами Европейского Союза.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абашидзе А. Х.* Право Европейского Союза. Ч. 2. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. — М. : Юрайт, 2018. — 105 с.
2. *Громова Д. В.* Рамочные программы как инструмент взаимодействия Европейского Союза и Российской Федерации в области научно-технологического сотрудничества // Вестник Томского государственного университета. История. — 2014. — № 6 (32).
3. *Гуськова Н. Д., Сушкова Ю. Н.* Европейская интеграция в контексте европейских исследований: реалии и перспективы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2015. — № 1 (33).
4. *Жарова А. К.* Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере : монография. — М. : Янус-К, 2016. — 248 с.
5. *Звягина Д. А.* Научно-технологическое сотрудничество России и ЕС: проблемы и возможности // Актуальные проблемы современности: наука и общество. — 2015.
6. *Иншакова А. О., Кожемякин Д. В.* Рамочные программы Европейского Союза как правовая основа развития и финансирования инновационной экономики региона // Гражданское право. — 2012. — № 5.
7. *Кирабаев Н. С., Воробьев А. Е., Каукенова А. С.* Анализ новой рамочной программы Европейского Союза по научно-технологическому и инновационному развитию «Горизонт 2020» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Инженерные исследования. — 2012.
8. *Лукша О. П., Пильнов Г. Б., Шписбергер М., Яновский А. Э.* Новая модель многостороннего российско-европейского научно-технического сотрудничества по схеме ERA-Net // Инновации. — 2013. — № 5 (175).
9. *Талагаева Д. А.* История формирования европейского исследовательского пространства: от межправительственных соглашений до рамочных программ ЕС // Вестник Брянского госуниверситета. — 2017. — № 3.
10. *Шелюбская Н. В.* Создание единого европейского научного пространства и роль государства // URL: <http://viperson.ru/articles/sozдание-edinogo-evropeyskogo-nauchnogo-prostranstva-i-rol-gosudarstva> (дата обращения: 16.01.2019).

Материал поступил в редакцию 1 февраля 2019 г.

²² *Гуськова Н. Д., Сушкова Ю. Н.* Европейская интеграция в контексте европейских исследований: реалии и перспективы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 1 (33).

FORMATION OF A EUROPEAN RESEARCH AREA IN EVOLUTION OF LEGAL REGULATION OF EUROPEAN RESEARCH²³

SLEPAK Vitaliy Yurevich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
vitaliy.slepak@gmail.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

ARIYANTS Anna Ashotovna, Postgraduate of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
anna.ariyants@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *Since the end of the 20th century in Europe, there has been a tendency to accumulate scientific knowledge, increase the level of competitiveness of European research and the mobility of scientists themselves.*

The goals and objectives set by the European Union are realized through the creation of a single European research area and the implementation of special framework programs.

It is determined that today the European Union is one of the world leaders in research and innovation. It is scientific knowledge, experience, high standards of research, developed research infrastructure that guarantee many years of successful cooperation between the EU and other countries. Contacts between Russia and the EU in the field of scientific and technical cooperation are developing quite actively. Both in the EU and in Russia, the development of effective innovation policies and programs is important for the development of a knowledge-based economy and an increase in the efficiency of investments in research and development.

Keywords: *European research area, EU law, European Research Council, Horizon 2020, grant funding for science.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abashidze A. H. Pravo Evropejskogo Soyuz. Ch. 2. Uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury. — M. : Yurajt, 2018. — 105 s.
2. Gromova D. V. Ramochnye programmy kak instrument vzaimodejstviya Evropejskogo Soyuz. i Rossijskoj Federacii v oblasti nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. — 2014. — № 6 (32).
3. Gus'kova N. D., Sushkova Yu. N. Evropejskaya integraciya v kontekste evropejskih issledovanij: realii i perspektivy // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki. — 2015. — № 1 (33).
4. Zharova A. K. Pravo i informacionnye konflikty v informacionno-telekommunikacionnoj sfere : monografiya. — M. : Yanus-K, 2016. — 248 s.
5. Zvyagina D. A. Nauchno-tehnologicheskoe sotrudnichestvo Rossii i ES: problemy i vozmozhnosti // Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo. — 2015.
6. Inshakova A. O., Kozhemyakin D. V. Ramochnye programmy Evropejskogo Soyuz. kak pravovaya osnova razvitiya i finansirovaniya innovacionnoj ekonomiki regiona // Grazhdanskoe pravo. — 2012. — № 5.

---

²³ The paper is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Research Project No. 18-29-15028 «Comparative Analysis of the Best Practices of Statutory Regulation of Grant (Project) Funding for Research and Development at the National and International Levels».

7. Kirabaev N. S., Vorob'yov A. E., Kaukenova A. S. Analiz novej ramoshnoj programmy Evropejskogo Soyuzha po nauchno-tehnologicheskomu i innovacionnomu razvitiyu «Gorizont 2020» // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya : Inzhenernye issledovaniya. — 2012.
8. Luksha O. P., Pil'nov G. B., Shpisberger M., Yanovskij A. E. Novaya model' mnogostoronnego rossijsko-evropejskogo nauchno-tehnicheskogo sotrudnichestva po skheme ERA-Net // Innovacii. — 2013. — № 5 (175).
9. Talagaeva D. A. Istoriya formirovaniya evropejskogo issledovatel'skogo prostranstva: ot mezhpriatel'stvennyh soglashenij do ramoshnyh programm ES // Vestnik Bryanskogo gosuniversiteta. — 2017. — № 3.
10. Shelyubskaya N. V. Sozdanie edinogo evropejskogo nauchnogo prostranstva i rol' gosudarstva // URL: <http://viperson.ru/articles/sozdanie-edinogo-evropejskogo-nauchnogo-prostranstva-i-rol-gosudarstva> (data obrashcheniya: 16.01.2019).

К. С. Раманкулов*

Тенденция неустойчивой занятости: особенности ее проявления в трудовом законодательстве и проблемы влияния норм иной отраслевой принадлежности на сферу труда с учетом международных трудовых стандартов (по материалам государств Евразийского экономического союза)¹

***Аннотация.** В статье отмечается, что концептуализация базовых понятий, относящихся к неустойчивой занятости, и принятие адекватных данным отношениям норм и правовых актов в системе трудового законодательства государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС) находятся на подготовительных стадиях.*

В статье особенности проявления неустойчивой занятости в трудовом законодательстве стран ЕАЭС анализируются на примере норм о срочном трудовом договоре с учетом международных трудовых стандартов. В трудовом законодательстве стран ЕАЭС прослеживается тенденция расширения сфер действия срочных трудовых договоров, в том числе в сторону снижения уровня правовых гарантий работников (ст. 41 ТК Беларуси, ст. 30 ТК Казахстана, ст. 82 ТК Кыргызстана, ст. 348.12 ТК России), которая вступает в противоречие с правилами Рекомендации МОТ № 166 о прекращении трудовых отношений по инициативе работодателя (ст. 3) и фундаментальной Конвенцией № 105 об упразднении принудительного труда (ст. 1), ратифицированной всеми государствами Евразийского экономического союза. В статье в контексте проявления неустойчивой занятости анализируются проблемы влияния норм иной отраслевой принадлежности на сферу труда (на примере Кыргызстана). Отмечено, в частности, что практика применения патентной системы для регулирования сферы труда не способствует решению вопросов легализации трудовых отношений, а налоговые органы не мотивированы доказывать наличие трудовых, а не гражданско-правовых отношений даже в тех случаях, когда они отвечают признакам, закрепленным в Рекомендации МОТ № 198 о трудовом правоотношении и в ст. 13 ТК Кыргызстана. Формулируется вывод в отношении установленных Законом КР от 25 мая 2007 г. № 72 и постановлением Правительства КР от 17 декабря 2018 г. № 586 ограничений деятельности трудовых инспекций как противореча-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00517).

© Раманкулов К. С., 2019

* Раманкулов Кубанычбек Советович, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского, трудового и экологического права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына
ramaks65knu@mail.ru
720060, Кыргызская Республика, г. Бишкек, мкр. Асанбай, д. 36, кв. 18

щих приоритетной Конвенции МОТ № 81 об инспекции труда в промышленности и торговле (ч. 1 ст. 12), ратифицированной Кыргызстаном. Выявлены серьезные несоответствия мер по дерегуляции административной ответственности задачам трудового законодательства Кыргызстана по противодействию неустойчивой занятости.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, неустойчивая занятость, международные трудовые стандарты, трудовое законодательство, срочный трудовой договор, правовые гарантии, ответственность.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.153-165

Концептуальные основы исследования неустойчивой занятости в государствах Евразийского экономического союза

В современных условиях сфера труда претерпевает значительную трансформацию, обусловленную становлением постиндустриального общества, несущего с собой новые технологии и методы управления, в ходе которой изменяется сложившаяся структура занятости. Диверсификация сложившейся (стандартной, типичной) модели занятости в основном происходит посредством увеличения удельного веса нетипичных форм трудовой занятости, которые предполагают применение более гибких методов правового регулирования трудовых отношений. Однако по мере повышения гибкости регулирования трудовых отношений, «ухода от

“стандартной занятости” неустойчивость становится имманентным свойством современных трудовых отношений»². Поэтому вопросы неустойчивости занятости становятся весьма актуальными с точки зрения теории и практики трудового права и некоторых правовых актов, связанных с регулированием отношений сферы труда.

На проблему неустойчивости занятости (прекаризации³; в англоязычной литературе — precarious employment, precarious work, precariousness) обращали внимание многие зарубежные авторы литературы по философии, социологии, экономике⁴. К этой проблеме в последнее время в литературе России и некоторых других государств ЕАЭС, особенно в экономической и социологической, отмечается повышенный интерес⁵. Важно отметить, что в

² Бобков В. Н., Локтюхина Н. В., Квачев В. Г. Научно-исследовательский анализ российской теории неустойчивой занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 4. С. 10.

³ Прекаризация (от англ. precarious и лат. precarium — сомнительный, опасный, рискованный, негарантированный, нестабильный, стоящий на песке) — трудовые отношения, которые могут быть расторгнуты работодателем в любое время, также дерегуляция трудовых отношений и неполноценная, ущемленная правовая и социальная гарантия занятости. Это явление охватило значительную часть наемных работников и в связи с этим высказывается точка зрения, что на смену понятию «пролетариат» пришло новое понятие — «прекариат» (см.: URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1327896> (дата обращения: 11.06.2019)).

⁴ Например: Polanyi K. The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time. Beacon Press Boston. Originally published: New York : Farrar & Rinehart, 1944 and reprinted in 1957 by Beacon in Boston. 317 p. URL: https://inctpped.ie.ufrj.br/spiderweb/pdf_4/Great_Transformation.pdf (дата обращения: 11.06.2019) ; Kalleberg A. L. Work Values and Job Rewards: A theory of Job Satisfaction // American sociological review. Vol. 42. No. 1 (Feb., 1977). Pp. 124—143 ; Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005. 390 с. URL: http://socioline.ru/files/5/39/bauman_zigmunt_-_individualizirovannoe_obshchestvo-2005.pdf (дата обращения: 11.06.2019) ; Стэндинг Г. Прекариат : Новый опасный класс. М. : Ад Маргинем, 2014. 328 с.

⁵ Бобков В. Н., Квачев В. Г., Локтюхина Н. В. Неустойчивая занятость: экономико-социологический генезис понятия // Вестник ВГУ. Серия : Экономика и управление. 2016. № 4. С. 81—86 ; Неустойчивая занятость

данных исследованиях осуществляется концептуализация понятия неустойчивой занятости, формирование ее теоретико-методологических основ изучения, в том числе с позиции междисциплинарного характера проблем неустойчивой занятости.

Следует заметить, что проявления неустойчивости в сфере трудовых отношений отмечались и в условиях советской системы организации общественного труда, а в трудовом законодательстве того периода существовали необходимые правовые конструкции, направленные на регулирование нетипичных (гибких)⁶ трудовые отношения (срочные трудовые договоры, работа на условиях неполного рабочего времени и др.). Но при этом представляется невозможным вывод о перманентном характере неустойчивости в сфере социально-трудовых отношений в указанный период.

Развитие и распространение нетипичных (гибких) форм занятости в странах ЕАЭС, отклоняющихся от сложившегося понятия «полная занятость», отмечается с распадом Союза ССР и началом рыночных преобразований в постсо-

ветских республиках. Примечательно, что сразу же в начале 90-х в этих республиках стали приниматься законы, относящиеся к области занятости, а в последующем впервые вводятся в систему договорного регулирования труда конструкции договора об общественных работах, которые по определению характерны для неустойчивой занятости. Последующее становление в государствах — членах ЕАЭС постиндустриального общества и связанные с ними технологические процессы ведут к дальнейшему размыванию стандартной (типичной) модели занятости, значительно актуализируя проблему неустойчивости занятости в государствах — членах ЕАЭС, характерную для большинства стран с переходной экономикой.

Различным аспектам неустойчивой занятости в законодательстве о труде государств — членов ЕАЭС посвящено значительное количество исследований⁷, что объясняется близостью основных вопросов проблемы неустойчивой занятости областям теории и практики правового регулирования трудовых отношений в данных государствах. Вместе с тем непосредственно ин-

---

в Российской Федерации: состояние и направления снижения / гл. науч. ред. В. Н. Бобков, зам. гл. ред. Н. В. Локтюхина. М., 2018. 80 с. ; *Исаков К. И.* Оптимизация политики занятости и регулирование рынка труда // Вестник КРСУ. 2003. № 1. С. 3—12 ; *Мраморнова О. В., Иванова Н. А., Абуова Ж. У.* Возникновение и развитие прекариата в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительный анализ // Изв. Саратов. ун-та. Серия : Экономика. Управление. Право. 2018. Вып. 3. С. 259—266.

⁶ Следует отметить, что понятие гибкости в трудовом законодательстве государств Евразийского экономического союза продолжает оставаться неопределенным.

⁷ *Головина С. Ю.* Роль трудового права в обеспечении экономического развития государства // Право, политика, и экономика в современном мире: вызовы XXI века : Доклады исполнительного комитета к Десятой сессии Европейско-Азиатского правового конгресса. Екатеринбург : Изд. дом УРГЮУ, 2016 ; *Куренной А. М.* Гибкость в сфере труда: современные российские реалии // Современные тенденции в развитии трудового права и права социального обеспечения : материалы международной научно-практической конференции / под ред. К. Н. Гусова. М., 2007. С. 325—332 ; *Нурғалиева Е. Н.* Трудовое право как форма реализации социальной политики Республики Казахстан // Трудовое право в России и за рубежом. 2015. № 4. С. 47—51 ; *Моцная О. К.* Нетипичная трудовая занятость: некоторые проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с. ; *Томашевский К. Л.* Компьютерное надомничество (телеработа) как одна из гибких форм занятости в XXI в. // Трудовое право в России и за рубежом. 2011. № 3. С. 32—35 ; *Захарян Ю. А.* Развитие норм о трудовом договоре в трудовом законодательстве Республики Армения // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 111—113 ; *Закалюжная Н. В.* Особенности, возникающие при реализации прав работника в дистанционном трудовом отношении // Трудовое право в России и за рубежом. 2015. № 4. С. 42—26 ; *Лушников А. М., Кириллова Л. С.* Нетипичные трудовые договоры: гибкость и стабильность юридической конструкции // Вестник ЯрГУ. Серия : Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 46—50.

интерес исследователей к этой проблеме в трудовом праве государств — членов ЕАЭС появился в последнее время⁸, а концептуализация базовых понятий, относящихся к неустойчивой занятости, и принятие адекватных данным отношениям норм и правовых актов в системе трудового законодательства этих стран находятся на подготовительных стадиях.

Необходимо отметить, что распространение нетипичных (нестандартных) форм занятости, отклоняющихся от сложившегося понятия «полная занятость», было признано Резолюцией о Международной классификации статуса занятости (ICSE), принятой XV Международной конференцией статистиков труда (январь 1993 г.), которая регулярно проходит под эгидой МОТ⁹. В этом международно-правовом акте дано определение ненадежной (нестабильной) работе с использованием института срочного трудового договора (контракта). При этом подчеркивается, что это может быть: случайная работа (по устному или письменному договору (контракту), который не предполагает долгосрочных отношений в будущем, а предусмотрен на достаточно короткий период времени); сезонная работа; увольнение без заблаговременного предупреждения или по собственной воле. По

истечении 10 лет, учитывая распространение гибких (нестандартных) форм занятости МОТ вводит в официальный оборот термин «прекаризация» и правовые критерии договорных отношений между работодателем и наемным работником: ограниченный срок действия договора, характер трудовых отношений, нестандартные условия¹⁰. Эти положения данных актов дополняют и конкретизируют некоторые принятые международные правовые стандарты труда¹¹ с учетом тенденции распространения нетипичных (нестандартных) форм занятости во многих странах мира. Очевидно, что принятие других международных правовых актов в области нетипичных (нестандартных) форм занятости будет продолжено.

Некоторые проявления неустойчивой занятости в трудовом законодательстве стран ЕАЭС и проблемы норм иной отраслевой принадлежности в сфере труда (на примере Кыргызстана)

Современное развитие трудового законодательства в государствах Евразийского экономического союза характеризуется постоянным поиском оптимального баланса между предусмотрен-

⁸ Базылева М. Н. Нестандартные отношения и развитие контрактной системы найма в Республике Беларусь // Экономика и управление. 2012. № 2. С. 111—117; Лютов Н. Л. Предложения по внесению изменений и дополнений в российское трудовое законодательство // Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения / гл. науч. ред. В. Н. Бобков, зам. гл. ред. Н. В. Локтюхина. М., 2018. С. 36—60; Он же. Дистанционный труд: опыт Европейского Союза и проблемы правового регулирования в России // Lex Russica. 2018. № 10. С. 30—39; Хасенов М. Х. Правовое регулирование деятельности самозанятого населения // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 19—22.

⁹ Resolution concerning the International Classification of Status in Employment (ICSE), adopted by the Fifteenth International Conference of Labour Statisticians (January 1993) // URL: https://www.ilo.org/global/statistics-and-databases/standards-and-guidelines/resolutions-adopted-by-international-conferences-of-labour-statisticians/WCMS_087562/lang--en/index.htm (дата обращения: 11.06.2019).

¹⁰ From precarious work to decent work: outcome document to the workers' symposium on policies and regulations to combat precarious employment / International Labour Office, Bureau for Workers' Activities. Geneva : ILO, 2012. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_dialogue/@actrav/documents/meetingdocument/wcms_179787.pdf (дата обращения: 11.06.2019).

¹¹ Конвенция МОТ № 158 о прекращении трудовых отношений по инициативе работодателя (1982 г.) // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c158_ru.htm (дата обращения: 11.06.2019); Конвенция № 105 об упразднении принудительного труда (1957 г.) // URL: www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---.../wcms_c105_ru.htm (дата обращения: 11.06.2019).

ными в ТК этих стран целями трудового законодательства, направленными на установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, созданием благоприятных условий труда, защиты прав и интересов работников и работодателей. При этом трудовое законодательство в государствах Евразийского экономического союза направлено на создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, а также интересов указанных государств.

Заметным стало влияние тенденции неустойчивой занятости на базовые основы организации сферы самостоятельного (наемного) труда в государствах Евразийского экономического союза, отразившееся в трудовых законодательствах этих государств тем, что в числе основных принципов в них не наблюдается принципа стабильности трудового правоотношения¹².

Ощутимо влияние тенденции неустойчивой занятости и на прямые способы регулирования рынка труда, например государственно-правовое регулирование трудовых отношений, в частности посредством установления правовых норм о видах трудового договора и о прекращении трудового договора. Учитывая широкое распространение срочного трудового договора в государствах Евразийского экономического союза, рассмотрим нормы об этом виде трудового договора в соотношении с международными стандартами труда.

Появление контракта (термин, в большинстве используемый старыми кодексами стран ЕАЭС), получившего широкое распространение с началом 1990-х гг., показало выгодность контракта для нанимателя, но было связано с

серьезным ущемлением трудовых прав работника. При этом контракты, т.е. срочные трудовые договоры, стали, вопреки законодательству, вытеснять договоры на неопределенный срок. В действующих ТК большинства государств Евразийского экономического союза, с учетом негативного опыта контрактной системы заключения трудовых отношений, законодатели этих стран исключили термин «контракт», заменив его более традиционным для национальных систем трудового права указанных государств понятием «срочный трудовой договор».

Исключение в данном вопросе составляет трудовое законодательство Республики Беларусь, в которой сохраняется контракт как средство регулирования индивидуальных трудовых отношений. При этом отличительными особенностями контракта в Республике Беларусь является то, что порядок его заключения регулируется не ТК Республики Беларусь, а Декретом Президента Республики Беларусь № 29¹³, согласно которому контракт может заключаться и для выполнения работы, которая имеет постоянный характер (п. 2). В связи с этим представляется, что данные правила не соответствуют положениям Рекомендации МОТ № 166 о прекращении трудовых отношений по инициативе работодателя¹⁴, предусматривающей ограничение использования договоров о найме на определенный срок случаями, когда, учитывая характер предстоящей работы или условия ее выполнения или интересы работника, трудовые отношения не могут устанавливаться на неопределенный срок (пп. «а» п. 2 ст. 3).

Сравнительный анализ норм о срочном трудовом договоре позволяет отметить, что

¹² Следует отметить, что принцип стабильности трудовых отношений среди ТК государств Евразийского экономического союза декларируется только в ТК Республики Армения (п. 8 ч. 1 ст. 3). При этом мы оставляем за пределами данной статьи вопрос о реальности действия данной нормы.

¹³ Декрет Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь // URL: <http://pravo.by/document/?guid=3961&p0=PD9900029> (дата обращения: 11.06.2019).

¹⁴ ILO Termination of Employment Recommendation, 1982 (№ 166). Recommendation concerning Termination of Employment at the Initiative of the Employer. Adoption: Geneva, 68th ILC session (22 Jun 1982) // ILO Normlex Database. URL: http://ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:R166 (дата обращения: 11.06.2019).

наиболее либеральным в этой сфере является действующий ТК Казахстана, в котором прослеживается тенденция передачи на усмотрение сторон соглашения некоторых правовых гарантий, предусмотренных международными трудовыми стандартами¹⁵, в том числе в сторону их снижения, что вступает в противоречие с правилами ч. 4 ст. 8 ТК Казахстана и с общими положениями построения системы источников национального трудового законодательства с учетом нератифицированных Конвенций МОТ, установленных Декларацией МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизма ее реализации¹⁶. Согласно указанной Декларации МОТ (ст. 2) все государства-члены, даже если они не ратифицировали указанные Конвенции, имеют обязательство, вытекающее из самого факта их членства в Организации, соблюдать, содействовать применению и претворять в жизнь добросовестно в соответствии с уставом принципы, касающиеся основополагающих прав, которые являются предметом соответствующих конвенций МОТ.

В соответствии со ст. 30 ТК Казахстана¹⁷ при истечении срока трудового договора стороны вправе продлить его на неопределенный или определенный срок не менее одного года. Для сравнения следует отметить, что согласно ранее действовавшему ТК Казахстана (ст. 29)¹⁸ при продлении срока трудового договора он считался заключенным на неопределенный срок.

В соответствии с ч. 1 ст. 30 ТК Казахстана количество продлений срока трудового договора, заключенного на определенный срок не менее одного года, не может превышать двух раз. При этом нет ограничений по количеству перезаключений этого вида трудового договора, заключаемого на сроки более одного года. Очевидно, что отсутствие правил, ограничивающих число перезаключений срочных трудовых договоров, способствует расширению необоснованного использования договоров о найме на определенный срок. Таким образом, отмеченные правила ст. 30 ТК Казахстана не вполне соответствуют требованиям по предоставлению правовых гарантий против использования договоров о найме на определенный срок. В статье 3 Рекомендации МОТ № 166 о прекращении трудовых отношений по инициативе работодателя, например, предусматривается применение следующих мер:

- a) ограничить использование договоров о найме на определенный срок случаями, когда, учитывая характер предстоящей работы или условия ее выполнения, или интересы работника, эти трудовые отношения не могут устанавливаться на неопределенный срок;
- b) считать договоры о найме на определенный срок, за исключением случаев, указанных в пп. 2а настоящего пункта, договорами о найме на неопределенный срок;
- c) считать договоры о найме на определенный срок и продлевавшиеся один или несколько

¹⁵ Конвенция МОТ № 158 о прекращении трудовых отношений по инициативе работодателя (1982 г.) Республикой Казахстан не ратифицировалась. В то же время частью 3 ст. 2 ТК Казахстана предусматривается, что если международным договором, ратифицированным Республикой Казахстан, установлены иные правила, чем те, которые содержатся в настоящем Кодексе, то применяются правила международного договора. Международные договоры, ратифицированные Республикой Казахстан, к трудовым отношениям применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона.

¹⁶ Декларация МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации. Принята Генеральной конференцией Международной организации труда на ее 86-й сессии, Женева, 18 июня 1998 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ilo_principles.shtml (дата обращения: 11.06.2019).

¹⁷ Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г. № 414-V // URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 11.06.2019).

¹⁸ Трудовой кодекс Республики Казахстан от 15 мая 2007 г. № 251-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.07.2015) (утратил силу) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30103567#pos=988;-43 (дата обращения: 11.06.2019).

раз, за исключением случаев, указанных в пп. 2а настоящего пункта, договорами о найме на неопределенный срок.

В действующем трудовом законодательстве России и Кыргызстана понятие срочного трудового договора было значительно расширено, включив в себя все виды договоров, не являющихся договорами, заключенными на неопределенный срок (ст. 59 ТК России, ст. 55 ТК Кыргызстана). Законами и подзаконными актами государств Евразийского экономического союза действие срочных трудовых договоров¹⁹ было диверсифицировано на многие отрасли экономики (госслужба, образование и наука, здравоохранение, промышленное производство и т.д.).

Важными элементами, связанными с возможными проявлениями неустойчивой занятости, являются средства прекращения срочного трудового договора по инициативе работника. В этом контексте проявления неустойчивой занятости, по смыслу понятия «прекаризация» в вышеуказанных международных правовых документах²⁰, могут быть трудовые отношения с неполноценной, ущемленной правовой и социальной гарантией свободы трудового договора. Поэтому, наряду с отмеченными ранее несоответствиями международным стандартам труда, в случаях прекращения срочного трудового договора по инициативе работника речь идет о соответствии этих норм основополагаю-

щему принципу запрета принудительного труда. Следует отметить, что данный принцип получил закрепление в Конвенции № 29 о принудительном труде (1930 г.)²¹ и Конвенции № 105 об упразднении принудительного труда (1957 г.)²², которые были ратифицированы всеми государствами Евразийского экономического союза.

В соответствии со ст. 41 ТК Беларуси срочный трудовой договор подлежит расторжению досрочно по требованию работника в случае его болезни или инвалидности, иных уважительных причин, препятствующих выполнению работы по трудовому договору, а также в случае нарушения нанимателем законодательства о труде, коллективного договора, трудового договора. Кроме того, согласно Декрету Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. стороны, заключившие срочный контракт, не могут расторгнуть этот договор досрочно по собственному желанию. В итоге работник, заключивший срочный трудовой договор или трудовой контракт, имеет ограничения в праве на досрочное расторжение трудового договора при отсутствии уважительных причин. На это несоответствие в литературе обращалось внимание белорусских ученых²³.

С. Ю. Головина обоснованно рассматривает содержание ст. 82 ТК Кыргызстана как экономическое принуждение к труду, которая также ограничивает возможности срочного трудово-

¹⁹ Широкое распространение контракта в Беларуси, в частности, отмечается М. Н. Базылевой. См.: Базылева М. Н. Указ. соч. С. 116.

²⁰ Resolution concerning the International Classification of Status in Employment (ICSE), adopted by the Fifteenth International Conference of Labour Statisticians (January 1993) // URL: https://www.ilo.org/global/statistics-and-databases/standards-and-guidelines/resolutions-adopted-by-international-conferences-of-labour-statisticians/WCMS_087562/lang--en/index.htm (дата обращения: 11.06.2019) ; From precarious work to decent work: outcome document to the workers' symposium on policies and regulations to combat precarious employment / International Labour Office, Bureau for Workers' Activities. Geneva : ILO, 2012 // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_dialogue/@actrav/documents/meetingdocument/wcms_179787.pdf (дата обращения: 11.06.2019).

²¹ Конвенция № 29 о принудительном или обязательном труде (1930 г.) // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c029_ru.htm (дата обращения: 11.06.2019).

²² URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c105_ru.htm (дата обращения: 11.06.2019).

²³ Томашевский К. Л. Очерки трудового права. История, философия, проблемы систем и источников. Минск, 2009. С. 329.

го договора до истечения его срока²⁴. Согласно ч. 6 ст. 82 при расторжении трудового договора без уважительных причин работодатель вправе потребовать от работника компенсацию в размере, предусмотренном трудовым договором, но не превышающем размера среднемесячной заработной платы. Аналогично можно рассматривать и содержание ч. 3, 4, 5 ст. 348.12 ТК России, которые предусматривают, что в трудовом договоре спортсмена могут содержаться условия об обязанности спортсмена произвести в пользу работодателя денежную выплату в случае увольнения по собственному желанию без уважительной причины, а также в случае расторжения трудового договора по инициативе работодателя, который относится к дисциплинарным взысканиям. Таким образом, рассмотренные нормы, содержащиеся в трудовом законодательстве вышеуказанных государств Евразийского экономического союза, являются противоречащими международному принципу запрета принудительного труда. В статье 1 Конвенции № 105 об упразднении принудительного труда (1957 г.) устанавливается, что «каждый член Международной организации труда, ратифицирующей настоящую Конвенцию, обязуется упразднить принудительный или обязательный труд и не прибегать к какой-либо его форме, в частности: <...> b) в качестве метода мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития; c) в качестве средства поддержания трудовой дисциплины...»

Очень важной тенденцией в развитии трудового законодательства, связанной с проявлениями неустойчивой занятости, стало действие в сфере регулирования труда правовых средств иной отраслевой принадлежности, основные цели и задачи которых не ориентированы на регулирование трудовых отношений. К основным

целям этих правовых средств относятся регулирование отношений в области налогообложения и обязательных социальных платежей, отношений по развитию предпринимательской деятельности и обеспечения привлекательной инвестиционной среды и т.д. Тем не менее влияние этих правовых средств на сферу регулирования труда становится весьма существенным, а результаты их действия оказываются противоречащими международным стандартам труда. Рассмотрим эту проблему на примере Кыргызской Республики (КР).

Так, одним из наиболее распространенных средств налоговой политики, непосредственно связанной с областью обеспечения занятости, явилась система трудоустройства на основе патентов. Впервые система патентов в Кыргызстане была введена постановлением Правительства КР от 12 августа 1996 г. № 378²⁵. В последующем эта система была дополнена и конкретизирована другими постановлениями Правительства КР, направленными на стимулирование развития и последующей легализации швейного (трикотажного) производства (той части, которая находилась в неформальном секторе экономики). Системой патентов предусматривается, что вместо общих устанавливаемых для работодателей²⁶ взносов, выплачиваемых в Пенсионный фонд, Фонд обязательного медицинского страхования и Фонд оздоровления трудящихся в общей сумме 17,25 % от заработной платы, работодатели (независимо от организационно-правовой формы юридического лица, вида собственности и отрасли экономики) могут приобрести патент по упрощенной системе налогообложения и выплачивать лишь 10 %. Наиболее льготный режим предложен работодателям — индивидуальным предпринимателям для отрасли швейного (трикотажного)

²⁴ Евразийское трудовое право : учебник / Е. А. Волк, Е. С. Герасимова, С. Ю. Головина [и др.] ; под общ. ред. М. В. Лушниковой, К. С. Раманкулова, К. Л. Томашевского. М., 2018. С. 290.

²⁵ Постановление Правительства Кыргызской Республики от 12 августа 1996 г. № 378 «О декларировании доходов и уплате подоходного налога физическими лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность на патентной основе в Кыргызской Республике» (утратило силу) // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/35761?cl=ru-ru> (дата обращения: 11.06.2019).

²⁶ Закон КР от 24 января 2004 г. № 8 «О тарифах страховых взносов по государственному социальному страхованию» // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1393?cl=ru-ru> (дата обращения: 11.06.2019).

производства, которым тарифы ежемесячных страховых взносов установлены в размере 6 %²⁷, исчисленных от 40 % размера среднемесячной заработной платы. Важно отметить, что если общая система налогообложения применяется только лишь к работникам по трудовым договорам, то патентная система на практике используется вне зависимости от того, идет речь о трудовых договорах либо о гражданско-правовых договорах, связанных с трудом. Патентная система не решает вопросов легализации²⁸ данных сфер применения труда, а налоговые органы не мотивированы доказывать наличие трудовых вместо гражданско-правовых отношений даже в тех случаях, когда они отвечают признакам, закрепленным в Рекомендации МОТ № 198 о трудовом правоотношении²⁹ и ст. 13 ТК КР. В итоге приобретение патента на практике, по сути, заменило работодателям заключение каких-либо договоров с работниками.

Таким образом, проблемы патентной системы характеризуются фактической фиксацией отношений неустойчивой занятости в сфере труда, отсутствием необходимых стимулов к росту компаний, невозможностью реализации стратегии профессионального развития кадров, ухудше-

нием возможностей для работников получать в будущем адекватное социальное обеспечение.

Другая проблема, касающаяся развития проявлений неустойчивой занятости, связана с либерализацией законодательства в области экономической деятельности и поддержки предпринимательства и с дерегулированием административной ответственности за нарушения норм трудового законодательства. Так, в целях поддержки предпринимательской деятельности и обеспечения привлекательной инвестиционной среды были приняты Закон КР от 25 мая 2007 г. № 72 «О порядке проведения проверок субъектов предпринимательства»³⁰, согласно которому проведение различного рода проверок, в том числе осуществление инспекцией труда своей функции, становилось крайне затруднительно либо вовсе бессмысленно. Позднее постановлением Правительства КР от 17 декабря 2018 г. № 586³¹ был установлен мораторий на проведение всех проверок на 2 года (отдельные виды проверок допускаются в порядке исключения, но не трудовые инспекции). В связи с действием данных нормативных актов структуры трудовой инспекции по охране труда и соблюдению трудового законодательства фак-

²⁷ В эти 6 % включаются: в Пенсионный фонд — 4,75 %; в Фонд обязательного медицинского страхования — 1 %; в Фонд оздоровления трудящихся — 0,25 %.

²⁸ О легализации трудовых отношений в России см.: *Маремкулов А. Н.* К вопросу о проблеме легализации трудовых отношений // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 6—8.

²⁹ В вышеуказанном контексте следует, в частности, отметить нарушение ст. 1 и 15 Рекомендации МОТ № 198 о трудовом правоотношении. Статья 1 Рекомендации МОТ № 198: «Государства-члены должны разрабатывать и применять национальную политику, направленную на пересмотр через надлежащие периоды времени и, в случае необходимости, на внесение ясности в сферу применения законодательства и нормативных правовых актов и их адаптацию, чтобы гарантировать эффективную защиту работников, выполняющих свою работу в условиях индивидуального трудового правоотношения». Статья 15 Рекомендации МОТ № 198: «Компетентный орган должен принимать меры в целях обеспечения соблюдения и применения законодательных и нормативных правовых актов, касающихся индивидуального трудового правоотношения, в отношении различных аспектов, рассматриваемых в настоящей Рекомендации, например, посредством служб инспекции труда и их сотрудничества с органами социального обеспечения и налоговыми службами» (Рекомендация МОТ № 198 о трудовом правоотношении (2006 г.) // URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=628 (дата обращения: 11.06.2019)).

³⁰ Сайт Министерства юстиции КР. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202105?cl=ru-ru> (дата обращения: 11.06.2019).

³¹ Постановление Правительства Кыргызской Республики от 17 декабря 2018 г. № 586 «О введении временного запрета (моратория) на проведение проверок субъектов предпринимательства» // Сайт Министерства юстиции КР. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/12797> (дата обращения: 11.06.2019).

тически оказались лишены возможности осуществления своих функций. Эти ограничения находятся в прямом противоречии с требованиями ч. 1 ст. 12 приоритетной Конвенции МОТ № 81 об инспекции труда в промышленности и торговле (1947 г.)³², предусматривающими, что инспекторы труда, имеющие надлежащие полномочия, должны быть наделены полномочиями:

- (а) свободно и без предварительного уведомления в любое время дня и ночи входить на любое рабочее место, подлежащее проверке;
- (б) ежедневно входить в любые помещения, которые могут иметь разумные основания полагать подлежащими проверке; а также
- (с) проводить любые экспертизы, испытания или расследования, которые они могут счесть необходимыми для того, чтобы убедиться в строгом соблюдении правовых норм...

Введенные в действие в результате реформы административного законодательства новые кодексы — Кодекс КР о нарушениях³³ и Кодекс КР о проступках³⁴ — практически дерегулировали область административной ответственности за нарушения норм трудового законодательства. Каждый из названных кодексов содержит лишь по 3 статьи, предусматривающие административную ответственность за нарушения трудового законодательства. В Кодекс КР о нарушениях включены: ст. 57 «Нарушение требований закона об охране труда»; ст. 207 «Невыполнение требований по занятости лиц с ограниченными возможностями здоровья»; ст. 208 «Необосно-

ванный отказ в принятии на работу». В Кодекс КР о проступках включены: ст. 82 «Увольнение беременной женщины»; ст. 85 «Невыплата заработной платы, пенсии, пособия»; ст. 108 «Нарушение правил привлечения и использования в Кыргызской Республике иностранной рабочей силы». В прежнем Кодексе КР об административной ответственности³⁵ содержалось 15 статей, устанавливающих административную ответственность за нарушение норм трудового законодательства.

До введения указанных кодексов государственная инспекция труда в рамках своей надзорно-контрольной деятельности могла осуществлять формальную проверку работодателей на предмет соблюдения требований трудового законодательства КР по заключению письменных трудовых договоров (ст. 58 ТК КР), что представляется важным в условиях роста нарушений норм трудового законодательства и наличия значительного числа неформально занятых работников. Ответственность работодателей за уклонение от оформления трудовых отношений прямо не предусмотрена ТК КР. Административная ответственность за привлечение к работе без оформления трудового договора, ранее предусматриваемая Кодексом об административной ответственности, в новых кодексах о нарушениях и о проступках не устанавливается. Таким образом, систему ответственности и контроля за соблюдением работодателями большинства требований трудового законодательства можно оценить как фактически не работающую.

³² Конвенция МОТ № 81 об инспекции труда в промышленности и торговле (1947 г.) // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c081_ru.htm (дата обращения: 11.06.2019). (Эта Конвенция ратифицирована Кыргызстаном.)

³³ Кодекс Кыргызской Республики о нарушениях от 13 апреля 2017 г. № 58 // Сайт Министерства юстиции КР. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111565> (дата обращения: 11.06.2019).

³⁴ Кодекс Кыргызской Республики о проступках от 1 февраля 2017 г. № 18 // Сайт Министерства юстиции КР. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111529?cl=ru-ru> (дата обращения: 11.06.2019).

³⁵ Кодекс Кыргызской Республики об административной ответственности от 4 августа 1998 г. № 114 (утратил силу с 1 января 2019 г. в соответствии с Кодексом КР от 13 апреля 2017 г. № 58) // Сайт Министерства юстиции КР. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/6> (дата обращения: 11.06.2019).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Базылева М. Н.* Нестандартные отношения и развитие контрактной системы найма в Республике Беларусь // Экономика и управление. — 2012. — № 2. — С. 111—117.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. — М. : Логос, 2005. — 390 с.
3. *Бобков В. Н., Квачев В. Г., Локтюхина Н. В.* Неустойчивая занятость: экономико-социологический генезис понятия // Вестник ВГУ. Серия : Экономика и управление. — 2016. — № 4. — С. 81—86.
4. *Бобков В. Н., Локтюхина Н. В., Квачев В. Г.* Научно-теоретический анализ российской теории неустойчивой занятости // Уровень жизни населения регионов России. — 2017. — № 4. — С. 9—18.
5. *Головина С. Ю.* Роль трудового права в обеспечении экономического развития государства // Право, политика и экономика в современном мире: вызовы XXI века : Доклады исполнительного комитета к Десятой сессии Европейско-Азиатского правового конгресса. — Екатеринбург : Изд. дом УрГЮУ, 2016. — С. 77—80.
6. *Евразийское трудовое право : учебник / Е. А. Волк, Е. С. Герасимова, С. Ю. Головина [и др.] ; под общ. ред. М. В. Лушниковой, К. С. Раманкулова, К. Л. Томашевского.* — М., 2018. — 496 с.
7. *Закалюжная Н. В.* Особенности, возникающие при реализации прав работника в дистанционном трудовом отношении // Трудовое право в России и за рубежом. — 2015. — № 4. — С. 42—26.
8. *Захарян Ю. А.* Развитие норм о трудовом договоре в трудовом законодательстве Республики Армения // Пробелы в российском законодательстве. — 2014. — № 2. — С. 111—113.
9. *Исаков К. И.* Оптимизация политики занятости и регулирование рынка труда // Вестник КРСУ. — 2003. — № 1. — С. 3—12.
10. *Куренной А. М.* Гибкость в сфере труда: современные российские реалии // Современные тенденции в развитии трудового права и права социального обеспечения : материалы международной научно-практической конференции / под ред. К. Н. Гусова. — М., 2007. — С. 325—332.
11. *Лушников А. М., Кириллова Л. С.* Нетипичные трудовые договоры: гибкость и стабильность юридической конструкции // Вестник ЯрГУ. Серия : Гуманитарные науки. — 2017. — № 2. — С. 46—50.
12. *Люттов Н. Л.* Дистанционный труд: опыт Европейского Союза и проблемы правового регулирования в России // Lex Russica. — 2018. — № 10. — С. 30—39.
13. *Люттов Н. Л.* Предложения по внесению изменений и дополнений в российское трудовое законодательство // Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения / гл. науч. ред. В. Н. Бобков, зам. гл. ред. Н. В. Локтюхина. — М., 2018. — С. 36—60.
14. *Маремкулов А. Н.* К вопросу о проблеме легализации трудовых отношений // Трудовое право в России и за рубежом. — 2019. — № 1. — С. 6—8.
15. *Моцная О. К.* Нетипичная трудовая занятость: некоторые проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 25 с.
16. *Мраморнова О. В., Иванова Н. А., Абуова Ж. У.* Возникновение и развитие прекариата в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительный анализ // Изв. Саратов. ун-та. Серия : Экономика. Управление. Право. — 2018. — Вып. 3. — С. 259—266.
17. *Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения / гл. науч. ред. В. Н. Бобков, зам. гл. ред. Н. В. Локтюхина.* — М., 2018. — 80 с.
18. *Нургалиева Е. Н.* Трудовое право как форма реализации социальной политики Республики Казахстан // Трудовое право в России и за рубежом. — 2015. — № 4. — С. 47—51.
19. *Стэндинг Г.* Прекариат : Новый опасный класс. — М. : Ад Маргинем, 2014. — 328 с.
20. *Томашевский К. Л.* Компьютерное надомничество (телеработа) как одна из гибких форм занятости в XXI в. // Трудовое право в России и за рубежом. — 2011. — № 3. — С. 32—35.
21. *Томашевский К. Л.* Очерки трудового права. История, философия, проблемы систем и источников. — Минск, 2009.

22. Хасенов М. Х. Правовое регулирование деятельности самозанятого населения // Трудовое право в России и за рубежом. — 2019. — № 1. — С. 19—22.
23. Kalleberg A. L. Work Values and Job Rewards: A theory of Job Satisfaction // American sociological review. — 1977. — Vol. 42. — No. 1 (Feb.). — Pp. 124—143.
24. Polanyi K. The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time. Beacon Press Boston. Originally published: New York: Farrar & Rinehart, 1944 and reprinted in 1957 by Beacon in Boston. 317 p. — URL: https://inctped.ie.ufrj.br/spiderweb/pdf_4/Great_Transformation.pdf.

Материал поступил в редакцию 11 июня 2019 г.

**PRECARIOUS EMPLOYMENT TREND: FEATURES OF ITS DEVELOPMENT IN LABOR LEGISLATION AND THE PROBLEMS OF OTHER NORMS OF INDUSTRY AFFILIATION INFLUENCE ON THE WORLD OF WORK, TAKING INTO ACCOUNT INTERNATIONAL LABOR STANDARDS
(BASED ON MATERIALS FROM THE EURASIAN ECONOMIC UNION STATES)³⁶**

RAMANKULOV Kubanychbek Sovetovich, PhD in Law, Professor, Head of the Department of Civil, Labor and Environmental Law of the Faculty of Law of the Kyrgyz National University named after G. Balasagyn
ramaks65knu@mail.ru
720060, Kyrgyz Republic, Bishkek, mkr. Asanbay, d. 36, apt. 18

Abstract. *The paper notes that the conceptualization of the basic concepts related to precarious employment and the adoption of norms and legal acts adequate to these relations in the system of labor legislation of the states of the Eurasian Economic Union (EAEU) are at the preparatory stages.*

In the paper, the features of the manifestation of precarious employment in the labor legislation of the EAEU countries are analyzed by the example of norms on a fixed-term labor contract taking into account international labor standards. The labor legislation of the EAEU countries shows a tendency to expand the scope of fixed-term employment contracts, including towards lowering the level of legal guarantees for workers (Article 41 of the Labor Code of Belarus, Article 30 of the Labor Code of Kazakhstan, Article 82 of the Labor Code of Kyrgyzstan, Article 348.12 of the Labor Code of Russia), which contradicts the rules of ILO Recommendation No. 166 on the termination of labor relations on the initiative of the employer (Article 3) and the fundamental Convention No. 105 on the abolition of forced labor (Article 1), ratified by all states of the Eurasian Economic Union. In the paper, in the context of the development of precarious employment, the problems of the influence of norms of a different sectoral affiliation on the world of work are analyzed (by the example of Kyrgyzstan). It is noted, in particular, that the practice of applying the patent system to regulate the world of work does not contribute to resolving the issues of legalization of labor relations, and the tax authorities are not motivated to prove the existence of labor rather than civil law relations, even when they meet the criteria set forth in the ILO Recommendation No. 198 on labor relations and in Art. 13 of the Labor Code of Kyrgyzstan. The conclusion is formulated in relation to the restrictions of the labor inspectorates established by the Law of the Kyrgyz Republic dated May 25, 2007 No. 72 and by the Decree of the Government of the Kyrgyz Republic dated December 17, 2018 No. 586 as contrary to the ILO priority Convention No. 81 on labor inspection in industry and trade (Part 1 of Article 12) ratified by Kyrgyzstan. Serious inconsistencies of measures to deregulate administrative responsibility to the tasks of the labor legislation of Kyrgyzstan to counteract precarious employment are identified.

Keywords: *Eurasian Economic Union, precarious employment, international labor standards, labor legislation, fixed-term employment contract, legal guarantees, responsibility.*

³⁶ The study is financially supported by the Russian Science Foundation (Project No. 19-18-00517).

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bazyleva M. N. Nestandartnye otnosheniya i razvitie kontraktnoj sistemy najma v Respublike Belarus' // *Ekonomika i upravlenie*. — 2012. — № 2. — S. 111—117.
2. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. — M.: Logos, 2005. — 390 s.
3. Bobkov V. N., Kvachev V. G., Loktyuhina N. V. Neustojchivaya zanyatost': ekonomiko-sociologicheskij genезis ponyatiya // *Vestnik VGU. Seriya: Ekonomika i upravlenie*. — 2016. — № 4. — S. 81—86.
4. Bobkov V. N., Loktyuhina N. V., Kvachev V. G. Naukovedcheskij analiz rossijskoj teorii neustojchivoj zanyatosti // *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. — 2017. — № 4. — S. 9—18.
5. Golovina S. Yu. Rol' trudovogo prava v obespechenii ekonomicheskogo razvitiya gosudarstva // *Pravo, politika, i ekonomika v sovremennom mire: vyzovy XXI veka: Doklady ispolnitel'nogo komiteta k Desyatoy sessii Evropejsko-Aziatskogo pravovogo kongressa*. — Ekaterinburg: Izd. dom UrGYuU, 2016. — S. 77—80.
6. *Evrazijskoe trudovoe pravo: uchebnik / E. A. Volk, E. S. Gerasimova, S. Yu. Golovina [i dr.] ; pod obshch. red. M. V. Lushnikovoj, K. S. Ramankulova, K. L. Tomashevskogo*. — M., 2018. — 496 s.
7. Zakalyuzhnaya N. V. Osobennosti, vznikayushchie pri realizacii prav rabotnika v distancionnom trudovom otnoshenii // *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*. — 2015. — № 4. — S. 42—26.
8. Zaharyan Yu. A. Razvitie norm o trudovom dogovore v trudovom zakonodatel'stve Respubliki Armeniya // *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*. — 2014. — № 2. — S. 111—113.
9. Isakov K. I. Optimizaciya politiki zanyatosti i regulirovanie rynka truda // *Vestnik KRSU*. — 2003. — № 1. — S. 3—12.
10. Kurennoj A. M. Gibkost' v sfere truda: sovremennye rossijskie realii // *Sovremennye tendencii v razvitii trudovogo prava i prava social'nogo obespecheniya: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod red. K. N. Gusova*. — M., 2007. — S. 325—332.
11. Lushnikov A. M., Kirillova L. S. Netipichnye trudovye dogovory: gibkost' i stabil'nost' yuridicheskoy konstrukcii // *Vestnik YarGU. Seriya: Gumanitarnye nauki*. — 2017. — № 2. — S. 46—50.
12. Lyutov N. L. Distancionnyj trud: opyt Evropejskogo Soyuza i problemy pravovogo regulirovaniya v Rossii // *Lex Russica*. — 2018. — № 10. — S. 30—39.
13. Lyutov N. L. Predlozheniya po vneseniyu izmenenij i dopolnenij v rossijskoe trudovoe zakonodatel'stvo // *Neustojchivaya zanyatost' v Rossijskoj Federacii: sostoyanie i napravleniya snizheniya / gl. nauch. red. V. N. Bobkov, zam. gl. red. N. V. Loktyuhina*. — M., 2018. — S. 36—60.
14. Maremkulov A. N. K voprosu o probleme legalizacii trudovyh otnoshenij // *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*. — 2019. — № 1. — S. 6—8.
15. Mocnaya O. K. Netipichnaya trudovaya zanyatost': nekotorye problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2009. — 25 s.
16. Mramornova O. V., Ivanova N. A., Abuova Zh. U. Vozniknovenie i razvitie prekariata v Rossijskoj Federacii i Respublike Kazahstan: sravnitel'nyj analiz // *Izv. Sarat. un-ta. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. — 2018. — Vyp. 3. — S. 259—266.
17. *Neustojchivaya zanyatost' v Rossijskoj Federacii: sostoyanie i napravleniya snizheniya / gl. nauch. red. V. N. Bobkov, zam. gl. red. N. V. Loktyuhina*. — M., 2018. — 80 s.
18. Nurgalieva E. N. Trudovoe pravo kak forma realizacii social'noj politiki Respubliki Kazahstan // *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*. — 2015. — № 4. — S. 47—51.
19. Standing G. Prekariat: Novyj opasnyj klass. — M.: Ad Marginem, 2014. — 328 s.
20. Tomashevskij K. L. Komp'yuternoe nadomnichestvo (telerabota) kak odna iz gibkih form zanyatosti v XXI v. // *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*. — 2011. — № 3. — S. 32—35.
21. Tomashevskij K. L. Oчерки trudovogo prava. Istoriya, filosofiya, problemy sistem i istochnikov. — Minsk, 2009.
22. Hasenov M. H. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti samozanyatogo naseleniya // *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*. — 2019. — № 1. — S. 19—22.
23. Kalleberg A. L. Work Values and Job Rewards: A theory of Job Satisfaction // *American sociological review*. — 1977. — Vol. 42. — No. 1 (Feb.). — Pp. 124—143.
24. Polanyi K. The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time. Beacon Press Boston. Originally published: New York: Farrar & Rinehart, 1944 and reprinted in 1957 by Beacon in Boston. 317 r. — URL: https://inctpped.ie.ufrj.br/spiderweb/pdf_4/Great_Transformation.pdf.

Патентование человеческих генов: судебная практика Соединенных Штатов Америки, Канады и Австралии¹

Аннотация. Статья представляет собой обзор судебной практики Соединенных Штатов Америки, Канады и Австралии, в рамках которой предпринималась попытка ответа на вопрос о возможности патентования человеческих генов. В статье обосновывается актуальность указанной проблематики, рассматриваются этические аспекты патентования генов. Автором проанализированы основные, наиболее значимые с точки зрения развития патентного права зарубежных стран дела: *Diamond v. Chakrabarty* (США), *Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics* (США), *Myriad v. Cancer Voices* (Австралия), *The Children's Hospital of Eastern Ontario (CHEO) v. Transgenomic* (Канада). Особое внимание при анализе автором уделено аргументации и выводам судебных учреждений по поводу патентоспособности человеческих генов. В заключение делается вывод относительно преемственности и возможной гармонизации законодательства и судебных практик как упомянутых в статье государств, так и стран, которые только встали на путь развития биомедицинских технологий.

Ключевые слова: геномные исследования, патентование, ген, судебная практика, правовое регулирование, комплементарная ДНК, патентоспособность.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.166-173

Развитие генной инженерии, в частности расширение возможности манипуляций с генетическим материалом, существенным образом повлияло и продолжает влиять на усовершенствование биомедицины. Под термином «геном» понимают совокупность генов,

содержащихся в одинарном наборе хромосом данного организма. Геном человека включает в себя около 25 000 генов с 3 000 000 000 пар ДНК, которые, в свою очередь, формируют 46 хромосом². Геномная медицина — сравнительно недавно возникшая область медицины,

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 18-29-14078 «Сравнительный анализ лучшей мировой практики по спорам из отношений, возникающих в ходе проведения геномных исследований и использования результатов».

² Genome Definition // Merriam-Webster Dictionary. 2014. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/genome> (дата обращения: 13.02.2019).

© Пономарева Д. В., 2019

* Пономарева Дарья Владимировна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры практической юриспруденции Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) ropomard@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

которая включает в себя использование генетической информации о человеке как часть клинической помощи³. Ученые применяют методы генной терапии для лечения заболеваний у пациента путем использования генетического материала взамен лекарственных средств⁴.

В связи с этим вопросы патентования генов приобретают всё большую актуальность. На сегодняшний день частными компаниями Соединенных Штатов Америки запатентовано порядка 20 % человеческих генов⁵. Патентование генов преследует ряд целей: во-первых, патент дает возможность компаниям исследовать гены без учета конкуренции со стороны других организаций; во-вторых, возможность патентования поощряет научные разработки в частном секторе, заставляя исследователей мыслить более творчески для того, чтобы получить патент на использование результатов своей деятельности; в-третьих, патентование открывает широкие возможности для привлечения инвестиций в исследования и научные разработки.

Вместе с тем возможность патентования человеческого гена порождает ряд проблем. Продолжительный срок защиты прав на определенную последовательность генома (в ряде стран порядка 17—20 лет) может помешать полноценному развитию исследований, поскольку патент исключает возможность для других научных организаций проводить работы с запатентованным генным материалом. Безусловно, такое положение вещей может привести к монополизации прав на исследование генов со стороны

компании-правообладателя, что в конечном итоге будет способствовать замедлению процессов развития биомедицины и, в частности, геномных исследований.

Возникают сомнения и с этической точки зрения. Вопрос о том, насколько этически допустимо или недопустимо патентовать гены, не нашел однозначного ответа. Правовая и моральная сторона вопроса зачастую вступают в противоречие друг с другом. Одни осуждают потенциальную коммерциализацию генома человека, рассуждая о недопустимости превращения гена в объект права собственности⁶. Другая группа исследователей полагает, что «этически допустимо патентовать лишь определенные виды генов, за исключением тех, которые определяют темперамент и интеллектуальные способности человека»⁷. Существует мнение, согласно которому наличие нормативного положения, предусматривающего возможность патентования генов, исключает все более-менее серьезные возражения с точки зрения морали на этот счет⁸. Однако законодатели не спешат легализовать такую возможность. Если развитие индустрии биотехнологий в США послужило толчком к формированию судебной практики, позволяющей в определенных случаях запатентовать ген, то в государствах — членах Европейского Союза заметна тенденция сопротивления патентованию человеческих генов⁹.

Необходимо отметить, что ряд государств обязан именно деятельности судебных органов в части ответа на вопрос, возможно ли за-

³ NHGRI Definition of Genomic Medicine // National Human Genome Research Institute. 2012. URL: <http://www.genome.gov/pages/About/NACHGR> (дата обращения: 14.02.2019).

⁴ Adams N. A. Creating Clones, Kids & Chimera: Liberal Democratic Compromise at the Crossroads // Notre Dame J.L. Ethics & Pub Pol'y. 2003. P. 71.

⁵ How are 20 % of Human Genes are patented? // URL: <https://gizmodo.com/how-are-20-of-human-genes-patented-5811899> (дата обращения: 13.02.2019).

⁶ См.: Warren M. A. «The Moral Status of the Gene» // J. Burley and J. Harris (eds.) A Companion to Genetics: Philosophy and the Genetic Revolution. Oxford : Blackwells. 2002. P. 30.

⁷ См.: Burley J., Harris J. A Companion to Genetics: Philosophy and the Genetic Revolution. Oxford : Blackwells, 2002. Pp. 438—454.

⁸ См.: Meister I., Mertens J., Emmot S., Alexander D. Biotechnology, Patents and Morality: Towards a Consensus // Siegrid Sterckx (ed) Biotechnology, Patents and Morality. Aldershot : Ashgate Publishing, 1997. Pp. 85—201.

⁹ См.: Looney B. Should genes be patented? The gene patenting controversy: legal, ethical, and policy foundations of an international agreement // Law Policy Int Bus. 1994. Vol. 26 (1). Pp. 231—272.

патентовать человеческий ген. Первой страной, судебные учреждения которой в своих решениях отразили возможность патентования генов, стали Соединенные Штаты Америки¹⁰. Однако первые судебные решения, где затрагивались вопросы патентования, не имели отношения к геному человека.

В июне 1980 г. Верховный Суд США вынес решение по делу *Diamond v. Chakrabarty*¹¹. Патентное ведомство США отклонило заявку компании «Дженерал Электрик», поскольку она предполагала защиту формы жизни, а именно бактерии, искусственно выведенной для переработки нефтехимических веществ и предназначенной для переработки нефтяных разливов. Верховный Суд постановил, что такая бактерия является изобретением, имеющим право на патентную защиту, отметив, что «патент всецело согласуется с нормативно установленным запретом на патентование природных объектов, существенным образом не подверженным изменениям в результате человеческой деятельности». Решение по делу принималось на фоне обширной общественной дискуссии о рекомбинантной ДНК, а также о потенциальных угрозах, которые может нести в себе технология встраивания генов в живой организм. Хотя модифицированная бактерия *Pseudomonas* не была создана из рекомбинантной ДНК, решение Верховного Суда было воспринято как сигнал о том, что продукты и организмы, полученные таким образом,

являются патентоспособными. Университеты, фармацевтические фирмы и небольшие компании, задействованные в зарождающейся «индустрии» биотехнологии, тогда активно выступили за расширение патентных прав на бактерии *Pseudomonas*¹².

В рамках дела *Funk Brothers Seed Co. v. Kalo Inoculant Co*¹³ рассматривалась выдача патента на смесь природных штаммов бактерий, которые помогали растениям извлекать азот из воздуха и фиксировать его в почве, улучшая уровень азота. Эта смесь не была признана судом патентоспособной, поскольку владелец патента не подверг бактерии каким-либо модификациям. Таким образом, бактерии — как сами по себе, так и смешанные вместе — «попали под прямой закон исключений».

Человеческий ген и возможность его патентования стали краеугольным камнем в судебном деле *Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics*¹⁴. Указанное дело поистине является знаковым в области патентования генов. Фабула дела состояла в следующем. Компания Myriad Genetics впервые идентифицировала и изолировала гены BRCA1 и BRCA2, ответственные за диагностику повышенного риска рака молочной железы и яичников. Компания претендовала на получение патента на изолированные гены BRCA наряду с комплементарной ДНК (кДНК), являющейся синтезированным продуктом, отражающим кодирующие участки генов BRCA, и праймерами, используемыми

¹⁰ Патентные законы США являются частью Конституции США, принятой в 1790 г. с последующими поправками. В соответствии с § 101 ст. 35 «кто бы ни изобретал или обнаруживал какой-либо новый и полезный процесс, машину, производство или сочетание вышеназванного или любого нового и полезного улучшения, может получить патент на него, при условии соблюдения условий и требований настоящего параграфа». Существуют законодательные признания изобретения патентоспособным, а именно: изобретение должно соответствовать критерию новизны (разд. 35 § 102), быть неочевидным (§ 103) и должно быть подробно описано, чтобы позволить специалисту в данной области науки воспроизвести изобретение (§ 112). Вместе с тем, как указано в разд. 101 и 112 абза 1, патентоспособное изобретение должно быть промышленно применимым, при этом полезность (применимость) должна быть конкретной, существенной и заслуживающей доверия.

¹¹ *Diamond v. Chakrabarty*, 447 U.S. 303 (1980).

¹² *Kevles D. J. Ananada Chakrabarty wins a patent: biotechnology, law and society, 1972—1980 // Hist. Stud. Phys. Biol.* 1994. Vol. 25 (1). Pp. 111—135.

¹³ *Funk Brothers Seed Co. v. Kalo Inoculant Co.*, 333 U.S. 127 (1948).

¹⁴ *Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics, Inc.*, 569 U.S. 576 (2013).

ми в диагностике. Тем не менее в отношении указанной компании в 2009 г. в Федеральном суде Нью-Йорка был возбужден иск коалицией истцов, включающей несколько профессиональных ассоциаций ученых-исследователей, в том числе Ассоциацию молекулярной патологии и Американский колледж медицинской генетики; независимых исследователей; группу защиты здоровья женщин и рака молочной железы; и отдельных женщин, у которых был диагностирован рак молочной железы и яичников. Основная претензия истцов состояла в том, что гены BRCA1 и BRCA2, изолированные и подвергнутые модификации специалистами Myriad, не являются патентоспособными объектами согласно § 101 разд. 35 Кодекса законов США. В частности, истцы утверждали, что изолированные гены являются непатентуемыми продуктами природы и что диагностический метод представляет собой лишь мыслительный процесс, который не может привести к преобразованиям в реальном мире. Указанный тезис базируется на положениях уже упоминавшегося § 101 гл. 35 Кодекса законов США, в котором отмечены критерии патентоспособности объекта: «Любой новый и полезный процесс, устройство, производство или состав материала или любое новое и полезное улучшение». Однако если изобретение подпадает под одну из нескольких исключаящих категорий, включая «встречающееся в природе изделие», то оно не может быть запатентованным.

Истцы утверждали, что использование патентов компанией Myriad — и само существование патентов — не только ограничивают исследование для специалистов, но и негативным образом влияют на развитие научного прогресса.

Подчеркивалось, что использование патентов с точки зрения пациентов сделало невозможным получение альтернативного мнения о генетической предрасположенности человека к раку молочной железы и яичников, а также поддержало высокую стоимость тестирования на выявление риска такого заболевания за счет предотвращения конкуренции.

Компания Myriad в ответ на предъявленные претензии заявила, что Бюро по патентам и товарным знакам США выдает патенты на гены как «изолированные последовательности» так же, как выдает патенты на любое другое химическое соединение, поскольку выделение последовательности ДНК делает ее отличающейся по своему характеру от той, которая присутствует в организме человека. Таким образом, диагностические тесты, введенные компанией, подпадают под критерии патентоспособности объекта.

Вместе с тем в 2010 г. Федеральный суд Нью-Йорка вынес решение против Myriad, признав недействительными все генные патенты. Но годом позже апелляционный суд отменил указанное решение. В итоге дело дошло до Верховного суда США.

Что же постановил Верховный суд США? 13 июня 2013 г. судья Кларенс Томас озвучил следующее коллегиальное мнение членов Суда: «Сегмент ДНК, встречающийся в природе, является природным объектом и не подлежит патентованию только потому, что он выделен. Тем не менее комплементарная ДНК (кДНК) может быть запатентована, поскольку не встречается в естественной среде». Таким образом, суд пришел к выводу о невозможности патентования человеческого гена, но о возможном патентовании комплементарной ДНК¹⁵.

¹⁵ Судья Кларенс Томас также отметил следующее: «У суда нет претензий в отношении метода. Если бы компания Myriad создала инновационный метод манипулирования генами при поиске генов BRCA1 и BRCA2, она, возможно, заявила бы патент на метод. Но методы, используемые Myriad для выделения ДНК, были хорошо поняты, широко использовались и были достаточно единообразны, поскольку любой ученый, занимающийся поиском гена, вероятно, использовал бы подобный подход». Также в решении указывалось: «Мы не рассматриваем патентоспособность ДНК, в которой порядок природных нуклеотидов был изменен. Научное изменение генетического кода представляет собой другой вопрос, и мы не выражаем мнения о применении § 101 к таким усилиям. Мы просто считаем, что гены и информация, которую они кодируют, не имеют права на патент согласно § 101 просто потому, что они были изолированы от окружающего генетического материала».

Влияние указанного решения американского суда сложно переоценить. Вместе с тем оценки этого влияния разнятся. Ряд исследователей придерживается мнения, согласно которому «данное решение окажет малозначительный эффект на развитие биотехнологий»¹⁶. Существует точка зрения, в соответствии с которой «решение Верховного суда США в перспективе повлияет на систему защиты интеллектуальных прав в сфере геномных исследований и медицинской науки в целом»¹⁷. Средства массовой информации, освещавшие разбирательство по делу, фокусировали внимание общественности на том, как могут повлиять патенты Myriad на доступность тестов для диагностики рака груди и яичников, придавая этому вопросу исключительную политическую значимость¹⁸. Это было неслучайным, поскольку истцы в качестве обоснования нежелательности предоставления компании Myriad права на патент указывали на возможность повышения стоимости диагностики и сужение круга выбора вариантов тестирования¹⁹.

Отдельно стоит обратить внимание на то, что в указанном решении также проанализировано влияние патентов Myriad в отношении изолированной ДНК на развитие биомедицинских исследований в целом. Возможность подобного рода патентов вызывает опасения относительно возникновения в перспективе ограничений на проведение исследований в обозначенной области. В конечном итоге ограниченная возможность исследований может привести к длительной задержке в распространении знаний и развитии диагностики и терапии как научных дисциплин. Хотя, согласно некоторым суждениям, обеспечение равного доступа к диагностическим ме-

тодам и иным инновационным технологиям в сфере биомедицины не лежит в области ответственности патентной системы²⁰, перспектива ограничения возможности проведения научных исследований в связи с возникновением исключительных прав подразумевает совершенно определенное противоречие конституционно закрепленной цели функционирования патентной системы — содействие развитию науки и технических навыков. Насколько такое противоречие преодолимо, покажет только время.

Необходимо отметить, что США были не одиноки в своем решении вопроса относительно возможности патентования человеческого гена в изолированном виде. В 2013 г. в Австралии было также вынесено решение о возможности патентования человеческого гена²¹. Неудивительно, что участником австралийского процесса стала компания Myriad, выразившая намерение ввести свой патент в действие на территории Австралии. Также неудивительным является тот факт, что в мотивировочной части судья повторил аргументы американских коллег по более ранним решениям по делу Myriad в пользу такого патентования. Было отмечено, что в результате выделения определенного гена из организма возникает новый самостоятельный продукт, который может быть защищен патентом, несмотря на то что он может иметь точно такой же химический состав и структуру, что и в клетках некоторых людей. Таким образом, суд пошел по пути наименьшего сопротивления, заимствовав аргументацию, представленную в решении зарубежного суда по аналогичному вопросу, тем самым обозначив возможность трансграничной преемственности в отношении решений по указанной категории дел.

¹⁶ См.: *Seidenberg S.* Supreme Court's Decision in Myriad Sends Shockwaves Through the Biotech Industry // *Insidencounsel*. 2013. URL: <http://www.insidencounsel.com/2013/08/05/supreme-courts-decision-in-emmyriad-em-sends-shock> (дата обращения: 15.02.2019).

¹⁷ *Offit K.* Gene Patents and Personalised Cancer Care: Impact of the Myriad case on Clinical Oncology // *Clinical oncology*. 2013. Vol. 31. P. 274.

¹⁸ *Gold E. R., Carbone J.* Myriad Genetics: In the Eye of the Policy Storm // *Genetics Med*. 2010. Vol. 12. P. 39.

¹⁹ *Park S. S.* Gene Patents and the Public Interest: Litigating Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics and Lessons Moving Forward // *N.C.J.L. & Tech*. 2014. P. 519.

²⁰ *Lee P.* Toward a Distributive Commons in Patent Law // *Wis. L. Rev*. 2009. P. 917.

²¹ *CVA v Myriad Genetics Inc* (2013) FCA 65.

Однако в 2015 г. Верховный суд Австралии отменил указанное решение. Судьи большинством постановили, что «ключевой частью гена является не его физическая структура, а информация, хранящаяся в нем, что не является изобретением по смыслу австралийского патентного законодательства». «Существо гена — информация, воплощенная в расположении нуклеотидов. Эта информация не является результатом человеческой деятельности». Также было отмечено, что в случае предоставления патента исключительные права, защищаемые им, могут быть с легкостью нарушены, поскольку в данном случае запатентован сам ген, а не метод диагностики. Изолированный фрагмент ДНК, несмотря на его выделение из человеческого организма, не теряет своего естественного происхождения, поэтому не может быть защищен патентом. Обратное, по мнению судей, может значительно усложнить дальнейшее развитие исследований в области здравоохранения и смежных сферах науки. Обращает на себя внимание тот факт, что в решении австралийского суда не была упомянута возможность патентования кДНК, что было отражено в американском решении по делу *Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics*.

Аргументация, представленная австралийской фемидой, представляется более убедительной с точки зрения соответствия целям функционирования патентной системы и нормам этики. Профессор Университета Тасмании в Хобарте Дайан Николь отмечает: «Единое решение Верховного суда США позволило допустить, что комплементарная ДНК (кДНК) может быть запатентована, что вызывает много критики. Комплементарная ДНК производится лабораторией из РНК, но в ней отсутствуют интроны, которые находятся в полной последовательности гена. Верховный суд США заявляет, что ген

патентоспособен, потому что он отличается от изолированной, встречающейся в природе ДНК, хотя информация, которую он предоставляет, — с точки зрения производства белков и т.д. — точно такая же. Австралийский суд не предоставляет право на патент ни изолированным генам, ни тем более генам, не выделенным из организма человека»²². Таким образом, в рамках австралийской судебной практики сформулирован подход, согласно которому человеческий ген сам по себе не может быть запатентован ни при каких обстоятельствах, в том числе не может быть запатентована комплементарная ДНК.

Если Соединенные Штаты Америки и Австралийский Союз более-менее определились с ответом на вопрос, подлежит ли патентованию ген человека, есть государства, которые в указанном аспекте не пришли к однозначному выводу. В данном случае примечателен опыт Канады, в которой на сегодняшний день не существует законодательного акта, запрещающего ученым получать патенты на фрагменты генома человека и связанные с ними продукты для использования в исследовательских целях. Долгое время в канадских судах подобная категория дел не рассматривалась. Однако в период с 2014 по 2016 гг. в федеральном суде Канады было рассмотрено дело *The Children's Hospital of Eastern Ontario (CHEO) v. Transgenomic*²³, которое пролило свет на решение упомянутого вопроса.

В 2014 г. детский госпиталь Восточного Онтарио (CHEO) подал судебный иск против американской компании Transgenomic (правообладателя) с целью обеспечить возможность канадским лечебным учреждениям без излишних затрат обследовать пациентов на предмет наличия (отсутствия) риска возникновения генетических заболеваний, включая проведение теста на риск развития синдрома Long QT²⁴. Исковые требования CHEO затрагивали признание

²² *Cancer Voices Australia v Myriad Genetics Inc* [2013] FCA 65: Should Gene Patent Monopolies Trump Public Health? // URL: <https://papers.ssrn.com/sol3/>.

²³ *The Children's Hospital of Eastern Ontario (CHEO) v. Transgenomic et al.* (14 May 2015) T-2249-14.

²⁴ Синдром Long QT — нарушение сердечного ритма, которое может вызвать быстрое и хаотическое сердцебиение. Эти нерегулярные сердцебиения могут вызвать обморок и даже смерть. Расстройство может возникать в результате мутации нескольких различных человеческих генов, которая обнаруживается с помощью специального генетического тестирования.

непатентоспособной «изолированной версии» гена KVLQT1, ответственного за предотвращение возникновения синдрома Long QT, поскольку такой ген является геном естественного происхождения. Вдобавок представители детского госпиталя заявили, что CHEO не нарушило патент Transgenomic, так как ген не был выделен (изолирован) полностью при проведении тестирования. Истец был обеспокоен тем, что существование патента заставляет его всякий раз при обращении пациента с соответствующим заболеванием, требующим прохождения генетического тестирования, направлять изъятые образцы в специальные лаборатории США, что повышало стоимость процедуры до 4 000 долл. Вместе с тем лечебное учреждение располагает своими собственными лабораториями, которые позволяют проводить генетическое тестирование с меньшими затратами.

В результате лечебному учреждению удалось достичь соглашения с компанией Transgenomic. Компания согласилась предоставить CHEO и всем другим канадским государственным больницам и лабораториям право на проведение обозначенного в материалах дела генетического тестирования на некоммерческой основе. Тем не менее все фигурируемые в деле патенты будут сохраняться за Transgenomic. Хотя в рассматриваемом деле и не указано напрямую, что изолированная последовательность генов патентоспособна, анализ мотивировочной части решения канадского суда позволяет сделать такой вывод. В результате отсутствие определенно выраженной позиции как в судебной практике, так и в законодательстве позволяет рассматри-

вать Канаду в качестве юрисдикции, где можно запатентовать человеческий ген.

Итак, судебной практикой ряда экономически развитых государств (США, Австралии и Канады) была предпринята попытка решить вопрос о возможности патентования человеческих генов. То, что ключевую роль в решении указанного вопроса в правовом аспекте сыграли именно судебные учреждения, не случайно. Соединенные Штаты Америки, Австралийский Союз и Канада принадлежат к конгломерату государств англосаксонской правовой системы, где суды берут на себя роль законотворцев, в особенности в отсутствие четко определенных нормативных положений, регулирующих правоотношения в той или иной сфере общественной жизни. Вместе с тем, несмотря на политико-правовую общность указанных государств, в решении такого этически неоднозначного вопроса, как возможность патентования генов, мнения их компетентных органов разнятся вплоть до диаметрально противоположных. Стоит заметить, что с развитием международных, трансграничных биомедицинских исследований такая разница в подходах к патентованию генов будет использоваться научно-исследовательскими учреждениями в своих (в том числе коммерческих) целях. Не исключено, что через некоторое время указанные государства смогут гармонизировать нормативные подходы к решению вопроса о патентовании генов, что позволит другим странам, встающим на путь развития высоких технологий в сфере биомедицины (в частности, Российской Федерации), заимствовать их позитивный опыт.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Durham A. L.* Patent Law Essentials: A Concise Guide. — 5 — Edition. — ABC-CLIO, 2018. — 305 p.
2. *Jasanoff S.* Science at the Bar: Law, Science, and Technology in America. — Harvard University Press, 2009. — 304 p.
3. *Matthews D., Zech H.* Research Handbook on Intellectual Property and the Life Sciences. — Edward Elgar Publishing, 2017. — 528 p.
4. *Sreenivasulu N. S.* Biotechnology and Patent Law: Patenting Living Beings. — Manupatra, 2008. — 249 p.
5. *Storz U., Quodbach M., Marty S. D., Constantine D. E., Parker M.* Biopatent Law: European vs. US Patent Law. — Springer Science & Business Media, 2013. 69 p.

Материал поступил в редакцию 28 февраля 2019 г.

PATENTING OF HUMAN GENES: THE UNITED STATES, CANADA AND AUSTRALIA CASE LAW ²⁵

PONOMAREVA Darya Vladimirovna, PhD in Law, Lecturer of the Department of Practical Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ponomard@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The paper is a review of the case law of the United States of America, Canada and Australia, in which an attempt is made to answer the question on possibility of human gene patenting. The paper substantiates the relevance of this issue, examines the ethical aspects of gene patenting. The author analyzes the landmark and most significant cases from the point of view of the development of patent law of foreign countries: Diamond v. Chakrabarty (USA), Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics (USA), Myriad v. Cancer Voices (Australia), The Children's Hospital of Eastern Ontario (CHEO) v. Transgenomic (Canada). In the analysis, the author gives special attention to the arguments and conclusions of judicial institutions regarding the patentability of human genes. A conclusion is drawn regarding the continuity and possible harmonization of legislation and judicial practices of both the states mentioned in the paper and countries that have just embarked on the development of biomedical technologies.*

Keywords: *genomic research, patenting, gene, judicial practice, legal regulation, complementary DNA, patentability.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Durham A. L. Patent Law Essentials: A Concise Guide. — 5 — Edition. — ABC-CLIO, 2018. — 305 p.
2. Jasanoff S. Science at the Bar: Law, Science, and Technology in America. — Harvard University Press, 2009. — 304 p.
3. Matthews D., Zech H. Research Handbook on Intellectual Property and the Life Sciences. — Edward Elgar Publishing, 2017. — 528 p.
4. Sreenivasulu N. S. Biotechnology and Patent Law: Patenting Living Beings. — Manupatra, 2008. — 249 p.
5. Storz U., Quodbach M., Marty S. D., Constantine D. E., Parker M. Biopatent Law: European vs. US Patent Law. — Springer Science & Business Media, 2013. 69 p.

---

²⁵ The paper is prepared as part of the Russian Foundation for Basic Research grant No. 18-29-14078 "Comparative Analysis of the Best World Practices on Relations Disputes Arising in the Course of Genomic Research and Application of Results."

Ответственность исполнительного органа юридического лица за недобросовестные действия

Аннотация. В статье рассматриваются различные законодательные и правоприменительные подходы в Российской Федерации, США, Великобритании; сравниваются различные положения Пленумов ВАС РФ и ВС РФ, посвященные вопросам добросовестности; анализируется применение данных положений судами при рассмотрении вопросов привлечения директоров к ответственности в результате недобросовестных действий, повлекших имущественный ущерб. На примере рассмотрения ряда ключевых дел из правоприменительной практики судов англо-американской системы права рассматривается вопрос применения тестов: объективного и субъективного тестов добросовестности для регулирования вопросов привлечения исполнительного органа к ответственности. Английские и американские суды прибегают к критерию добросовестности в очень редких случаях, а фидуциарная обязанность директоров в коммерческих компаниях была существенным образом ограничена. Тот подход, который используют суды общего права, предполагает минимальную степень вмешательства судов в экономические дела коммерческих обществ. Привлечение к ответственности директора допускается только в случае явного пренебрежения обязанностями либо рассматривается в некоторых случаях исходя из конкретных обстоятельств дела. Российские суды часто привлекают к ответственности директора не в результате грубой неосторожности или доказанных умышленных действий исполнительных органов по причинению вреда компании, а в результате недостижения обществом желаемого экономического результата. Также недобросовестностью компенсируются очевидные пробелы во внутрикорпоративном порядке, не позволяющие точно определить границы полномочий и сферу ответственности исполнительного органа. Автор формулирует вывод о степени допустимой судебной дискреции при применении положений о добросовестности к корпоративным отношениям как требующим особого регулирования.

Ключевые слова: добросовестность, ответственность, корпорация, директор, объективный тест, субъективный тест, митигация, недобросовестность.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.174-184

Введение

В вопросах реализации ответственности исполнительного органа юридического лица по

ст. 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации за недобросовестные действия по отношению к юридическому лицу подлежит применению п. 3 ст. 10 ГК РФ, закрепляющий

© Брисов Ю. В., 2019

* Брисов Юрий Владимирович, магистр права, аспирант кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия (РГУП), преподаватель факультета дополнительного профессионального образования РГУП, магистр американского права (American LL.M.)

seo@lfcs.pro

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

требование добросовестности действий участников гражданских правоотношений. Винодность исполнительного органа юридического лица устанавливается в судебном порядке путем доказательных процедур.

Такое понимание сформировалось на основе постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 (далее — Постановление Пленума ВАС № 62), из содержания которого следует обязанность истцов доказывать суду очевидность имеющихся фактических обстоятельств, неоспоримо свидетельствующих о том, что ответчик прямо нарушал свои обязанности, умышленно совершал недобросовестные и неразумные действия, которые причинили ущерб акционерам (участникам) общества¹.

В английском праве существует ряд механизмов, которые заменяют общий принцип добросовестности. Соответствующие институты были сформированы судами справедливости (*equity law*), и к ним можно отнести: эстоппель (*estoppel*; *clean hands doctrine*); основное условие (*fundamental term*); разумность (*reasonableness*) и разумное лицо (*reasonable man standard*); подразумеваемые условия (*implied terms*)².

В рамках корпоративных отношений суды общего права существенно ограничивают применение норм справедливости. Данная традиция берет начало с дела *Salomon v Salomon & Co Ltd* [1897] AC 33³, в котором суды отвергли доводы истцов о недобросовестности в пользу формальных требований закона в отношении юридического лица⁴. Указанное решение сформировало прецедент, который неоднократно

впоследствии был поддержан судебными органами⁵.

Основное исследование

Особый интерес при разрешении вопросов, вытекающих из темы настоящего исследования, представляет опыт Великобритании. Это связано прежде всего с тем, что истоки корпоративного права Великобритании лежат еще в Средних веках, когда появляются первые прообразы корпоративных структур. Таким образом, за достаточно продолжительный период развития корпоративным правом Великобритании был накоплен богатый опыт предотвращения и разрешения корпоративных конфликтов. В связи с этим считаем необходимым изучить и обобщить опыт Великобритании для более глубокого понимания особенностей ответственности исполнительного органа юридического лица.

В соответствии с действующим законодательством Великобритании все акционеры (участники) юридического лица, владеющие 5 % и более акций или долей участия в уставном капитале общества, могут инициировать проведение общего собрания акционеров (участников) и потребовать у директора (исполнительный орган) или совета директоров предоставить отчет за одобренные сделки, не требовавшие одобрения в соответствии с уставом компании⁶.

Практика предъявления судебного иска к директору носит скорее исключительный характер⁷.

Законодательством Великобритании предусмотрены деривативные иски, которые по-

¹ О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица, см.: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 10. URL: http://rulaws.ru/vs_rf/Postanovlenie-Plenuma-VAS-RF-ot-30.07.2013-N-62/ (дата обращения: 24.10.2018).

² *Белых В. С.* Принцип свободы договора в английском праве: доктрина и судебная практика // Право и государство. 2015. № 4 (69). С. 35.

³ *Salomon v Salomon & Co Ltd* [1897] AC 33 // *Kelly D. Business Law*. 3rd Ed. Routledge, 2017. P. 325, 355—356.

⁴ *Companies Act 1862* // *Kelly D. Op. cit.* P. 362, 371.

⁵ *Lowry J., Reisberg A. Pettet's Company Law: Company Law and Corporate Finance*. 4th Ed. Pearson, 2012. P. 312.

⁶ *Companies (Shareholders' Rights) Regulations 2009* (SI 2009/1633) // URL: <http://www.legislation.gov.uk/uksi/2009/1632/made/>.

⁷ *Kelly D. Op. cit.* P. 179.

звонят акционерам (участникам) подавать иск напрямую против директора при наличии обстоятельств *prima facie*, свидетельствующих о нарушении директором своих полномочий⁸. В остальных случаях отсылки к недобросовестности позволяют уволить директора или взыскать штраф, если имеет место конкретное нарушение служебных обязанностей⁹.

В деле *Regentcrest Plc v Cohen* [2001]¹⁰ суд применил субъективный тест (*subjective test*), чтобы определить, были ли действия директора честными и направленными на достижение наилучшего результата для компании.

В данном решении суд указал, что ответ на «вопрос о том, верил ли директор в то, что он действовал в интересах компании», определяется исходя из того, привело ли действие или бездействие директора к такому существенному ущербу для компании, при котором директору будет очень сложно убедить суд в добросовестности своих действий.

Объективный тест (*objective test*), также зафиксированный в действующем корпоративном законодательстве¹¹, разработан на основании рассмотренного судом дела *Norman v Goddard* [1992]¹². Этот тест предполагает установление факта соответствия директора следующим критериям: общепринятые знания, умения и опыт,

которые могут ожидаться от среднего директора, выполняющего схожие функции.

Как видно, общие основания недобросовестности, которые установлены п. 3 ст. 10 ГК РФ, не являются достаточными для привлечения директора к ответственности. Доктрины права справедливости применяются исключительно редко.

В пункте 1 абз. 5 Постановления Пленума ВАС РФ № 62 сформулирован подход, который, по сути, отсылает к праву справедливости (*equity*¹³): нежелание ответчика сотрудничать с судом, проявляемое в отказе от дачи разъяснений относительно обстоятельств дела (неважно, мотивированных или нет) либо их явной неполноты, в результате которой суд не может оценить все обстоятельства дела при совокупном взгляде на них с позиций обеих сторон конфликта, представляется суду недобросовестным, вызывающим и игнорирующим судебный процесс.

Нежелание занимать активную позицию в процессе действительно рассматривается как одно из доказательств недобросовестности, когда процессуальный оппонент такой стороны ссылается на противоречие в позиции ответчика (*clean hands doctrine*¹⁴, *estoppel*¹⁵, *unreasonableness*) или вызывает к общим основам права справедливости (*equity*), таким как материальная справедливость (*fairness*).

⁸ *Foss v Harbottle* (1843) // Kelly D. Op. cit. P. 187.

⁹ *Kelly D.* Op. cit. P. 428.

¹⁰ *Hughes P.* Directors' personal liability for cartel activity under UK and EC law — A tangled web // E.C.L.R. 2008. № 29 (11). P. 648.

¹¹ *Hughes P.* Op. cit. P. 643.

¹² *Norman v Goddard* [1992] B.C.L.C. 1028 // URL: <https://thomsonreuters.com/Westlaw/internationalmaterials> (дата обращения: 22.11.2018).

¹³ *Regentcrest Plc* [2001] 2 B.C.L.C. 80 per Jonathan Parker J. at [120]: «...the question is whether the director honestly believed that his act was in the interests of the company... No doubt, where it is clear that the act or omission resulted in substantial detriment to the company, the director will have a harder task persuading the court that he honestly believed it to be in the company's interest...» // URL: <https://thomsonreuters.com/Westlaw/internationalmaterials> (дата обращения: 22.11.2018).

¹⁴ «In determining applicability of clean hands doctrine, relative extent of each party's wrong upon the other and upon public should be taken into account, and equitable balance struck» (см.: *Republic Molding Corp. v. B. W. Photo Utilities*, 319 F.2d 347 (9th Cir. 1963) // URL: <https://thomsonreuters.com/Westlaw/internationalmaterials> (дата обращения: 22.11.2018)).

¹⁵ «Although they are related doctrines, equitable estoppel, promissory estoppel, and estoppel by silence are three legally distinct estoppel claims» (см.: *S & P Brake Supply, Inc. v. Stemco LP*, 385 Mont. 488 (2016) // URL: <https://thomsonreuters.com/Westlaw/internationalmaterials> (дата обращения: 22.11.2018)).

Следует также заметить, что приведенные примеры являются скорее исключениями, так как нормы права справедливости применяются судами в корпоративных спорах очень лимитированно. Суды исходят из того, что правоотношения, в которых стороны являются профессионалами, должны основываться на кодифицированных положениях закона, детальных договорных условиях, сложившейся правоприменительной традиции и обычаях делового оборота. Допустить, что сложный и интенсивный экономический механизм, в котором годами формировались корпоративные отношения, может иметь настолько существенные пробелы, что их следует устранять посредством норм справедливости, в настоящее время достаточно сложно.

Аналогичным взглядом на корпоративное право, очевидно, руководствовался и ВАС РФ.

В соответствии с п. 2 Постановления Пленума ВАС № 62 недобросовестность деяний ответчика считается доказанной в случае, если:

- а) ответчик руководствовался при принятии своих решений имеющейся личной заинтересованностью, которая противопоставлялась им корпоративным интересам;
- б) ответчик утаивал сведения о проведенных экономических операциях, в том числе не включал их в отчетность о хозяйственно-экономической деятельности корпорации;
- в) ответчик выстраивал деловые отношения (в том числе фактически принимал контрактные обязательства) без обязательного дозволения на это со стороны наблюдательного совета/собрания собственников (акционеров) компании;
- г) ответчик препятствует информированию собственников корпорации о негативных последствиях своей деятельности путем не передачи им необходимых бумаг даже после его снятия с руководящей должности;
- д) ответчик предпринимал шаги, игнорируя и не уделяя должного внимания сведениям,

имеющим ключевое значение для данной ситуации (проигнорированная им информация должна была быть доступной ему для ознакомления) и свидетельствующим об опрометчивости одобряемых им деловых инициатив.

Информацией о невыгодности потенциальной сделки лицо должно обладать с момента ее заключения (*due diligence*). Имеет значение, настаивал ли ответчик на включение в договор условий, которые являются приемлемыми для корпорации (*reasonable care*). В случае, если не настаивал, в его действиях усматривается желание причинить урон или халатность и, следовательно, очевидной становится недобросовестность директора. Такой подход в определенной степени корреспондирует с подходом судов Англии, США, Канады, которые были рассмотрены выше.

Некоторые из положений Постановления Пленума ВАС № 62 предоставили судам право проведения чрезмерно глубокого анализа экономической сущности корпораций. Примером этого может быть постановление ФАС Северо-Кавказского округа, в котором суд ставит следующие вопросы: «Зачем заключать договор аренды помещений, когда у корпорации и так есть в наличии пространственные ресурсы, которые не используются на полную мощность? Где здесь проявляется разумность и хозяйственная ценность проведенной операции?»¹⁶ При этом установленная судом невыгодность сделки является основанием для взыскания ущерба корпорации не только с ее исполнительного органа, но также с акционеров (участников), которые одобряли предпринимаемые действия.

Согласно п. 3 Постановления Пленума ВАС № 62 неразумность ответчика считается очевидной, если из материалов дела усматривается, что:

- а) ответчик не использовал все доступные ему информационные источники;
- б) поспешил проявить инициативу до получения всех объективных данных, которые

¹⁶ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 17.02.14 по делу № А53-6823/2013 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/721dhtsyiaw4/> (дата обращения: 25.03.2017).

¹⁷ Корпоративное право : учебный курс : в 2 т. / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов и др. ; отв. ред. И. С. Шиткина. М. : Статут, 2018. Т. 2. С. 411.

нужны для правильной оценки ситуации при стандартной практике делового оборота;

в) ответчик не прошел все стадии предварительного внутрикорпоративного контроля разумности и сбалансированности принимаемого им решения (обсуждения с коллегами и принятия от них письменных замечаний и заключений, отправления документации на экспертизу в юридическую службу компании, расчет необходимых затрат с экономическим отделом и так далее).

Таким образом, Постановление Пленума ВАС № 62 вменяет в обязанность исполнительного органа юридического лица совершение определенных превентивных действий. Так, разумные действия директора предполагают необходимость воспользоваться всеми доступными способами проверки своего делового партнера, в частности его подлинного финансового состояния и существенных юридических обстоятельств, которые могут повлиять на сделку. При этом следует отметить, что не каждый из директоров имеет в своем распоряжении надлежащий ресурс для проверки контрагентов.

Законодательством не закреплен стандарт добросовестной манеры ведения дел и налаживания контактов. Абзац 2 ч. 2 ст. 51 ГК РФ предоставляет лицу, которое ведет ознакомление с данными своего контрагента через реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ), полное право доверять этой информации как такой, которая соответствует объективной действительности. Так, данные, занесенные в ЕГРЮЛ, считаются правдивыми и точными исходя из принципа публичной достоверности¹⁷.

В то же время проведение анализа экономической деятельности или проверки достоверности данных, содержащихся в ЕГРЮЛ, пред-

ставляется затруднительным. В связи с этим, предъявляя к директору требование должной осмотрительности, судам следует исходить из фактических возможностей среднего, стандартного предпринимателя. В ранее приводимом деле *Lagunas Nitrate Co v Lagunas Syndicate* (1989) английские суды в отношении стандарта осмотрительности (*duty of diligence*) отметили, что говорить о его нарушении можно только при значительном виновном пренебрежении директора своими обязанностями¹⁸.

В США *duty of diligence* предполагается в основном в банковской деятельности и при сделках слияния и поглощения (M&A) либо в сделках по приобретению крупных пакетов акций публичных компаний. Данные стандарты прописаны в информационных письмах регуляторов и предполагают четкие и последовательные алгоритмы действий. В таких алгоритмах также указаны реестры, из которых следует запрашивать информацию, используя которую орган юридического лица, ответственный за проверку, освобождается от юридической ответственности при наступлении неблагоприятных экономических последствий¹⁹.

Примеры из арбитражных дел служат подтверждением тому, что, рассматривая аналогичные вопросы, российские суды не ссылаются на нарушение каких-либо алгоритмов, установленных регулятором, например Банком России²⁰. Напротив, суды, устанавливая экономическую целесообразность сделок, принимают различные по содержанию решения. Это, в свою очередь, затрудняет возможность обобщения практики правоприменения и установления единых стандартов. Более того, российским правом не предусмотрен механизм подобного обобщения, который успешно работает, например, в США

¹⁸ *Lagunas Nitrate Co v Lagunas Syndicate* (1989): «it must, in a business sense, be culpable or gross» (URL: <https://thomsonreuters.com/Westlaw/internationalmaterials> (дата обращения: 23.11.2018)).

¹⁹ См., например: *Due Diligence for Private Mergers and Acquisitions*, Practical Law Practice Note 8-381-0512 «If the target business is part of a US public company group, counsel should review information available on the SEC's EDGAR system before making any requests» (URL: <https://thomsonreuters.com/Westlaw/internationalmaterials> (дата обращения: 23.11.2018)).

²⁰ Определение Верховного Суда РФ от 11.02.2016 № 310-КГ15-13530 по делу № А54-2745/2014 ; определение Верховного Суда РФ от 28.12.2016 № 302-ЭС15-3580(6) по делу № А19-7887/2011 ; определение Верховного Суда РФ от 13.10.2016 № 305-ЭС16-12751 по делу № А41-7686/2013.

в действиях таких регуляторов, как Комиссия по ценным бумагам и биржам²¹. Комиссия занимается регулярным разъяснением и обобщением судебных актов и действующего законодательства²², формируя правоприменительный тренд в новых отраслях права и разрабатывая стандарты, которыми могут руководствоваться предприниматели.

Российские суды вынуждены применять общие нормы закона и разъяснения пленумов²³ для установления конкретных случаев нарушения директорами должной осмотрительности (*duty of diligence*). Так, убытки были взысканы с членов кредитного комитета банка, за не проявление должной осмотрительности при выдаче кредитов юридическим лицам, чье финансовое состояние, в соответствии с выводами суда, должно было заставить банк «усомниться» в возможности выделения средств²⁴.

Рассмотрим вопрос конфликта интересов в контексте проявления добросовестности (*duty of loyalty*). В соответствии с п. 2.2 Постановления Пленума ВАС РФ № 62 конфликт интересов как реально существующий факт (обстоятельство, подтвержденное материалами арбитражного процесса) является поводом для суда признать действия директора недобросовестными.

Для того чтобы предвидеть возможное столкновение частной заинтересованности лица с корпоративными целями и задачами собствен-

никам корпорации, настоятельно рекомендуется не наделять статусом носителей исполнительных функций в корпорации лиц, которые каким-либо образом осуществляют смежные функции в составе иных юридических лиц²⁵. Также главам корпораций рекомендуется не забыть обозначить в договорных и основополагающих документах компании запрет на принятие ее директорами различных материальных знаков признательности и иных имущественных выгод и преимуществ от третьих лиц²⁶. Данные аспекты *duty of loyalty* регулируются кодексом корпоративного поведения, который представляет собой модельный документ²⁷, замененный кодексом корпоративного управления Банка России²⁸.

Четвертая глава старого и вторая глава нового рассматриваемого кодекса содержат тезис о том, что добросовестность лица, наделенного в корпорации исполнительными функциями, является прямой причиной доверия, испытываемого к нему со стороны собственников компании. Однако доверие не исключает контрольно-ревизионных мероприятий, которые, по сути, являются дополнительной возможностью для ответственного и вдумчивого руководителя отвечать перед акционерами за результаты и обосновывать выбор того или иного варианта действий²⁹.

Формулировки российских кодексов корпоративного поведения перекликаются с Модель-

²¹ Securities and Exchange Commission (SEC) // URL: <https://www.investopedia.com>.

²² Also known as SEC and the Commission. The federal agency created to administer the Securities Act and the Exchange Act and later given authority to administer the Trust Indenture Act of 1939, the Investment Company Act of 1940 and the Investment Advisers Act of 1940. The statutes administered by the SEC are designed to promote full public disclosure and protect the investing public against fraudulent and manipulative practices in the securities markets.

²³ *Карпетов А. Г.* Проблемные вопросы применения ст. 174 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 1. С. 92.

²⁴ См., например: постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 июля 2017 г. по делу № А40-23006/12.

²⁵ Кодекс корпоративного поведения Центрального банка РФ. П. 2.1.3 гл. IV // URL: http://www.cbr.ru/sbrfr/archive/fsfr/fkcb_ffms/catalog.asp@ob_no=1772.html (дата обращения: 26.11.2018).

²⁶ Кодекс корпоративного поведения Центрального банка РФ. П. 3.1.2.

²⁷ Кодекс корпоративного поведения (от 28 ноября 2001 г.) Центрального банка РФ // URL: http://www.cbr.ru/sbrfr/archive/fsfr/fkcb_ffms/catalog.asp@ob_no=1772.html (дата обращения: 28.11.2018).

²⁸ Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления».

²⁹ *Кашанина Т. В.* Корпоративное право. М.: Норма, Инфра-М, 1999. С. 500.

ным законом о предпринимательских корпорациях США от 1984 г., в частности относительно требований разумности (пп. (2) п. а) § 8.30)³⁰.

Безусловно, сто́ит согласиться, что свод рекомендаций этического характера может содержать общие принципы и постулаты, однако необходимость их прямого переноса в нормы закона далеко не так очевидна. Американский законодатель этого не делает. Хотя, несмотря на повсеместное применение системы общего права (Common law), в сфере корпоративного права встречаются кодифицированные нормы³¹. Однако разъяснение понятий нравственно-этического характера остается прерогативой доктрины³².

Российская правоприменительная практика демонстрирует, насколько широко может быть применено требование добросовестности при его текущем закреплении в корпоративном законодательстве. Так, в деле ФАС Уральского округа от 20.05.2014 по делу № А50-12101/2013 бремя доказывания было переложено судом на директора (ответчика), так как истец не смог подтвердить доказательствами отсутствие должной степени заботливости (duty of care). Директор не считал нужным доказывать свою невиновность, и суд удовлетворил требования истца.

Также процессуальные участники судебных споров часто ссылаются на положения о добросовестности, вместо того чтобы использо-

вать релевантные нормы применимого законодательства. Вне зависимости от результата, будет ли такое решение правильным и справедливим, по существу, в целях формирования корректного правоприменительного подхода следует ограничить применение бланкетных норм, допускающих высокую степень судебной дискреции. Рассмотрим ряд решений, где отсылки к добросовестности подменяют нормы специального корпоративного, гражданского, налогового законодательства и др.

Вывод денежных средств в виде наличности для оплаты контрагентам³³ регулируется соответствующими нормами налогового и административного законодательства³⁴, также режим и форма расчетов с контрагентами могут регулироваться локальными корпоративными актами, режимом одобрения сделок на предприятии и утвержденными обществом формами договоров.

Увеличение размера своего вознаграждения путем издания соответствующих распоряжений или официального оформления себя по совместительству на какую-либо дополнительную должность в корпорации³⁵ также регулируется положениями трудового, налогового, уголовного права или внутренними документами.

Заклучение с обществом различных сделок, которые предполагают выполнение директором опосредованно, через подконтрольные юриди-

³⁰ Шиткина И. С. Корпоративное право : учебник. М. : Кнорус, 2015. С. 428.

³¹ Development and International Economic Cooperation: Transnational Corporations, UN Doc. E/1990/94; Draft United Nations Code of Conduct on Transnational Corporations, May 1983, 23 ILM 626 (1984) ; Weissbrodt D., Kruger M. Norms on the Responsibilities of Transnational Corporations and Other Business Enterprises with Regard to Human Rights // 97 Am. J. Int'l L. 2003. Pp. 901, 922. См. также: Del. Code Ann. tit. 8, § 102 (West): «The fiduciary duty of due care may overlap with the conduct that comes within the rubric of good faith in a psychological sense, but from a legal standpoint the duties of corporate fiduciaries to use due care and act in good faith are and must remain quite distinct».

³² Griffith S. J. Good Faith Business Judgment: A Theory of Rhetoric in Corporate Law Jurisprudence // Duke L. J. 2005. 55: «good faith functions as a rhetorical device rather than a substantive standard. That is, it operates as a speech act, a performance, as opposed to a careful method of analysis».

³³ Определение ВС РФ от 23.07.15 по делу № А07-11350/2013 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/08twpkawzc1j/> (дата обращения: 30.09.2018).

³⁴ Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Российская газета. 2011. 30 июня.

³⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.01.2015 по делу № А41-35729/14 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/oeqivbresibp/> (дата обращения: 02.11.2018).

ческие лица, работ, оказание услуг, когда необходимость таких работ или услуг неочевидна³⁶. Такого рода сделки подпадают под специальное регулирование. Кодекс корпоративного управления рекомендует оговаривать допустимые и недопустимые виды сделок в уставе общества³⁷. Также действующее законодательство содержит положение о сделках, выходящих «за пределы обычной хозяйственной деятельности» обществ³⁸. Сам факт доказывания экономической неоправданности сделки, как и само это обстоятельство, напротив, не является необходимым для установления надлежащих обстоятельств, свидетельствующих о злоупотреблении директора³⁹.

Множество противоречий встречается при рассмотрении судами вопроса начисления премий менеджментом компании самим себе. Так, правильной, с нашей точки зрения, является ссылка судов на отсутствие прямо выраженного запрета в локальных корпоративных актах действий по начислению премий директором в отношении себя лично⁴⁰. Такая позиция следует из специальных законов⁴¹.

Альтернативный подход предполагает применение норм о добросовестности путем анализа сделки на предмет интереса, который могло иметь непосредственно общество⁴², и приводит к противоположному результату при рассмотрении дел схожей категории.

³⁶ Определение ВС РФ от 21 июля 2015 г. по делу № А53-25249/2013 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/azbfeslxvzbzr/> (дата обращения: 02.11.2018).

³⁷ «1. Сделки по продаже акций (долей) подконтрольных обществу юридических лиц, имеющих для него существенное значение, в результате совершения которых общество утрачивает контроль над такими юридическими лицами. 2. Сделки с имуществом общества или подконтрольных ему юридических лиц (в том числе взаимосвязанных сделок, совершенных обществом, одним и (или) несколькими подконтрольными ему юридическими лицами), стоимость которого превышает указанную в уставе общества сумму или которое имеет существенное значение для хозяйственной деятельности общества. 3. Сделки по созданию подконтрольного обществу юридического лица, имеющего существенное значение для деятельности общества» (см.: письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления»).

³⁸ С 1 января 2017 г. обычная хозяйственная деятельность получает легальное закрепление — через определение сделок, не выходящих за ее пределы (п. 4 ст. 78 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», п. 8 ст. 46 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью») (см.: Федеральный закон от 03.07.2016 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об акционерных обществах” и Федеральный закон “Об обществах с ограниченной ответственностью” в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»).

³⁹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в федеральные законы “Об акционерных обществах” и Федеральный закон “Об обществах с ограниченной ответственностью” (в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность)».

⁴⁰ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.12.2010 № 09АП-29909/2010 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://www.resheniya-sudov.ru/2010/127809/> (дата обращения: 03.11.2018).

⁴¹ Перечень директорских полномочий носит не закрытый характер, и все вопросы, которые не решают иные лица, подлежат разрешению именно руководителем общества. К такому вопросу относится и решение вопросов трудоустройства и найма, что предполагает возможность единоличного исполнительного органа решать трудовые вопросы и в отношении себя как работника, нанятого корпорацией (ст. 69 Федерального закона «Об акционерных обществах», ст. 40 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

⁴² Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 08.09.2011 № Ф01-3660/2011 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://kad.arbitr.ru/pdfdocument/f20ac3bd-dbd3-4b9e-9712-64a867a5ec0d/A11-4908-2009_20110908_Postanovlenie%20kassacionnoj%20instancii.pdf (дата обращения: 06.11.2018).

В качестве практического решения представляется наиболее целесообразным для корпорации урегулировать этот правовой пробел в частном порядке — путем принятия соответствующих локальных актов, внесения уточнений в положения об оплате труда, а также скорректировать содержание трудовых контрактов с директорами корпорации.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать в рассмотрении споров по сделкам, в отношении которых имеется заинтересованность⁴³.

Если директор провел такие сделки без получения согласия и эти действия привели к экономическому убытку, такие убытки могут быть взысканы с директора⁴⁴. Лица, которые одобрили такую сделку, тоже могут быть привлечены к солидарной ответственности⁴⁵.

Так, согласно абз. 2 п. 2. пп. 5 Постановления ВАС РФ № 62 материальная ответственность ответчика может быть снята с него, если проведенная им сделка планировалась в совокупности с другими, конечной задачей которых было именно улучшение экономического положения корпорации. Постановление Пленума ВАС РФ № 28 разъясняет: чтобы лица, ответственные за совершение сделки, понесли ответственность за объективно существующие убытки корпорации, истцы должны доказать, что предпринятые ответчиком действия не служили целям: 1) избежания причинения еще большего вреда компании (*duty to mitigate*); 2) или желания по-

лучения выгоды в совокупности с проведением параллельных деловых операций (пп. 2 п. 3)⁴⁶.

Однако праворазъяснительная деятельность ВАС не всегда имела должный эффект. В рассматриваемом деле судьи трех судебных инстанций пришли к выводу о том, что с директора можно взыскать стоимость штрафа в пользу общества за несоблюдение правил пожарной безопасности. Суды постановили, что штраф с директора следует взыскать по причине нарушения им требования о митигации убытка и требования добросовестности⁴⁷. Регрессное требование к директору, безусловно, может возникнуть у общества за нарушение его полномочий. Директору в случае, когда встает вопрос о размере причиненного вреда, который можно было уменьшить, следует доказывать, что он исполнил весь имеющийся потенциал митигации (*duty to mitigate*). Этот аспект распределения ответственности хорошо изучен доктриной деликтного права в континентальной системе или *tort law* в англо-американской системе права. Своими истоками он восходит к принципу *respondeat superior*, объясняющему, при каких обстоятельствах компания отвечает за виновные действия своего представителя. Распределение убытка между компанией и ее представителями происходит на основании соблюдения сотрудниками своих должностных инструкций или грубого пренебрежения (*gross negligence*)⁴⁸ должностными обязанностями.

⁴³ По общему правилу целесообразность сделок, в отношении которых имеется заинтересованность корпорации, проверяется собранием акционеров (участников), советом директоров и требует их одобрительного одобрения (ст. 81 Федерального закона «Об акционерных обществах»; ст. 45 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

⁴⁴ Постановление АС Центрального округа от 31.08.2015 по делу № А08-4257/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/q0pj0gjzrlqj/> (дата обращения: 10.04.2017).

⁴⁵ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) / Н. А. Агешкина, Н. А. Баринов, Е. А. Бевзюк и др. М.: Инфра-М, 2016 (Комментарии к п. 4 ст. 53.1 ГК РФ).

⁴⁶ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.05.2014 № 28 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163615/ (дата обращения: 12.04.2017).

⁴⁷ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.03.2015 № Ф04-16354/2015 по делу № А46-6878/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://online.lexpro.ru/document/10176849> (дата обращения: 16.10.2018).

⁴⁸ *Lubben S. J. Railroad Receiverships and Modern Bankruptcy Theory // Cornell L. Rev. 2004. 89. P. 1430.* URL: <https://thomsonreuters.com/Westlaw/internationalmaterials> (дата обращения: 23.11.2018).

Выводы

Возможность взыскать деньги с директора должна быть строго ограничена законом и внутренними документами компании. Признание убытка от невыгодной сделки вследствие недобросовестности действий директора в том расширительном понимании, которое сложилось в российской правоприменительной практике, ставит под вопрос дальнейшее развитие института представительства и корпоративных отношений.

Видится разумным ограничить ответственность за недобросовестность с применением объективного стандарта (*objective test*) случаями очевидного нарушения. Такими нарушениями следует считать настолько очевидные отклонения от логичного курса поведения, что учитывать подобные нарушения во внутренних

документах компании не имело смысла. Все случаи, по которым директор должен нести ответственность, должны содержаться в корпоративных документах. Следует также заметить, что в непубличных компаниях ст. 53.1 ГК РФ допускает возможность подробного описания ответственности и случаев ограничения ответственности, к которым на практике участники корпораций редко прибегают.

В редких случаях, когда речь идет об обстоятельствах, касающихся отдельных сделок, и в тех случаях, когда директор проходит объективный тест, но ущерб настолько велик, что не вызывает сомнения *prima facie*, допускается обращение к субъективному тесту (*subjective test*) и глубокий анализ экономической основы корпорации с целью выявления причин для такого грубого нарушения, допущенного директором.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Афанасьева Е. Г., Вайпан В. А., Габов А. В. и др. Корпоративное право : учебный курс : в 2 т. / отв. ред. И. С. Шиткина. — М. : Статут, 2018. — Т. 2. — 990 с.
2. Белых В. С. Принцип свободы договора в английском праве: доктрина и судебная практика // Право и государство. — 2015. — № 4 (69). — С. 30—35.
3. Каралетов А. Г. Проблемные вопросы применения ст. 174 ГК РФ // Вестник гражданского права — 2018. — № 1. — С. 86—147.
4. Кашанина Т. В. Корпоративное право. — М. : Норма, Инфра-М, 1999. — 500 с.
5. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) / Н. А. Агешкина, Н. А. Баринов, Е. А. Бевзюк и др. — М., 2016. — 712 с.
6. Шиткина И. С. Корпоративное право : учебник. — М. : Кнорус, 2015. — 428 с.
7. Weissbrodt D., Kruger M. Norms on the Responsibilities of Transnational Corporations and Other Business Enterprises with Regard to Human Rights // Am. J. Int'l L. — 2003. — 97. — Pp. 901—922.
8. Lowry J., Reisberg A. Pettet's Company Law: Company Law and Corporate Finance. — 4th Ed. — Pearson, 2012. — 588 p.
9. Kelly D. Business Law. — 3rd Ed. — Routledge, 2017.
10. Griffith S. J. Good Faith Business Judgment: A Theory of Rhetoric in Corporate Law Jurisprudence // Duke L. J. — 2005. — 55. — Pp. 1—73.
11. Lubben S. J. Railroad Receiverships and Modern Bankruptcy Theory // Cornell L. Rev. — 2004. — 89. — Pp. 1426—1432.

Материал поступил в редакцию 22 января 2019 г.

RESPONSIBILITY OF THE EXECUTIVE BODY OF A LEGAL ENTITY FOR FRAUD

BRISOV Yuriy Vladimirovich, Master of Law, Postgraduate of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice (RGUP), Lecturer of the Department of Continuing Professional Education of RGUP, Master of American Law (American LL.M.)
ceo@lfcs.pro
117418, Russia, Moscow, ul. Novocheremushkinskaya, d. 69

Abstract. *The paper discusses various legislative and enforcement approaches in the Russian Federation, USA, and Great Britain; compares the various provisions of the Plenums of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation and the Armed Forces of the Russian Federation on issues of good faith; analyzes the application of these provisions by the courts when considering issues of holding directors to account as a result of malpractice that entailed property damage. By the example of consideration of a number of key cases from the law enforcement practice of the courts of the Anglo-American system of law, the question of the use of tests is considered: objective and subjective integrity tests to regulate the issue of holding the executive body accountable. English and American courts resort to the criterion of good faith in very rare cases, and the fiduciary duty of directors in commercial companies was significantly limited. The approach used by the common law courts implies a minimal degree of court interference in the economic affairs of commercial companies. Holding the director accountable is allowed only in case of obvious neglect of duties or is considered in some cases based on the specific circumstances of the case. Russian courts often hold directors accountable not as a result of gross negligence or proven intentional actions by executive bodies to harm the company, but as a result of society not achieving the desired economic result. Besides, dishonesty compensates for obvious gaps in the internal corporate routine, which do not make it possible to precisely determine the boundaries of authority and the area of responsibility of the executive body. The author formulates a conclusion on the degree of admissible judicial discretion when applying the provisions on good faith to corporate relations as requiring special regulation.*

Keywords: *good faith, responsibility, corporation, director, objective test, subjective test, mitigation, dishonesty.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Afanas'eva E. G., Vajpan V. A., Gabov A. V. i dr. Korporativnoe pravo : uchebnyj kurs : v 2 t. / otv. red. I. S. Shitkina. — M. : Statut, 2018. — T. 2. — 990 s.
2. Belyh V. S. Princip svobody dogovora v anglijskom prave: doktrina i sudebnaya praktika // Pravo i gosudarstvo. — 2015. — № 4 (69). — S. 30—35.
3. Karapetov A. G. Problemnye voprosy primeneniya st. 174 GK RF // Vestnik grazhdanskogo prava — 2018. — № 1. — S. 86—147.
4. Kashanina T. V. Korporativnoe pravo. — M. : Norma, Infra-M, 1999. — 500 s.
5. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. Chast' pervaya ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ (postatejnyj) / N. A. Ageshkina, N. A. Barinov, E. A. Bevzyuk i dr. — M., 2016. — 712 s.
6. Shitkina I. S. Korporativnoe pravo : uchebnyj. — M. : Korus, 2015. — 428 s.
7. Weissbrodt D., Kruger M. Norms on the Responsibilities of Transnational Corporations and Other Business Enterprises with Regard to Human Rights // Am. J. Int'l L. — 2003. — 97. — Pp. 901—922.
8. Lowry J., Reisberg A. Pettet's Company Law: Company Law and Corporate Finance. — 4th Ed. — Pearson, 2012. — 588 r.
9. Kelly D. Business Law. — 3rd Ed. — Routledge, 2017.
10. Griffith S. J. Good Faith Business Judgment: A Theory of Rhetoric in Corporate Law Jurisprudence // Duke L. J. — 2005. — 55. — Rp. 1—73.
11. Lubben S. J. Railroad Receiverships and Modern Bankruptcy Theory // Cornell L. Rev. — 2004. — 89. — Rp. 1426—1432.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

И. И. Гордиенко*

Правовое регулирование утилизации объектов недвижимости, находящихся в государственной собственности

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы, связанные с утилизацией объектов недвижимости, находящихся в государственной собственности.*

Выделены две группы объектов, которые имеют особенности списания и утилизации: объекты, списание и утилизация которых происходят в общем порядке после снятия с них специального статуса (объекты культурного наследия, защитные сооружения), и объекты, списание и утилизация которых урегулированы специальным законодательством в связи с особым назначением таких объектов (объекты жилищного фонда, недропользования, водного транспорта). Рассмотрены особенности утилизации таких объектов, в частности необходимость снятия специального статуса до проведения процедуры утилизации объектов. Рассмотрена проблема оформления прав на земельные участки под объектами, которые подлежат сносу или фактически отсутствуют. Делается вывод о том, что необходимо совершенствование законодательства в части утилизации объектов, в том числе разработка порядка реализации материалов, образовавшихся в результате сноса объектов капитального строительства.

***Ключевые слова:** утилизация, списание, объекты недвижимости, защитные сооружения объектов гражданской обороны, объекты культурного наследия, объекты недропользования, акт обследования.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.185-192

В настоящее время в Российской Федерации достаточно много объектов, которые находятся в аварийном состоянии и подлежат утилизации. Данные объекты представляют собой потенциальную опасность как для насе-

ления, так и для экологической безопасности страны.

Утилизация представляет собой виды работ по обеспечению ресурсосбережения, при которых осуществляются переработка и/или

© Гордиенко И. И., 2019

* Гордиенко Ирина Игоревна, кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного права Государственного университета по землеустройству (г. Москва), начальник отдела Управления имуществом государственной казны Росимущества (г. Москва)

Irina.i_gordienko@hotmail.com

143405, Россия, г. Красногорск, Красногорский бул., д. 17

вторичное использование отслуживших установленный срок и/или отбракованных изделий, материалов, упаковки и т.п., а также отходов¹.

Порядок утилизации объектов недвижимости, находящихся в государственной собственности, урегулирован постановлением Правительства РФ от 14.10.2010 № 834 «О списании федерального имущества»². В сферу регулирования данного нормативного правового акта входят правоотношения, связанные со списанием имущества, закрепленного на праве хозяйственного ведения и оперативного управления за организациями, кроме:

- федерального имущества, изъятого из оборота;
- музейных предметов и коллекций;
- федерального имущества, расположенного за пределами РФ.

Списание и утилизация имущества, составляющего казну Российской Федерации, регулируется приказом Федерального агентства по управлению государственным имуществом от 09.10.2012 № 220 «О порядке рассмотрения Росимуществом обращений по вопросам утилизации федерального имущества, составляющего государственную казну Российской Федерации».

В понятие утилизации входят следующие виды работ: принятие решения об утилизации, мероприятия по утилизации, исключение объекта недвижимости из реестра федерального имущества и из единого государственного реестра недвижимости.

Принятие решения об утилизации объектов недвижимости зависит от того, в чьем пользовании оно находится.

В случае если федеральное имущество передано на праве оперативного управления либо хозяйственного ведения организациям, списание имущества осуществляется непосредственно данной организацией при наличии согласия собственника имущества. Если производится списание имущества, находящегося в оператив-

ном управлении у учреждений (федеральные казенные учреждения, федеральные бюджетные и автономные учреждения), также необходимо получить согласие учредителя данной организации.

Если учредителем организаций выступает Правительство РФ, списание имущества производится с согласия органа власти, осуществляющего полномочия собственника имущества. В настоящее время полномочия собственника федерального имущества возложены на Федеральное агентство по управлению государственным имуществом, согласно положению, утвержденному постановлением Правительства РФ от 05.06.2008 № 432 «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом»³ (за исключением случаев, когда указанные полномочия в соответствии с законодательством РФ осуществляют иные федеральные органы исполнительной власти). Так, функции по управлению федеральным имуществом, закрепленным за Вооруженными силами на праве оперативного управления и хозяйственного ведения, осуществляет Минобороны России (постановление Правительства РФ от 29.12.2008 № 1053 «О некоторых мерах по управлению федеральным имуществом»)⁴.

Самостоятельно имеют право списывать имущество федеральные органы исполнительной власти, органы управления государственных внебюджетных фондов, государственные академии наук.

Списание имущества, которое находится в казне Российской Федерации, осуществляется по особому порядку, который прописан в приказе Росимущества от 09.10.2012 № 220.

Основаниями для списания имущества казны Российской Федерации являются:

- непригодность для дальнейшего использования, в том числе физического или морального износа;
- утрата вследствие хищения, гибели или уничтожения (в том числе помимо воли владельца);

¹ ГОСТ Р 52104-2003 «Ресурсосбережение. Термины и определения»: утв. постановлением Госстандарта России от 03.07.2003 № 235-ст.

² СЗ РФ. 2010. № 42. Ст. 5402.

³ СЗ РФ. 2008. № 23. Ст. 2721.

⁴ СЗ РФ. 2009. № 3. Ст. 379.

— негодность в случае стихийных бедствий и иных чрезвычайных ситуаций.

При этом под физическим износом понимается несоответствие свойств основного средства его первоначальному состоянию, а под моральным износом понимается несоответствие основного средства современному уровню техники или иной области знаний⁵.

Одними из основных документов, необходимых для принятия решения об утилизации недвижимого имущества, являются:

- правоустанавливающие документы на объект и земельный участок, на котором он расположен;
- документы, подтверждающие основание для принятия решения об утилизации (заключение лицензируемой организации о невозможности дальнейшего использования объекта, справка о возбуждении уголовного дела о хищении, справка о пожаре и т.п.);
- решение комиссии;
- акт проверки объекта.

В процедуру по утилизации имущества, находящегося в казне Российской Федерации, входят следующие этапы:

- создание постоянно действующей комиссии в территориальном органе при Росимуществе, которая осматривает федеральное имущество, принимает решение о целесообразности дальнейшего использования, устанавливает причины списания и подготавливает акт о списании;
- документы рассматриваются комиссией в течение 14 дней со дня их поступления, при необходимости привлекаются эксперты;
- в случае наличия всех документов и соответствия их предъявляемым требованиям, комиссия принимает решение о списании;
- пакет документов направляется в центральный аппарат Росимущества для рассмотрения и согласования;

— в случае положительного решения об утилизации Росимущества направляется соответствующее поручение в адрес Территориального управления Росимущества;

- руководитель организации утверждает акт о списании;
- реализуются мероприятия, предусмотренные актом о списании (самостоятельно либо с привлечением третьих лиц на основании заключенного договора);
- после утилизации объекта при наличии документов, подтверждающих его фактическое отсутствие (акт выполненных работ; акт обследования, выполненный кадастровым инженером) данный объект исключается из реестра федерального имущества и единого государственного реестра недвижимости.

До сих пор не урегулирован вопрос по утилизации материалов и отходов, которые остаются после проведения мероприятий по утилизации объектов недвижимости. Такими материалами могут быть в том числе лом черных или цветных металлов, древесина, строительные материалы и т.п.

В соответствии ч. 1 ст. 220 Гражданского кодекса РФ⁶, если иное не предусмотрено договором, право собственности на новую движимую вещь, изготовленную лицом путем переработки не принадлежащих ему материалов, приобретает собственником материалов. То есть право собственности на полученные отходы принадлежит собственнику имущества, подлежащего утилизации, до момента перехода права собственности по договору к другому лицу.

Обладание чем-либо на праве собственности всегда влечет экономические последствия, поэтому вопросы собственности как права связаны с собственностью как экономическим фактором⁷.

Как отмечает М. В. Пономарев, важность определения момента перехода права собственности на отходы и определения их над-

⁵ См.: Беспалов М. В. Современный порядок списания основных средств в бюджетных учреждениях // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2014. № 3. С. 2 ; приказ Минфина России от 01.12.2010 № 157н. П. 51 // Российская газета. 2011. № 8.

⁶ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁷ Липски С. А. Земельная политика : учебник для академического бакалавриата. М., 2016. С. 88.

лежащего собственника состоит прежде всего в том, что на собственников отходов должны возлагаться обязательства по их содержанию (в том числе с соблюдением экологических и санитарно-эпидемиологических требований) до момента приобретения права собственности на них иным лицом⁸.

При этом реализация образовавшихся отходов, в частности металлолома, который является федеральной собственностью, возможна путем его продажи, которая должна проходить в соответствии с Федеральным законом от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»⁹.

Следует отметить, что процедура продажи федерального имущества через прогнозный план приватизации достаточно сложна и требует много времени для прохождения всех процедур (наличие правоустанавливающей документации, включение в прогнозный план приватизации, проведение оценки имущества). Весь период до момента перехода права собственности к другому лицу государство обязано хранить данное имущество. Однако финансирование на объекты федерального имущества существенно ограничено.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным разработать порядок по утилизации образовавшихся в результате сноса объектов капитального строительства материалов либо упрощенного порядка по его реализации.

Вместе с тем существует проблема списания имущества, которое фактически не существует. Можно выделить три категории таких объектов:

- 1) объекты, которые внесены в реестр федерального имущества ошибочно, — такие объекты исключаются на основании утвержденного акта о технической ошибке;
- 2) в случае наличия оформленных прав на земельный участок объект подлежит списанию на основании акта проверки и удостоверения в фактическом отсутствии объекта (является основанием для внесения соответ-

ствующих изменений в реестр федерального имущества), а также документов, подтверждающих его утрату (справки о пожаре, возбуждении уголовного дела), кадастровым инженером составляется акт обследования для исключения объекта из ЕГРН (в случае наличия соответствующей записи в ЕГРН);

- 3) при отсутствии прав на земельный участок объект подлежит списанию только в случае оформления прав на этот участок.

Наиболее простым способом выбытия объекта из реестра федерального имущества представляется способ исправления допущенных технических ошибок. Второй вариант списания объекта занимает больше времени, поскольку необходимо подготовить документы на объект недвижимости.

Самым трудным и практически неразрешимым на сегодня является списание объектов недвижимости, которые были утрачены после их внесения в реестр федерального имущества и под которыми не оформлены права собственности на земельный участок. Дело в том, что наличие права собственности на объект недвижимости является одним из оснований для возникновения права на земельный участок (ст. 3.1 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»¹⁰). В то же время оформление прав на такой объект недвижимости практически невозможно. Так, при фактическом отсутствии объекта, в том числе в результате пожара, сноса и иных причин, невозможно получить кадастровый паспорт на несуществующий объект.

Проблема отсутствия прав на земельный участок возникает не только в случае фактического отсутствия объекта недвижимости. Например, наличие объекта недвижимости на земельном участке, принадлежащем на праве собственности третьим лицам; наличие отдельно стоящих линейных объектов — столбов, мачт и иных объектов, под которыми могут быть сформированы земельные участки малой площади

⁸ Пономарев М. В. Право собственности на отходы: правовые проблемы реализации и перехода // Журнал российского права. 2017. № 18. С. 58.

⁹ СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 251.

¹⁰ СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4148.

(до 10 кв. м), не дает возможности оформить земельные участки в федеральную собственность. Так, формирование земельных участков под отдельно стоящими объектами малой площади сопряжено со следующими проблемами: земельный участок под такими объектами по площади меньше минимального размера земельного участка, допустимого к постановке на кадастровый учет, вовлечение такого участка в оборот существенно затруднено, как правило, данные объекты расположены на земельных участках, принадлежащих на правах пользования третьим лицам.

Существуют некоторые особенности списания и утилизации определенных категорий имущества, которые условно можно подразделить на две группы:

- объекты, списание и утилизация которых происходит по общему порядку после снятия с них специального статуса (например, объекты культурного наследия, защитные сооружения);
- объекты, списание и утилизация которых урегулирована специальным законодательством в связи с особым назначением таких объектов (объекты жилищного фонда, недропользования, водного транспорта).

Рассмотрим процедуру по списанию и утилизации таких специфических объектов недвижимости, как объекты гражданской обороны — защитные сооружения.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим правоотношения в части оборота объектов гражданской обороны, является Федеральный закон от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне»¹¹.

Защитное сооружение гражданской обороны (убежище) — инженерное сооружение двойного назначения, отвечающее нормам проектирования инженерно-технических мероприятий гражданской обороны и обеспечивающее в те-

чение определенного времени укрытие людей, техники и имущества от воздействия современных средств поражения, поражающих факторов и воздействия опасных химических и радиоактивных веществ, опасностей, возникающих в результате последствий аварий и катастроф на потенциально опасных объектах, либо стихийных бедствий в районах размещения этих объектов и используемое в мирное время в интересах экономики¹².

Основные положения по присвоению и снятию статуса защитного сооружения объекта гражданской обороны отражены в приказе Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий от 15.12.2002 № 583 «Об утверждении и введении в действие правил эксплуатации защитных сооружений гражданской обороны»¹³.

Снятие статуса с защитных сооружений объектов гражданской обороны осуществляется в следующем порядке:

- комиссия, образованная в территориальном органе Росимущества с представителями Главного управления МЧС России по соответствующему субъекту РФ, где расположен объект, осуществляет осмотр объекта и составляет соответствующий акт, в котором отражается состояние объекта, невозможность его дальнейшего использования по назначению (например, убежище не соответствует нормам проектирования и не оборудовано вентиляцией, несущие стены не способны обеспечить защиту от ударной волны, отсутствуют герметичные двери)¹⁴;
- собирается пакет документов и направляется в Главное управление МЧС России по соответствующему субъекту РФ, где проводится их проверка и экспертиза технического заключения о состоянии защитного сооружения объекта гражданской обороны;

¹¹ СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 799.

¹² См.: Методические рекомендации по организации и осуществлению государственного надзора в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, утвержденные МЧС России от 28.02.2018.

¹³ Российская газета. 2003. № 111.

¹⁴ См.: определение Верховного Суда РФ от 28.03.2016 № 308-ЭС16-1346 по делу № А32-5051/2014.

- после положительного решения издается акт о снятии с учета данного объекта как объекта гражданской обороны, который согласовывают Главное управление МЧС России по соответствующему субъекту РФ и территориальный орган Росимущества;
- вносятся изменения в реестр защитных сооружений объектов гражданской обороны и в реестр федерального имущества.

Хотелось бы отметить, что на территории Российской Федерации достаточно большое количество защитных сооружений заброшено и не соответствует предъявляемым требованиям. В случае разрушения объекта более чем на 70 % и невозможности его дальнейшего использования, а также нецелесообразности проведения ремонта такого объекта после снятия с объекта статуса защитного сооружения проводятся все процедуры по списанию и утилизации таких объектов в общем порядке.

Объекты культурного наследия также обладают рядом особенностей. Так, согласно Федеральному закону от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации»¹⁵ объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия.

Все объекты культурного наследия включаются в реестр объектов культурного наследия, что является подтверждением их особого статуса. Основаниями для исключения таких объектов из данного реестра могут быть:

- полная физическая утрата объекта культурного значения;
- утрата объектом историко-культурного значения.

Решение об исключении объекта культурного наследия из реестра объектов культурного наследия принимается на основании акта Правительства РФ.

Основание для принятия такого решения зависит от категории данного объекта:

- представление федерального органа охраны объектов культурного наследия и заключение государственной историко-культурной экспертизы (объект культурного наследия федерального значения);
- представление федерального органа охраны объектов культурного наследия, заключение государственной историко-культурной экспертизы и обращение органа государственной власти субъекта РФ (объект культурного назначения регионального назначения);
- представление федерального органа охраны объектов культурного наследия, заключение государственной историко-культурной экспертизы и согласование органом местного самоуправления обращения органа государственной власти субъекта РФ¹⁶.

В случае издания акта Правительства РФ и, соответственно, исключения объекта из реестра объектов культурного наследия, списание и утилизация проводятся в общем порядке¹⁷.

Также необходимо отметить, что существуют некоторые особенности списания и утилизации определенных категорий имущества, в частности жилищного фонда, объектов недропользования.

Для утилизации объекта жилищного фонда необходимо признать дом аварийным и подлежащим сносу. Порядок признания дома аварийным регулируется постановлением Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструк-

¹⁵ СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.

¹⁶ Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации». Ст. 23.

¹⁷ Суд отказал в признании незаконным акта о списании больничного комплекса (объект культурного наследия регионального значения), так как объект фактически снесен и исключен из государственного реестра (постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21.11.2017 № Ф06-26263/2017).

ции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом»¹⁸.

Оценка и обследование многоквартирного дома в целях признания его аварийным и подлежащим сносу осуществляются межведомственной комиссией, создаваемой в этих целях. Полномочия по принятию данной комиссией решений в отношении многоквартирных домов, находящихся в федеральной собственности, делегированы органам местного самоуправления в 2015 г., в соответствии с постановлением Правительства РФ от 25.03.2015 № 269 «О внесении изменений в Положение о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции»¹⁹, что позволило упростить и ускорить данную процедуру и уменьшить количество аварийного и ветхого жилья, в том числе находящегося в федеральной собственности.

Особый порядок ликвидации установлен в отношении объектов недропользования, в частности скважин.

Ликвидация и консервация скважин производится в соответствии с разд. LVII приказа Ростехнадзора от 12.03.2013 № 101 «Об утверждении Федеральных норм и правил в области промышленной безопасности “Правила безопасности в нефтяной и газовой промышленности”»²⁰.

Пользователь недр обеспечивает ликвидацию скважин, не подлежащих использованию, а также сохранность скважин, которые могут быть использованы при разработке месторождения и (или) в иных хозяйственных целях. Работы по консервации и ликвидации скважин (с учетом результатов проверки технического состояния скважин) проводятся пользователем недр или его представителем. Ликвидация и консервация скважин считается завершенной после подписания акта ликвидации или консервации пользователем недр и территориальным органом Ростехнадзора. Акты на ликвидацию, консервацию скважин представляются в территориальный орган Ростехнадзора (п. 1264, 1268, 1269 разд. LVII вышеуказанного приказа Ростехнадзора).

Однако законодательство о недрах не регулирует вопросы обеспечения восстановления бездействующего фонда скважин, его вовлечения в промышленную эксплуатацию, обеспечения промышленной и экологической безопасности ликвидированных (консервированных) скважин.

В настоящее время требуется совершенствование законодательства в части утилизации объектов недвижимости, находящихся в государственной собственности, необходимого финансирования данных работ, в целях сохранения благоприятной окружающей среды и достойной жизни населения страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беспалов М. В. Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях // Современный порядок списания основных средств в бюджетных учреждениях. — 2014. — № 3. — С. 2—8.
2. Липски С. А. Земельная политика : учебник для академического бакалавриата. — М., 2016. — 236 с.
3. Пономарев М. В. Право собственности на отходы: правовые проблемы реализации и перехода // Журнал российского права. — 2017. — № 18. — С. 53—64.

Материал поступил в редакцию 24 января 2019 г.

¹⁸ СЗ РФ. 2006. № 6. Ст. 702.

¹⁹ СЗ РФ. 2015. № 13. Ст. 1950.

²⁰ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2013. № 24.

LEGAL REGULATION OF THE STATE-OWNED REAL ESTATE DISPOSAL

GORDIENKO Irina Igorevna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Land Law of the State University of Land Management (Moscow), Head of the Property Management Department of the State Treasury of the Federal Property Management Agency (Moscow)
Irina.i_gordienko@hotmail.com
143405, Russia, Krasnogorsk, Krasnogorskiy blvd., d. 17

Abstract. *The paper discusses the problems associated with the state-owned real estate disposal. Two groups of objects that have the features of disposition and disposal are distinguished: objects whose disposition and disposal occur in a general manner after removal of their special status (cultural heritage objects, protective structures), and objects whose disposition and disposal are regulated by special legislation in connection with the special purpose of such objects (housing, subsoil use, water transport). Features of the disposal of such facilities, in particular the need to remove special status prior to the disposal of the facilities, are considered. The problem of registration of rights to land plots under objects that are subject to demolition or are virtually absent is considered. It is concluded that it is necessary to improve the legislation regarding the disposal of facilities, including the development of a procedure for the sale of materials resulting from the demolition of capital construction facilities.*

Keywords: *disposal, disposition, real estate objects, protective structures of civil defense objects, cultural heritage objects, subsoil use objects, inspection certificate.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bepalov M. V. Buhgalterskiy uchet v byudzhetnyh i nekommercheskih organizatsiyah // *Sovremennyy poryadok spisaniya osnovnykh sredstv v byudzhetnyh uchrezhdeniyah.* — 2014. — № 3. — S. 2—8.
2. Lipski S. A. *Zemel'naya politika : uchebnyk dlya akademicheskogo bakalavriata.* — M., 2016. — 236 s.
3. Ponomarev M. V. Pravo sobstvennosti na othody: pravovye problemy realizatsii i perekhoda // *Zhurnal Rossijskogo prava.* — 2017. — № 18. — S. 53—64.

Реализация права на землю сельскими жителями

Аннотация. Преимущественное право купли-продажи сельскохозяйственных земель органами субъектов Российской Федерации, предельные размеры сельскохозяйственных земельных участков, наделение сельских жителей долями и некоторые другие особенности аграрного законодательства являются ограничениями в реализации права сельских жителей на владение землей. Отсутствие надлежащей инфраструктуры сельских территорий, особенно на территориях Дальнего Востока, попадающих под проект «Дальневосточный гектар», также рассматриваются как препятствие для сельских жителей в реализации права на землю.

Ключевые слова: земельный участок, получение земли сельскохозяйственного назначения, правоспособность, сельские жители, преимущественное право, предельные размеры, программа «Дальневосточный гектар», инфраструктура сельских территорий, устойчивое развитие сельских территорий.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.193-200

Несмотря на то что в Конституции Российской Федерации существует право собственности на землю, данный правовой институт до сих пор является одним из самых сложных в российском праве. Зависит это от того, что земля выступает в нескольких ипостасях: территория, ресурс, объект недвижимости. Земельный вопрос, несмотря на все революции с лозунгами «земля — крестьянам» и светлыми идеалами, остается до сих пор острым.

Для ведения сельскохозяйственной деятельности необходима земля, земельный участок — «производственный базис крестьянского хозяйства»¹. Причем, как правило, земля сельскохозяйственного назначения. Земельный участок

может быть арендован, куплен у другого сельскохозяйственного товаропроизводителя или передан из государственной (или муниципальной) собственности в частную собственность или аренду либо по договору безвозмездного пользования земельным участком.

Право собственности на землю в настоящее время значительно трансформировалось и не является безграничным правом на имущество, имеет целый ряд ограничений и запретов, в ряде случаев неоправданных или чрезмерных. Справедливость предполагает, что возложение дополнительных обязанностей или проблемы в реализации прав должны повлечь за собой дополнительные преимущества, однако у сель-

---

¹ Майборода В. А. Правовое разграничение фермерского и крестьянского хозяйств применительно к формам корпоративного и индивидуального хозяйствования // Юрист. 2016. № 5. С. 20—24.

² Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3018.

© Попова О. В., 2019

* Попова Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Юридического института Балтийского федерального университета имени И. Канта OVPorova@kantiana.ru
236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14

ских жителей России какие-либо преимущества обнаружить пока сложно.

Купить или продать землю сельскохозяйственного назначения, согласно ст. 8 Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»² (далее — Федеральный закон об обороте сельхозземель), можно только с учетом преимущественного права субъекта Российской Федерации или, если это предусмотрено в законодательстве субъекта России — преимущественного права муниципального образования. Анализ судебной практики подтверждает отсутствие единообразия в связи с неопределенностью в квалификации правовой природы механизма преимущественного права³. Несмотря на то что целью введения механизма являлось обеспечение публичного контроля за оборотом сельскохозяйственных земель, в итоге получился разрешительный порядок на продажу сельскохозяйственных земельных участков третьим лицам и некое обеспечение имущественных прав публичных образований на землю. «Отказ от приобретения земельного участка, равно как и отсутствие ответа органа государственной власти или органа местного самоуправления к установленному Законом сроку, может рассматриваться как особая форма разрешения продать земельный участок третьему лицу»⁴. Этот принцип и нормы, обеспечивающие его реализацию, получили в целом негативную оценку⁵. Нужно также учитывать, что основной способ приобретения земли фермерами — предоставление государственных или муниципальных земель⁶.

В существующем механизме купли-продажи земель сельхозназначения, где большую роль играют государственные или муниципальные органы, потенциально могут быть задействованы коррупционные схемы и ограничение свободного рынка.

Безусловно, государство в лице его уполномоченных органов должно обеспечить жесткий контроль за использованием сельскохозяйственных земель по назначению, но внедряя механизмы, якобы облегчающие осуществление такого контроля, подменяя принципы свободы целесообразностью, очень сложно почувствовать этическую грань, когда такие механизмы будут не помогать, а вредить государству, экономическому обороту, развитию здоровых общественных отношений.

Еще одной проблемой является определение порядка предоставления земельных участков, находящихся в государственной собственности. Участки могут быть предоставлены: путем проведения торгов, без проведения торгов в соответствии со ст. 39.1, 39.2, 39.3 и некоторыми другими нормами Земельного кодекса РФ⁷. Постановлением Правительства РФ от 26.03.2015 № 279⁸ утверждены Правила определения цены земельного участка, находящегося в федеральной собственности, при заключении договора купли-продажи такого земельного участка без проведения торгов. Для фермерского хозяйства цена такого земельного участка будет равна его кадастровой стоимости⁹. Сказать, что это большой плюс для покупателя, нельзя: от кадастровой стоимости зависят имущественные налоги

³ Желонкин С. С. К вопросу о правовой природе извещения в механизме реализации преимущественного права: правовая определенность или судебское усмотрение // Вестник арбитражной практики. 2017. № 4. С. 16—22.

⁴ Разрешительная система в Российской Федерации : научно-практическое пособие / Л. Ю. Акимов, Л. В. Андриченко, Е. А. Артемьева и др. ; отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, Инфра-М, 2015. 928 с.

⁵ Подробнее см.: Рыженков А. Я. Принципы оборота земель сельскохозяйственного назначения и их правовое значение // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 6. С. 101—109.

⁶ Устюкова В. В. Предоставление земельных участков для ведения фермерского хозяйства: новые подходы // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 42—46.

⁷ СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

⁸ СЗ РФ. 2015. № 14. Ст. 2124.

⁹ Устюкова В. В. Указ. соч.

и рыночная стоимость не всегда выше, а иногда и ниже кадастровой.

В случае выставления земельного участка на торги законодатель предусмотрел использование только одной формы торгов — аукциона. В. В. Устюкова отмечает, «что в отличие от гражданского законодательства, где предусмотрены две формы торгов — конкурс и аукцион, Земельный кодекс РФ говорит лишь об аукционах, что вряд ли можно признать нормальным, особенно в отношении земель сельскохозяйственного назначения»¹⁰. Ведь действительно, когда речь идет о конкурсе, крестьянскому (фермерскому) хозяйству, представившему наиболее интересный бизнес-план, отвечающий социальным потребностям той или иной территории (например, план по строительству тепличного хозяйства в регионе, рынок которого имеет дефицит овощной продукции и избыток рабочей силы), предоставление земли является более предпочтительным, в отличие от проведения аукциона, который не позволяет региональному руководству решать данный вопрос в интересах большинства населения.

В ряде исключительных случаев земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, предоставляется крестьянскому (фермерскому) хозяйству в собственность бесплатно на основании решения уполномоченного органа (ст. 39.5 ЗК РФ) либо с ним может быть заключен договор аренды государственного или муниципального учета, как правило, путем проведения аукциона, но также и без такового, например для сенокосения, выпаса сельскохозяйственных животных,

ведения огородничества (ст. 39.6 ЗК РФ). Очевидным минусом для указанных случаев является усмотрение руководства в принятии решения, зависимость крестьянина от чужой воли.

В некоторых муниципальных образованиях предоставление земельных участков рассматривается как муниципальная услуга¹¹. Применение данного вида правоотношений к отношениям по предоставлению земельных участков можно приветствовать, так как такие отношения складываются согласно соответствующим регламентам, они прозрачны, их можно перевести в электронную среду, что в дальнейшем упрощает возможность их использования.

Еще одним ограничением для крестьянского (фермерского) хозяйства можно считать установление предельных размеров при использовании земельных участков. Предельные (максимальные и минимальные) размеры земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и предоставляемых для осуществления крестьянским (фермерским) хозяйством его деятельности, устанавливаются законами субъектов России (п. 6.1 ст. 12 Федерального закона от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»¹²). Раньше такие предельные размеры были оправданы в целях недопущения концентрации земельных участков у лиц, которые не могут обеспечить надлежащее освоение сельскохозяйственных земельных участков. Теперь с учетом научно-технического прогресса, цифровизации экономики предельные нормы земельных участков, возможно, необходимо пересмотреть. При этом концентрация земельных участков

---

¹⁰ Устюкова В. В. Указ. соч.

¹¹ В качестве примера можно привести: постановление администрации муниципального образования «Нивенское сельское поселение» Багратионовского района Калининградской области от 5 мая 2015 г. № 118 «Об утверждении Административного регламента администрации муниципального образования «Нивенское сельское поселение» по предоставлению муниципальной услуги «Предоставление земельных участков гражданам для индивидуального жилищного строительства, ведения личного подсобного хозяйства в границах населенного пункта, садоводства, дачного хозяйства, гражданам и крестьянским (фермерским) хозяйствам для осуществления крестьянским (фермерским) хозяйством его деятельности на территории муниципального образования «Нивенское сельское поселение»» // Система «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/9880863/#ixzz4xZNIHuJy>.

¹² Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ (ред. от 23.06.2014) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // СЗ РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.

в одних руках, у конечного бенефициара через множество зависимых юридических лиц имело место всегда. Более современной стала бы замена правового института предельных размеров земельных участков совершенствованием земельного надзора за надлежащим использованием земельных ресурсов.

Одним из способов реализации права на землю можно назвать выдел земельного участка в счет земельной доли либо аренду земельной доли. Этот правовой институт изначально был сложен в реализации, и многие сельские жители так и не смогли им воспользоваться. Об этом свидетельствовало большое количество невостребованных земельных долей, что даже повлекло необходимость включения в законодательство специальной ст. 12.1 Федерального закона об обороте сельхозземель.

Надо также отметить, что на сельскохозяйственной земле могут быть осуществлены не только посадки сельскохозяйственных культур. Согласно п. 2 ст. 11 Федерального закона о крестьянском (фермерском) хозяйстве на земельных участках крестьянского (фермерского) хозяйства из земель сельскохозяйственного назначения могут быть построены необходимые здания, строения, сооружения. Ранее в ст. 10 Закона РСФСР от 22.11.1990 № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (в настоящее время утратил силу) гражданину, имеющему землю для ведения крестьянского хозяйства в собственности, предоставлялось в том числе право возводить жилые, производственные, культурно-бытовые и иные строения и сооружения. В настоящее время жилое помещение не включается в состав зданий, строений, сооружений, необходимых для деятельности крестьян-

ского (фермерского) хозяйства. Данные выводы сделаны в письме Минэкономразвития РФ от 01.03.2010 № Д23-640¹³. С одной стороны, это правильно: нельзя допустить застройку сельхозземель жилыми домами, но насколько это справедливо для граждан, которые живут и работают на отдаленных территориях? Вопросам инфраструктуры, обеспечению достойной жизни сельских жителей необходимо уделять значительно больше внимания, решение именно этих проблем — основа устойчивого развития сельских территорий.

Создание инфраструктуры имеет особое значение для развития восточных территорий России. Утверждена государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»¹⁴, включающая одно из направлений развития, названное «Дальневосточный гектар». Нормами Федерального закона от 01.05.2016 № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁵ (далее — Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ) предусмотрено право гражданина России один раз в жизни получить гектар земли. Земельный участок предоставляется из состава государственных или муниципальных земель, находящихся на Дальнем Востоке, на территории поименованных в Федеральном законе от 01.05.2016 № 119-ФЗ субъектов Российской Федерации.

¹³ Письмо Минэкономразвития РФ от 01.03.2010 № Д23-640 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 308 (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»» // СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. I). Ст. 2154.

¹⁵ Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 18. Ст. 2495.

Занимается вопросами организации освоения земель Министерство РФ по развитию Дальнего Востока¹⁶. Выбор и оформление земельного участка осуществляется онлайн с помощью Федеральной информационной системы «НаДальнийВосток.РФ»¹⁷. За информационное и методологическое сопровождение программы «Дальневосточный гектар» отвечает Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке¹⁸, подведомственное Минвостокразвитию России. В течение первого года владения земельным участком заявитель должен определиться с видом использования участка, и только через три года — задекларировать ход освоения. После 5 лет безвозмездного пользования участком предусмотрено право гражданина на получение земли в собственность или длительную аренду.

Таким образом, гражданам предоставлена практически полная свобода по использованию земельного участка. Хотя некоторые исследователи делают вывод, что выбор земельного участка гражданином будет ограничен определенными зонами¹⁹, другие отмечают, что Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ фактически вывел из-под регулирования земельного законодательства положения о делении земель на категории и порядке перевода земельных участков из одной категории в другую²⁰.

В Российской Федерации для сельскохозяйственных земель не разрабатываются градостроительные регламенты и только предполагается создание соответствующих (сельскохозяйствен-

ных) регламентов, «обеспечивающих охрану и надлежащее использование земель сельскохозяйственного назначения»²¹. Разработка регламентов для сельских территорий, которые бы устанавливали (в числе прочих задач) соответствующие нормы для создания инфраструктуры: дорог, больниц, аптек, школ и т.п., стало бы ориентиром для движения вперед в сфере реализации публичных интересов, послужило бы целям обеспечения устойчивого развития сельских территорий, развития инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, обеспечения учета интересов граждан и их объединений, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, то есть тем задачам, которые поименованы в ст. 9 Градостроительного кодекса РФ²². Такое планирование развития сельских территорий, в первую очередь новых осваиваемых территорий, было бы стратегически правильным. Тогда как вторжение в деятельность сельхозтоваропроизводителей и диктат выбора вида деятельности, которым должен заниматься крестьянин, нежелателен и ограничивает право гражданина на землю. В случае необходимости развития того или иного вида производства, например агротуризма или пушной фермы, могут быть использованы методы экономического воздействия в форме поощрения, грантов, субсидий.

Ученые отмечают, что цель развития региона может быть достигнута только в случае, если предоставлению земельных участков будут сопутствовать государственные меры поддержки:

¹⁶ Официальный сайт Министерства РФ по развитию Дальнего Востока. URL: https://minvr.ru/press-center/news/20648/?sphrase_id=783128.

¹⁷ Информационная система «НаДальнийВосток.РФ». URL: <https://xn--80aagvggieoeoa2bo7l.xn--p1ai/news/detail?id=512>.

¹⁸ Официальный сайт Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке. URL: <https://hcfе.ru/agency/about/>.

¹⁹ Логунова М. В. Проблемы правового обеспечения публичных интересов при предоставлении «дальневосточных гектаров» из состава земель лесного фонда // Экологическое право. 2018. № 1. С. 20—24.

²⁰ Минина Е. Л. Правовое обеспечение развития сельского хозяйства на Дальнем Востоке // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 134—144. DOI: 10.12737/article_59240612b42d52.36179719 (www.doi.org).

²¹ Липски С. А. Землеустроительное обеспечение как необходимое условие замены института категорий земель территориальным зонированием // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 11. С. 18—23.

²² СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.

льготное кредитование, гранты для начинающих фермеров и т.д.²³

В пункте 24 ст. 8 Федерального закона от 01.05.2016 № 119-ФЗ предусмотрена обязанность органов государственной власти, органов местного самоуправления оказывать содействие обустройству территории, строить объекты коммунальной, транспортной, социальной инфраструктур, если 20 или более смежных и (или) компактно расположенных земельных участков находятся в границах населенного пункта или на расстоянии не более 20 км от него. Однако можно предположить, что указанная норма носит декларативный характер: наверняка в случае, если бы денежные средства в бюджете соответствующего муниципалитета или субъекта Федерации были в достаточном количестве, территории и так бы развивались.

В большой степени скепсис, касающийся успеха проекта «Дальневосточный гектар» в плане развития сельского хозяйства, связан именно с «отсутствием дорог и иной инфраструктуры»²⁴. Ведь, действительно, нельзя исключить ситуации, когда выращенную продукцию некому сбыть, негде хранить, невозможно довести по потребителю. Эти проблемы решить самостоятельно, в одиночку крестьянскому хозяйству невозможно, даже если принять во внимание государственную поддержку. А значит, реализовать право на использование земли будет затруднительно или невозможно. Вторая

инфраструктурная проблема связана с личными потребностями человека — с тем, что ему необходимо здравоохранение, образование для его детей, культурная жизнь на уровне современного развития экономики и технического прогресса, то есть все то, что принято называть достойной жизнью. Эти вопросы также пока остаются нерешенными. Отсутствие надлежащей инфраструктуры наиболее ярко выражено на территориях Дальнего Востока, однако эта проблема актуальна для всех сельских территорий России.

Уполномоченное ведомство максимально продвигает проект развития Дальнего Востока, создавая благоприятное отношение к нему в обществе, снимая административные барьеры в получении земельных участков и льгот переселенцам, осуществляя поиск новых управленческих решений, например создав сервисы «Найти соседей», «Кооперация на гектарах».

27 декабря 2018 г. Президент России подписал закон²⁵, распространяющий проект «Дальневосточный гектар» на участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом²⁶. Изменения вступают в силу с 28 марта 2019 г. Этим же законом установлены критерии и механизм оценки использования земли. Кроме того, теперь появилась возможность досрочного оформления земельного участка в соб-

²³ Миронова С. М., Чикильдина А. Ю. Особенности предоставления земельных участков на Дальнем Востоке: актуальные вопросы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. С. 42—49 ; Литвинова Е. П. Надзор за исполнением законодательства о «дальневосточном гектаре» // Законность. 2017. № 9. С. 7—10.

²⁴ Минина Е. Л. Указ. соч.

²⁵ Федеральный закон от 27.12.2018 № 503-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” и статью 3 Федерального закона “Об обороте земель сельскохозяйственного назначения”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 27 декабря 2018 г.

²⁶ Указ Президента РФ от 22.06.2006 № 637 (ред. от 15.03.2018) «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2820.

ственность или долгосрочную аренду, если на участке построен дом (объект индивидуального жилищного строительства).

Тем не менее необходимы денежные вливания из федерального бюджета в инфраструктуру

сельскохозяйственных территорий, в поддержку кооперации, в строительство дорог на осваиваемых территориях, чтобы бесплатное предоставление земли на Дальнем Востоке не стало обманом для переселенцев.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Желонкин С. С. К вопросу о правовой природе извещения в механизме реализации преимущественного права: правовая определенность или судебское усмотрение // Вестник арбитражной практики. — 2017. — № 4. — С. 16—22.
2. Липски С. А. Землеустроительное обеспечение как необходимое условие замены института категорий земель территориальным зонированием // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2016. — № 11. — С. 18—23.
3. Литвинова Е. П. Надзор за исполнением законодательства о «дальневосточном гектаре» // Законность. — 2017. — № 9. — С. 7—10.
4. Логунова М. В. Проблемы правового обеспечения публичных интересов при предоставлении «дальневосточных гектаров» из состава земель лесного фонда // Экологическое право. — 2018. — № 1. — С. 20—24.
5. Майборода В. А. Правовое разграничение фермерского и крестьянского хозяйств применительно к формам корпоративного и индивидуального хозяйствования // Юрист. — 2016. — № 5. — С. 20—24.
6. Минина Е. Л. Правовое обеспечение развития сельского хозяйства на Дальнем Востоке // Журнал российского права. — 2017. — № 6. — С. 134—144. — DOI: 10.12737/article_59240612b42d52.36179719 (www.doi.org).
7. Миронова С. М., Чикильдина А. Ю. Особенности предоставления земельных участков на Дальнем Востоке: актуальные вопросы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 7. — С. 42—49.
8. Разрешительная система в Российской Федерации: научно-практическое пособие / Л. Ю. Акимов, Л. В. Андриченко, Е. А. Артемьева и др. ; отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. — М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, Инфра-М, 2015. — 928 с.
9. Рыженков А. Я. Принципы оборота земель сельскохозяйственного назначения и их правовое значение // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2017. — № 6. — С. 101—109.
10. Устюкова В. В. Предоставление земельных участков для ведения фермерского хозяйства: новые подходы // Журнал российского права. — 2016. — № 1. — С. 42—46.

Материал поступил в редакцию 22 января 2019 г.

EXERCISE OF LAND RIGHTS BY RURAL RESIDENTS

POPOVA Olga Vladimirovna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Entrepreneurial Law of Law Institute of the Immanuel Kant Baltic Federal University
OVPopova@kantiana.ru
236041, Russia, Kaliningrad, ul. A. Nevskogo, d. 14

Abstract. *The pre-emptive right to purchase and sell agricultural land by the authorities of the constituent entities of the Russian Federation, the maximum size of agricultural land plots, the allocation of shares among rural*

residents and some other features of agricultural legislation are restrictions on the realization of the right of rural residents to own land.

The lack of adequate infrastructure in rural areas, especially in the Far East that fall under the Far Eastern Hectare project, is also seen as an obstacle for rural residents to exercise their right to land.

Keywords: *land, agricultural land, legal capacity, rural residents, preemptive rights, maximum size, the Far Eastern Hectare program, rural infrastructure, sustainable rural development.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zhelonkin S. S. K voprosu o pravovoj prirode izveshcheniya v mekhanizme realizacii preimushchestvennogo prava: pravovaya opredelennost' ili sudejskoe usmotrenie // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. — 2017. — № 4. — S. 16—22.
2. Lipski S. A. Zemleustroitel'noe obespechenie kak neobhodimoe uslovie zameny instituta kategorij zemel' territorial'nym zonirovaniem // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. — 2016. — № 11. — S. 18—23.
3. Litvinova E. P. Nadzor za ispolneniem zakonodatel'stva o «dal'nevostochnom gektare» // Zakonnost'. — 2017. — № 9. — S. 7—10.
4. Logunova M. V. Problemy pravovogo obespecheniya publicnyh interesov pri predostavlenii «dal'nevostochnyh gektarov» iz sostava zemel' lesnogo fonda // Ekologicheskoe pravo. — 2018. — № 1. — S. 20—24.
5. Majboroda V. A. Pravovoe razgranichenie fermerskogo i krest'yanskogo hozyajstv primenitel'no k formam korporativnogo i individual'nogo hozyajstvovaniya // Yurist. — 2016. — № 5. — S. 20—24.
6. Minina E. L. Pravovoe obespechenie razvitiya sel'skogo hozyajstva na Dal'nem Vostoke // Zhurnal rossijskogo prava. — 2017. — № 6. — S. 134—144. — DOI: 10.12737/article_59240612b42d52.36179719 (www.doi.org).
7. Mironova S. M., Chikil'dina A. Yu. Osobennosti predostavleniya zemel'nyh uchastkov na Dal'nem Vostoke: aktual'nye voprosy pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2016. — № 7. — S. 42—49.
8. Razreshitel'naya sistema v Rossijskoj Federacii: nauchno-prakticheskoe posobie / L. Yu. Akimov, L. V. Andrichenko, E. A. Artem'eva i dr. ; otv. red. A. F. Nozdrachev. — M. : IZiSP pri Pravitel'stve RF, Infra-M, 2015. — 928 s.
9. Ryzhenkov A. Ya. Principy oborota zemel' sel'skohozyajstvennogo naznacheniya i ih pravovoe znachenie // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. — 2017. — № 6. — S. 101—109.
10. Ustyukova V. V. Predostavlenie zemel'nyh uchastkov dlya vedeniya fermerskogo hozyajstva: novye podhody // Zhurnal rossijskogo prava. — 2016. — № 1. — S. 42—46.

Влияние новой промышленной революции на развитие трудового права и права социального обеспечения

***Аннотация.** В статье отражены научные дискуссии, состоявшиеся на VI Московском юридическом форуме по вопросам 100-летия Международной организации труда, международно-правового регулирования труда и социального обеспечения, влияния четвертой промышленной революции на развитие трудового права и права социального обеспечения, проявления правовых традиций и новаций в сфере труда и социального обеспечения.*

***Ключевые слова:** четвертая промышленная революция, Международная организация труда, Московский юридический форум, трудовое право, право социального обеспечения.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.201-206

В рамках VI Московского юридического форума, посвященного влиянию четвертой промышленной революции на развитие правовой системы России и организованного Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) с участием Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Ассоциации юристов России, проводимого 4—6 апреля 2019 г., состоялись три секционные заседания по трудовому праву и праву социального обеспечения с охватом около 200 человек.

Они проходили в формах:

- 1) научно-практической конференции с международным участием «К 100-летию МОТ: влияние новой промышленной революции

- на развитие трудового права и права социального обеспечения в современном мире»; 2) круглого стола «Правовое регулирование труда и социальной защиты педагогических и научных работников: итоги и перспективы»; 3) научной конференции молодых ученых и студентов «Традиции и новации трудового права и права социального обеспечения в условиях современной промышленной революции».

По представлению кафедры трудового права и права социального обеспечения на пленарном заседании форума выступил главный финансовый уполномоченный в России, кандидат экономических наук Ю. В. Воронин с докладом «Концептуальные подходы к модернизации си-

---

© Крылов К. Д., 2019

* Крылов Константин Давыдович, доктор юридических наук, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
kodakr@list.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

стемы обязательного социального страхования в постиндустриальном обществе».

На научно-практической конференции с международным участием «К 100-летию МОТ: влияние новой промышленной революции на развитие трудового права и права социального обеспечения в современном мире» руководителями конференции были А. М. Куренной, д. ю. н., заведующий кафедрой трудового права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; Н. Л. Лютов, д. ю. н., заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); Л. А. Чиканова, д. ю. н., заведующий отделом законодательства о труде и социальном обеспечении Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

С основным докладом выступила Тада Канае, специалист из Японии, координатор проекта по вопросам занятости молодежи Группы технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. Свое выступление она посвятила 100-летию МОТ, разработке новой декларации, ориентирующей на будущее в сфере труда, реализацию идей достойного труда и всеобщего мира, основанного на социальной справедливости. Затем выступил Ю. П. Орловский, д. ю. н., ординарный профессор НИУ «Высшая школа экономики», обративший внимание на актуальные вопросы современного российского трудового права в условиях распространения новых революционных технологий. Н. Л. Лютов, д. ю. н., заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), охарактеризовал трудовое право в период четвертой промышленной революции. А. М. Куренной, д. ю. н., заведующий кафедрой трудового права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, поставив вопрос «Выживет ли трудовое право в современных условиях?», осветил современные тенденции и новые задачи его развития. А. М. Лушников, д. и. н., д. ю. н., заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, сделал обстоятельный доклад

на тему «Трудовое право и научно-технические революции: методологические подходы».

Специальное внимание на международные трудовые новации обратила Г. С. Скачкова, д. ю. н., профессор, заведующий сектором трудового права и права социального обеспечения Института государства и права РАН, выступившая с докладом «Юбилей МОТ: будущее сферы труда». Е. Е. Мачульская, д. ю. н., профессор кафедры трудового права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, член Комитета экспертов МОТ по применению конвенций и рекомендаций, привлекла внимание к всеобщей социальной защите на основе Рекомендации МОТ № 202.

К участникам конференции обратились с развернутыми выступлениями представители федеральных органов исполнительной власти А. Н. Пудов, статс-секретарь — заместитель министра труда и социальной защиты РФ, и Ю. В. Воронин, главный финансовый уполномоченный в России, к. э. н. Впервые на университетской конференции выступил Е. Л. Писаревский, первый заместитель председателя Фонда социального страхования РФ, д. ю. н., который сделал весьма информативный доклад с презентацией «Правовое обеспечение социального страхования в условиях цифровой трансформации».

В дискуссии по основным докладам выступили известные ученые в области трудового права и права социального обеспечения, представители социальных партнеров и правоохранительных органов, преподаватели различных образовательных организаций.

М. О. Буюнова, д. ю. н., заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения факультета права НИУ ВШЭ, профессор, касаясь современных целей и задач трудового законодательства, высказала свои соображения по вопросам: что, как и почему нужно менять в трудовом законодательстве. П. Е. Морозов, д. ю. н., профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), обратил внимание на необходимость изменения методологии науки трудового права в условиях четвертой промышленной револю-

ции. Е. А. Шаповал, к. ю. н., доцент, старший научный сотрудник сектора трудового права и права социального обеспечения Института государства и права РАН, дала характеристику современной системы российского трудового права и перспективам ее развития. В. В. Коробченко, к. ю. н., доцент, руководитель секретариата заместителя Председателя Конституционного Суда РФ, указала на перспективы развития трудового законодательства в свете экономической программы МОТ. Е. А. Бурибаев, заведующий кафедрой «Юриспруденция» Казахского национального педагогического университета имени Абая, обратил внимание на человеческое достоинство как ценность государства всеобщего благосостояния и его формирование в Казахстане. Ж. А. Хамзина, д. ю. н., профессор, указала на трансформацию трудового права Казахстана под воздействием международных стандартов.

Наряду с общими вопросами трудового права, были подняты актуальные вопросы развития права социального обеспечения. А. Л. Сафонов, проректор по развитию Академии труда и социальных отношений, д. э. н., профессор, заведующий кафедрой охраны труда, промышленной безопасности и экологии, охарактеризовал изменения рынка труда и трансформацию права социального обеспечения. А. Л. Благодар, д. ю. н., профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н., обратила внимание на социальное обслуживание в странах ЕАЭС и представила анализ отдельных положений законодательства. А. К. Соловьев, д. э. н., профессор, указал на социально-экономические последствия трансформации трудовых отношений в условиях цифровизации экономики. Р. Н. Жаворонков, д. ю. н., профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), охарактеризовал безусловный основной доход как новый облик социального обеспечения в условиях четвертой промышленной революции. С. В. Каменская, к. ю. н., старший научный сотрудник отдела законодательства о труде и социальном обеспечении Института законодательства и сравнительного правове-

дения при Правительстве РФ, касаясь четвертой промышленной революции, охарактеризовала риски и вызовы для российского законодательства о социальном обеспечении. И. В. Григорьев, к. ю. н., доцент кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета, отметил использование цифровых технологий при реализации прав граждан на социальное обеспечение.

Среди выступлений участников дискуссии специальное внимание было обращено на вопросы развития социального партнерства. М. В. Филина, заместитель председателя Московской конфедерации промышленников и предпринимателей (работодателей), координатор стороны работодателей Московской трехсторонней комиссии, указала на особенности регулирования социально-трудовых и связанных с ними экономических отношений с учетом развития высокотехнологичных отраслей экономики. Т. А. Избиенова, к. ю. н., доцент кафедры частного права России и зарубежных стран Марийского государственного университета, показала влияние новой промышленной революции на объединения работодателей в странах Евразийского экономического союза. С. Н. Татарникова, заместитель руководителя Центра трудовых отношений и социального партнерства Института профсоюзного движения Академии труда и социальных отношений, охарактеризовала коллективные переговоры и консультации перед вызовами цифровизации.

Касаясь вопросов занятости, Л. В. Серегина, к. ю. н., ведущий научный сотрудник отдела законодательства о труде и социальном обеспечении Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, осветила государственные услуги в сфере занятости и защиты от безработицы в условиях технологических инноваций. В. А. Волох, профессор Государственного университета управления, доктор политических наук, почетный работник ФМС России, и В. А. Суворова, к. п. н., доцент Государственного университета управления, обратили внимание на влияние промышленной революции на развитие новых политико-правовых форм управления трудовой миграцией в современном мире и России.

Освещая влияние новых технологий, М. В. Васильев, к. ю. н., доцент Казанского федерального университета, отметил роль информационных технологий для развития трудового права Российской Федерации. М. В. Швецова, к. ю. н., судья Яранского районного суда Кировской области, охарактеризовала Интернет, прекариатизацию и дискриминацию на рынке труда в Российской Федерации в условиях развития информационных технологий. А. В. Дзюбак, младший научный сотрудник сектора трудового права и права социального обеспечения Института государства и права РАН, указала на необходимость совершенствования отражения гендерного равенства в документах МОТ.

Вопросам трудовых отношений и трудового договора было посвящено специальное внимание участников конференции. А. А. Бережнов, к. ю. н., заместитель декана по учебно-методической работе, доцент кафедры трудового права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, привлек внимание к основаниям возникновения трудовых отношений, влиянию актов МОТ на российское трудовое законодательство и судебную практику. Л. Н. Чайка, старший преподаватель кафедры международного частного и гражданского права имени С. Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ, охарактеризовала цифровизацию трудовых отношений. К. Д. Крылов, д. ю. н., профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), обратил внимание на международные и российские ориентиры достойного и эффективного трудового договора в инновационных условиях цифровизации. Е. П. Волос, ассистент кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии, затронула применение смарт-контрактов в трудовых отношениях. В. А. Шавин, к. ю. н., показала трансформацию принципа свободы труда в цифровую эпоху. Л. А. Егошина, к. ю. н., старший научный сотрудник отдела законодательства о труде и социальном обеспечении Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, отметила проблемы и перспективы развития

оценки квалификации работников в условиях четвертой промышленной революции. Е. А. Серебрякова, к. ю. н., доцент НИУ «Высшая школа экономики», осветила организацию трудового процесса операторами прикладных цифровых платформ. А. В. Буянова, к. ю. н., доцент Финансового университета при Правительстве РФ, выделила проблемы цифровизации кадрового делопроизводства. Е. П. Циндяйкина, к. ю. н., доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), и И. С. Цыпкина, к. ю. н., доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), обратили внимание на содержание и специфику трудового договора о дистанционном труде на микропредприятии. И. А. Филипова, к. ю. н., доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, указала на работника с нейропротезом как специального субъекта трудового права в ближайшем будущем.

Ряд выступлений был посвящен развитию отдельных институтов трудового права. Т. В. Соколова, младший научный сотрудник сектора трудового права и права социального обеспечения Института государства и права РАН, обратила внимание на правовые новации рабочего времени и времени отдыха. Н. М. Саликова, д. ю. н., профессор кафедры трудового права УрГЮУ, показала влияние новой промышленной революции на соблюдение гарантий в сфере оплаты труда. Н. В. Чхутиашвили, к. э. н., доцент кафедры управления и экономики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), отметила нормирование как объект стимулирования труда работников в современной организации. Е. Р. Воронкова, к. ю. н., доцент Новосибирского государственного университета, указал на формирование добросовестного поведения работника как цель дисциплинарного производства. А. В. Михайлов, к. ю. н., доцент кафедры правового и таможенного регулирования на транспорте Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ), отметил роль охраны труда в эпоху

новой промышленной революции. М. С. Влащенко, к. ю. н., доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина, выделила международные нормы в сфере обеспечения безопасности труда несовершеннолетних граждан. Г. Н. Карташова, старший преподаватель Института права, экономики и управления Сахалинского государственного университета, охарактеризовала историю и перспективы регулирования труда работников, не достигших возраста 14 лет. И. В. Дианова, преподаватель Уральского государственного юридического университета, привлекла внимание к месту правовых норм о социальной защите государственных служащих органов и организаций прокуратуры в системе отраслей российского права. Н. А. Абакшина, аспирант кафедры экономической кибернетики Донецкого национального университета, указала на социально значимые аспекты улучшения условий труда осужденных путем профессиональной подготовки, мотивации и стимулирования к трудовой деятельности. Н. В. Кручинина, д. ю. н., профессор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), обратилась к теме расследования преступлений против репродуктивных прав человека с использованием цифровых технологий. М. В. Советова, курсант Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, затронула вопрос о злоупотреблении трудовыми правами.

С заключительным словом от имени оргкомитета к участникам конференции обратилась Э. Г. Тучкова д. ю. н., профессор, научный руководитель кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ. В своем выступлении она особо привлекла внимание к вопросу о гарантированности социально-экономических прав человека в сфере труда и социального обеспечения на современном этапе развития промышленного производства.

В целом на конференции присутствовало более 150 человек, из них 55 человек представили свои материалы для выступлений на конференции. Наряду с профессорско-преподавательским составом и представителями государственных органов, социальных партнеров, СМИ, к обсуждаемым вопросам проявили интерес студенты, магистранты и аспиранты. В организации работы оказали содействие студенты — представители студенческого совета и научного студенческого общества.

Организация конференции проходила при участии Группы технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии, Международного союза юристов, Министерства труда и социальной защиты РФ, Фонда социального страхования РФ, Московского общества трудового права и права социального обеспечения.

По окончании конференции состоялась презентация новой учебной и научной литературы и распространение сборника докладов, изданного по итогам Кутафинских чтений 2018 г. Было обращено внимание на регулярное опубликование материалов конференций, проводимых в Университете.

Дискуссии, развернувшиеся на конференции известных ученых и практиков, продолжила научная конференция молодых ученых и студентов «Традиции и новации трудового права и права социального обеспечения в условиях современной промышленной революции», которая состоялась после завершения преподавательских секционных заседаний по трудовому праву и праву социального обеспечения.

Участники конференций по трудовому праву и праву социального обеспечения прислали тексты своих научных докладов и сообщений, которые в настоящее время изучены и обобщены для последующего опубликования в специальном сборнике материалов по итогам Московского юридического форума 2019 г.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2019 г.

**THE IMPACT OF A NEW INDUSTRIAL REVOLUTION ON THE DEVELOPMENT
OF LABOR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW**

KRYLOV Konstantin Davydovich, Doctor of Law, Professor of the Department of Labor Law and Social Security Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
kodakr@list.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The paper reflects the scientific discussions held at the VI Moscow Legal Forum on the 100th anniversary of the International Labor Organization, international legal regulation of labor and social security, the impact of the fourth industrial revolution on the development of labor law and social security law, manifestations of legal traditions and innovations in the field labor and social security.*

Keywords: *Fourth Industrial Revolution, International Labor Organization, Moscow Legal Forum, labor law, social security law.*

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ МАТЕРИАЛАМ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ

Более подробная информация содержится на сайте журнала: arpr.msal.ru

1. В журнале публикуются результаты научных исследований и научные сообщения авторов, изложенные в форме научных статей или рецензий в соответствии с тематикой журнала (далее — статьи).
2. Направление автором статьи для опубликования в журнале считается акцептом, т.е. согласием автора на заключение лицензионного договора о передаче права использования статьи в журнале «Актуальные проблемы российского права».
3. Автор направляет в редакцию журнала статью согласно условиям и порядку предоставления и опубликования статей, а также требованиям к оформлению статей, размещенным на сайте журнала. При несоблюдении указанных требований редакция оставляет за собой право вернуть статью автору без рассмотрения.
4. Требования к содержанию и объему статей:
  - объем статьи должен составлять от 15 до 25 тыс. знаков (с пробелами, с учетом сносок), или 10–15 страниц (формат А4; шрифт Times New Roman, высота шрифта — 14 пунктов; межстрочный интервал — полуторный; абзацный отступ — 1,25 см. Поля: левое — 3 см, правое — 1,5 см, верхнее и нижнее — 2 см). Опубликование материалов меньшего или большего объема должно согласовываться с главным редактором журнала;
  - статья должна быть написана на актуальную тему, должна отвечать критерию новизны, содержать определенное новаторство в подходе к изучаемой теме/проблеме;
  - в статье должны быть отражены результаты научного исследования, основанного на анализе теоретических конструкций, нормативных актов, материалов правоприменительной практики;
  - материал статьи не должен быть только описательным, констатировать существующее положение вещей (статьи, значительная часть которых воспроизводит нормативный материал, будут отклоняться);
  - в материале должна быть соблюдена фактологическая и историческая точность;
  - необходимо обращать внимание на аккуратное использование заимствованного материала, точность цитирования. Ответственность за правильность данных в сносках и пристатейном библиографическом списке несет автор.
5. При оформлении ссылок необходимо руководствоваться библиографическим ГОСТом 7.0.5-2008. В журнале используются подстрочные ссылки, вынесенные из текста вниз страницы (в сноску). Нумерация сплошная (например, с 1-й по 32-ю). Сноски набираются шрифтом Times New Roman, высота шрифта — 12 пунктов, межстрочный интервал — одинарный, абзацный отступ — 1,25. Примеры оформления сносок приводятся на сайте журнала.
6. В библиографический список включается только использованная при написании статьи научная литература. В список не включаются нормативные акты, судебная практика и иные правоприменительные документы или их проекты. Требования к оформлению списка литературы в целом совпадают с требованиями к оформлению ссылок. В списке все работы перечисляются в алфавитном порядке, сначала идут материалы на русском языке, затем — на иностранных языках.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN 1994-1471

Свободная цена.

Подписка на журнал возможна с любого месяца. Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» — 11178.

Вниманию авторов!

*Отдельные материалы журнала размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ»,
электронной библиотеке «КиберЛенинка».*

*При использовании опубликованных материалов журнала ссылка
на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.*

*Полная или частичная перепечатка материалов допускается только
по письменному разрешению авторов статей или редакции.*

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор: *М. В. Баукина*

Корректор: *А. Б. Рыбакова*

Компьютерная верстка: *Д. А. Беляков*

Учредитель — Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Адрес издателя: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Адрес редакции: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Тел.: (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

Сайт: aprp.msal.ru

Дата выхода в свет: 02.10.2019. Объем: 24,18 усл.печ.л., формат 60x84/8.

Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная.

Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998;
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

KUTAFIN UNIVERSITY LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит два раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков, а также студентов и аспирантов. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin University Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex Russica – 11198, «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

№ 9 (106) СЕНТЯБРЬ 2019

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002